

Ю.С. Грачев

В Иродовой бездне

Воспоминания о пережитом

Книга первая

Оглавление

[Об этой книге](#)

Часть 1. СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ. 1928 - 1929

[Предисловие](#)

[Глава 1. Школьники](#)

[Глава 2. Как Лева уверовал в Бога](#)

[Глава 3. Первые шаги](#)

[Глава 4. Библиотека](#)

[Глава 5. Посещения](#)

[Глава 6. Осенние тучи](#)

[Глава 7. Особые собрания](#)

[Глава 8. Дума](#)

[Глава 9. Изучение Слова Божия](#)

[Глава 10. Духовные проблемы](#)

[Глава 11. Праздники](#)

[Глава 12. Сложный вопрос](#)

[Глава 13. Как быть?](#)

[Глава 14. В ненастье](#)

[Глава 15. Тяжелые времена](#)

[Глава 16. Ветер с севера](#)

[Глава 17. Утешение](#)

[Глава 18. На волнах](#)

[Глава 19. Гроза](#)

[Глава 20. Путь в бурю](#)

Часть 2. ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ. 1929- 1930

[Глава 1. Накануне совершеннолетия \(Катта-Курган\)](#)

[Глава 2. Подарок свыше](#)

[Глава 3. Внутренний рост](#)

[Глава 4. Ключ к подарку найден](#)

[Глава 5. Отрешение от всего](#)

[Глава 6. Клопьяная ночь \(Самарканд\)](#)

[Глава 7. Лев бесстрашен \(Станция Урсатьевская\)](#)

[Глава 8. Принимают за больного \(Ура-Тюбе\)](#)

[Глава 9. Простые русские люди](#)

[Глава 10. Расставание](#)

[Глава 11. Семьи узников](#)

[Глава 12. Диотреф \(Ташкент\)](#)

[Глава 13. "Подумай, парень!"](#)

[Глава 14. Хожение по мукам \(В пустыне Туркестана\)](#)

[Глава 15. Облегчение](#)

[Глава 16. Что стало с Валея](#)

[Глава 17. Живые мощи](#)

[Глава 18. На могиле](#)

[Глава 19. Оазис](#)

[Глава 20. Просили и получили](#)

[Глава 21. Предательство](#)

[Глава 22. Духовный семафор](#)

[Глава 23. Старушка изгнания \(Темир\)](#)

[Глава 24. Суды Божий](#)

[Глава 25. Женатые](#)

[Глава 26. Завербованный](#)

[Глава 27. Отдых у Голгофы](#)

[Глава 28. Наставник братства](#)

[Глава 29. "Никодим"](#)

[Глава 30. В горах Тянь-Шаня](#)

[Глава 31. Удивительное ущелье](#)

[Глава 32. Вперед и только вперед](#)

[Глава 33. Увольнение](#)

[Глава 34. Встреча с отцом и братьями \(Красноярск, Мариинск\)](#)

[Глава 35. Гонимые \(Канск\)](#)

[Глава 36. Тулонские старцы](#)

[Глава 37. Узники с Украины](#)

[Глава 38. Иркутские родные](#)

[Глава 39. Звезды Сибири \(Ангара, Тальцы\)](#)

[Глава 40. Отверженные](#)

[Глава 41. Жена изгнанника](#)

[Глава 42. Узники центра \(Александровский централ\)](#)

[Глава 43. Среди заключенных](#)

[Глава 44. По узкому пути \(Красноярск и вверх по Енисею\)](#)

[Глава 45. В непогоду \(По Енисею\)](#)

[Глава 46. Темнеет \(Красноярск\)](#)

[Глава 47. Особенный день \(Евсеев мыс\)](#)

[Глава 48. Начало страдальческого пути \(Село Черчет\)](#)

Об этой книге

Автор рассказывает в четырех книгах о разных днях своей жизни - об обыденных и о самых трагических. Читатель узнает о многих состояниях его души: о поисках и надеждах, о предании себя в Его волю в скорби, в смятении, о хвала и радости обретения Бога.

Эти книги будут близки и понятны всем тем, кого интересует история баптистского движения в России в 1928-1949 гг., а также каждому, кто стремится превратить свою жизнь в непрерывающуюся встречу со Христом.

Часть 1. СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ. 1928 - 1929

Предисловие

В предлагаемой читателю книге рассказывается о жизни верующего молодого человека. Это то дорогое, что хранится в сердце, когда в жизни уже все испытано, осмотрено. Когда человек, близясь к закату,

определяет, взвешивает все ценности и делает окончательные выводы о самом важном в жизни.

Юноша жил и развивался, когда строилась послереволюционная Россия. Он, как и основная масса молодежи нашей страны, был сыном трудовой семьи и учился в советской школе. На всех в той или иной степени действовали влияния религиозные и антирелигиозные. Одни, вырастая, становились атеистами, а другие - верующими. Лева, как и подобные ему, не плыли по течению: в его сознании развилось то, что сделало его жизнь христианской. Он стремился поступать по Вечной Книге, с помощью которой он нашел в юности то, что и по прошествии многих лет осталось для него величайшей ценностью.

Пусть отрицающие Христа не скажут: какое мракобесие! Но терпеливо, беспристрастно постараются проанализировать все то, чем жил Лева.

Служение Христу, - вот что определяло жизнь Левы, желание помочь ближним, облегчить горе, делать добро.

Эта книга адресована людям всех возрастов.

Да благословит Бог каждого человека, раскрывающего эти страницы, получить для себя и окружающих полезные уроки и понять, что наше сознание определяется не только земным бытом, но и небесным бытием, которое, как чудное солнце, влияет на жизнь людей, стремящихся к свету и добру.

Ю.С.Грачев. Куйбышев, 1970 г.

Глава 1. Школьники

*"Простым датьмышленость, юноше -
знание и рассудительность".*

Притч. 1:4

Прежде чем идти в школу, Лева решил забежать к своему другу - однокласснику Шуру Голованову, который был известен среди ребят под именем Голованчик. Он жил недалеко. Его отец - рабочий железнодорожного депо - выстроил небольшой дом и разбил сад рядом с огородом родителей Левы.

На стук в калитку больших зеленых ворот почти тут же выбежал Голованчик. Это был юноша маленького роста с совершенно рыжей головой. Он весело замахал Лева.

- Это ты? Заходи, заходи. Я почти уже собрался в школу.

- Я к тебе на минутку, - сказал Лева, - один пример по алгебре не решил, давай посмотрим вместе.

Лева приветливо поздоровался с матерью Шуры, которая суежилась у печи. Это была простая, богобоязненная женщина. Она не особенно вмешивалась в жизнь и учебу своих детей, за исключением того, что на церковные праздники запирала в сундук их гитары и балалайки, говоря, что теперь играть нельзя.

Лева сверил свое решение с решением товарища, и они пошли в школу.

- Да, - сказал Голованчик по дороге, - подумать только, Лева, мы скоро закончим "девятилетку" (тогда в средней школе учились девять классов), получим свидетельство и можно поступать в вуз.

- Ты куда мечтаешь пойти? - спросил Лева.

- Я еще точно не решил, - ответил друг, - папа советует в индустриальный, да там большой конкурс. Я слышал, что легче всего поступить в ветеринарный институт.

- А я, - сказал Лева, - до сих пор думаю, куда поступать. Ведь ты знаешь, что я с детства вместе со Шмидтом (так они звали одноклассника Виктора) увлекался камнями. Сколько коллекций минералов мы собрали по берегам Волги, как мечтали стать геологами! А потом я увлекся химией, тогда ее еще и не преподавали в школе. Мы сделали много опытов! Какая интересная наука химия!

- Вообще-то ты, Лева, очень увлекающийся, - сказал Голованчик. - Щупленький, а столько всего хочешь захватить; вот и радио, и электричеством интересуешься. Впрочем, мне это тоже очень нравится.

Самодельные детекторные радиоприемники в то время были для школьников большой новинкой, и многие проявляли к ним большой интерес.

- Эх, если бы родители могли поддержать меня материально, - сказал Лева, - я, кажется, всю бы свою юность учился бы и учился; кончил бы один вуз, поступил бы в другой. Да только об этом думать не приходится, ведь мой папа фельдшер. Работая на железной дороге в приемном покое, он мало зарабатывает; а семья у нас большая: пятеро детей и я - самый старший.

- И я - самый старший, - сказал Голованчик, потому мы должны поскорей получить специальность, чтобы работать и помогать родителям.

Был тихий, ясный, осенний день - день так называемого бабьего лета. Листва с деревьев еще не опала и украшала все золотым убором сентября. Огромная школа из красного кирпича (здание бывшей семинарии) шумела от криков и беготни школьников.

Но вот раздался резкий электрический звонок, все разбежались по классам, и наступила тишина. У Левы и Шуры был урок литературы. Средних лет учительница с увлечением рассказывала учащимся о художественном творчестве великого русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Вдруг урок ее прервался. В класс вошел заведующий учебной частью. Школьники встали, поздоровались. Он извинился перед преподавателем и заявил, что должен сказать учащимся несколько слов.

В своей краткой речи он подчеркнул, что для них наступил последний, завершающий учебный год. Требования к этому выпуску будут повышенные, и поэтому он просил всех особенно серьезно отнестись к учебе.

- Вы знаете, - сказал он, - большая часть нашей молодежи заканчивает только пятилетку или семилетку и идет на производство. Вам же дано право получить полное среднее образование. Нужно особенно ценить то, что дает вам советская власть и серьезно готовиться к поступлению в вузы.

Заведующий ушел. А Лева некоторое время еще думал о нем, так как хорошо знал его. По дороге в школу они часто встречались, и по пути заведующий наставлял его о пользе физической гимнастики.

Теперь же Лева с большим вниманием слушал его рассказ о творчестве Льва Николаевича Толстого. Он очень любил этого писателя; знал, что у него есть философские и духовные статьи, но читать их еще не приходилось.

- Если бы я тоже мог хотя бы немного писать, - думал Лева. Он с раннего детства любил читать. Его мать в свое время училась в Петербурге на Высших Бестужевских женских курсах, но не окончила их. А вот увлечение литературой осталось у нее на всю жизнь. Эту любовь к чтению она передала и своим детям. Она познакомила их с произведениями А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, которые были настольными книгами в их семье. В четвертом классе Лева записался в литературный кружок, но еще раньше он пытался писать стихи. Вот одно из них:

Poetry...Бедняк милости просил, и богачу он молвил:

"Подайте на кусочек",

Но богач не дал и пятачок.

Лучше быть бедняком, чем иметь каменное сердце.

Позже Лева понял, что писать стихи - совсем не его призвание и перешел на прозу. Его первым опытом была "Скала богов". Он написал об одном горном ауле, где верили в то, что на скале живут боги и поклонялись им. Тогда один юноша, смелый и храбрый, решил проверить это и забрался на скалу. С большими трудностями он достиг вершины и убедился, что никаких богов там нет. Холодные, каменистые, голые вершины - и все. Он спустился в свой родной аул и поведал людям об этом. С тех пор суеверию пришел конец.

Занимаясь в литературном кружке, Лева написал рассказ о пожаре, передал его председателю кружка - ученице параллельного класса Марусе Япрынцевой. Она так улучшила его рассказ, что, когда его читали на кружке в присутствии преподавателя, Лева едва узнал его и очень удивился. Еще в те годы подруги Маруси предсказывали ей нечто о Леве, а Голованчик всегда, когда видел Марусю, внушительно похлопывал приятеля по спине и посмеивался. Прошло много лет после этих школьных дней, и Маруся Япрынцева стала верной женой Левы.

А теперь, слушая учительницу о работе Льва Толстого над своими произведениями, Лева думал: хорошо бы заняться литературой и стать писателем. Действительно, сколько в жизни интересного, прекрасного - приобретать знания, учиться, развиваться, но лучше всего стать ученым-исследователем. Он невольно вспомнил фантастические рассказы своего друга Шмидта, который уговаривал его бежать из дома, отвязать лодку на берегу Волги и поплыть вниз по реке.

- Ведь ученые всегда бегут, - говорил Шмидт, - потом забираются на облака, ходят по облакам и с высоты изучают небо и землю.

Тогда они даже сушили сухари, складывали в свои ранцы, готовясь в путешествие. Но все это прошло, и теперь Лева никуда не собирался бежать, сейчас было одно желание - хорошо окончить девятилетку и учиться дальше, чтобы стать честным тружеником.

Наступила перемена. Любимой игрой их в это время была борьба за мяч. Девушки перекидывали мяч между собой, а юноши отбивали его и бросали друг другу. В результате борьбы за мяч получалась огромная свалка. Все смеялись, веселились, и большие перемены проходили, как одна минута.

Но вот уроки закончились. Лева с другими ребятами направился домой. К нему подошел один из его друзей, который жил в городе.

- Лева, у меня нет учебника по литературе, не дашь ли ты мне до завтра?

- С удовольствием дам, возьми, только не забудь принести завтра, а то мне тоже нужно готовить уроки.

Дома Леву уже ждали. И как только он пришел, мать усадила его, трех его сестренок и братишку за стол и начала кормить обедом. Отец был еще на работе.

Покушав, Лева вышел во двор-сад. (Здесь когда-то были молоканские сады.) Молокане - одна из сект духовных христиан, которая возникала в России во второй половине 18 века. Отколовшись от православия, они стремились жить по Евангелию, были гонимы. Деды и прадеды Левы были тоже молокане.

Сад находился на окраине города Самары. Слева перед домом росли два больших дерева ранетки. Справа - большая сосна, с которой каждый год на Рождество отец срезал ветки для того, чтобы устроить детям "елку". А подалее впереди возвышалась необыкновенно высокая старая ветла. Эта ветла была, видимо, с тех пор, когда здесь были огромные приволжские дремучие леса. Ствол ее был настолько толст, что четверо мужчин не могли обхватить его. Достигнув четырехметровой высоты, он разделился на две части, где образовалось огромное дупло. Обычно там играли дети. Левее ветлы был знаменитый колодец с прекрасной водой. Он был известен нескольким соседним улицам, и люди, готовящие лимонад на продажу, специально приходили за этой водой. Дальше была рощица стройных, высоких тополей. Отец рассказывал, что он сажал их, когда был еще мальчиком. За домом слева была беседка из акаций и росли плодовые деревья, среди них особенно славилось одно, на котором созревало несколько сортов яблок. Лева ходил по этому тенистому двору, воздух был наполнен ароматами осенних увядающих листьев. Войдя в беседку, Лева невольно вспомнил, как здесь сидели раненые и он, будучи маленьким мальчиком, с опаской посматривал на этих людей, ходящих на костылях.

Это было время первой империалистической войны. Братство евангельских христиан-баптистов, памятуя притчу Христа о милосердном самарянине, организовало в соседнем доме лазарет для раненых. Братство верующих не только проповедовало любовь, но на деле старалось проявить ее к тем, кто был покалечен на войне.

Отец и мать Левы были из молоканских семей, где Библия занимала первое место и люди стремились к высоконравственной жизни. Став взрослыми, они поняли, что молоканство не является полным исполнением учения Христа и, как рассказывали Лева, перешли в Братство евангельских христиан-баптистов, которое более соответствовало истинам Евангелия.

Недолго прогуливался Лева по двору. Он принес маме два ведра воды и сел за уроки. Занимался он в комнате, которую называли кабинетом. Там стоял отцовский письменный стол и большой сундук, на котором спал Лева. Стены комнаты были оклеены темноватыми обоями в строгом стиле. В других комнатах обои были светлые, с красивыми цветами.

Недолго Лева занимался. Пришел отец. Видно было, что он устал. Пообедав, он позвал Леву с собой на огород.

- Пойдем, пока стоит хорошая погода, мы должны спилить засохшую яблоню на дрова и выкорчевать пень.

Лева охотно пошел с отцом, он любил помогать ему. Они на зиму дрова не покупали, а топили обрезанными сухими ветками и засохшими яблонями. Огород, на который они пришли, представлял из себя участок земли, граничащий со старым садом. Дружно взялись они за работу. Пот катился с них градом. Пилить сушняк было легче, чем корчевать и подрубать пни, - это самая тяжелая работа. Переносить нарубленный сушняк и напиленные ветки пришла вся семья и даже самый маленький братишка Левы - Веня.

- Да, хорошо у нас здесь, на 3-ей Молоканской, - сказал отец, вытирая пот, - а в городе-то... Ну и пыльна наша Самара.

Действительно, стоило подуть ветру, как над городом поднимались целые тучи черной пыли, которые проникали всюду. Лишь только район молоканских садов был защищен массивами деревьев земской больницы (ныне больница им. Пирогова).

- Да и в жизни людей, - добавил отец, - столько пыли, столько грязи. Трудно встретить чистые души.

Захватив две большие ветки и волоча их по земле, отец и сын направились к дому. По обеим сторонам улицы росли огромные зеленые тополя. Здесь вечерами устраивали гулянья. Люди из монастырского и железнодорожного поселков приходили, чтобы подышать свежим воздухом, погулять в саду. Один из старых артистов как-то сравнил этот молоканский сад с тургеневскими местами.

- Эй, отец, - обратился к Сергею Павловичу, отцу Левы, высокий парень в косоворотке, подпоясанный

плетеным поясом с кистями, - нет ли спичек. Хочу закурить.

Сергей Павлович остановился, улыбнулся, положил ветку, как будто собирался достать спички, но вместо этого начал говорить парню о вреде курения.

- Да, ведь это удовольствие! - сказал тот, почесывая затылок.

- А вот я тебе скажу о другом, - сказал отец Левы, - и тебе будет противен этот табак. Вот свежий воздух, разве не удовольствие, разве это не жизнь для организма? А всякое непотребство, курение и пьянка исходят из сердца.

- Как это из сердца? - поинтересовался парень.

Сергей Павлович тут же рассказал ему, что Спаситель мира Христос учил, что все плохое исходит из сердца человека. А когда человек обращается к Богу, он исцеляет сердце, и тогда человек стремится к добру, ему уже не нужно всякое непотребство. Его удовольствие.- любить Бога, любить ближних, делать добро.

На эти слова парень махнул рукой и сказал, отходя:

- Какой-то ты божественный, папаша, смотри не испортить этим своего сына.

Лева знал удивительную черту отца - всегда использовать любой случай для того, чтобы сказать людям о Христе, о спасении. И тогда, когда они мылись в бане отец смело проповедовал Христа. Курение у них в доме совершенно не допускалось. Когда приходили разные знакомые отца, даже занимавшие высокое положение, отец всегда строго предупреждал: "В доме у меня курить не разрешается"

Глава 2. Как Лева уверовал в Бога

"Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца".

1 Иоан. 2:13

Однажды тихим, теплым осенним вечером Лева пошел на огород для того, чтобы собрать сушняк. С этим огородом связаны воспоминания о лучших днях его детства. Здесь ему приходилось часами караулить, чтобы ребята не делали налетов на яблони и не обрывали несозревшие яблоки. Здесь, сидя под огромными высокими осокорями, он любил наблюдать вечернее небо, искать первые появившиеся звездочки, которые зажигались одна за другой, когда начинало темнеть. Он размышлял о жизни, когда было светло, читал книги.

В этот вечер к нему перелез через забор его школьный друг Голованчик. Они поговорили об учебе, заданных уроках, и вдруг Голованчик как-то застенчиво сказал ему:

- Я давно собираюсь спросить тебя, как это ты по-настоящему уверовал в Бога? Мы вот верим - не верим, кто его знает, а вот в школе все знают, что ты настоящий верующий.

Лева задумался, помолчал, потом сказал:

- Ну хорошо, слушай меня, я постараюсь тебе рассказать, как оно есть и как оно было. Ты, конечно, знаешь, что отец и мать у меня верующие.

- Конечно, знаю, - сказал Голованчик, - и у меня мать верующая, ходит в церковь, а отец не ходит в церковь, но Бога не отрицает.

- Можно верить по-разному, - сказал Лева, - но вот мои родители, как я вижу с детства, верят по-настоящему.

- Как это, по-настоящему? - спросил Голованчик.

- Это значит, вера у них живая, Божия. Они как верят, так и живут. Ты не перебивай меня, что непонятно, потом спросишь. С самого раннего детства я слышал от родителей о Боге. Всегда, когда мы садимся за стол кушать, молимся. И мама меня учила молиться. Я молился, как молятся сейчас мои сестренки и братишка - это была детская вера - несознательная. Ты знаешь, с детства нас приучили любить книги. У нас их много.

- Да, я видел в вашем доме целый шкаф книг. Как много!

- Так вот, мне говорили, что среди всех этих книг, написанных разными писателями, самая лучшая книга - это Библия. Водили нас на собрание, где читают эту книгу, молятся Богу, поют Ему хвалебные песни. Посещал я эти собрания с родителями, слушал Слово Божие, а кроме того, там устраивались детские собрания, на которых нам, детям, популярно рассказывали о жизни Иисуса Христа. Много ребят туда ходило. Мы часто разговаривали между собой. Помню, один убеждал нас, что видел чертей, таких юрких маленьких с рогами и хвостами. Я вначале поверил и попросил показать их. И вот мы раз засели у них во дворе ожидать черных. Сидим... Действительно, что-то там под домом зашевелилось, у меня даже волосы на голове

поднялись. Хотел удрать, но все-таки думаю, что надо взглянуть на нечистых. Представь себе увидел: только без рогов, а с хвостами. Это были обыкновенные крысы. Конечно, тут я всякую веру в рогатых, нечистых потерял. Чепуха все это. Я ходил на собрания, участвовал в детских праздниках. Все было интересно, хорошо, радостно, а только по-настоящему верующим я не был. Был такой случай. На детском собрании тому, кто хорошо и больше расскажет стихов, дарили цветные открытки на память. Мне тоже подарили открытку с голубым цветком. Моей сестре Симе, которая прочитала одно стихотворение, да еще и неправильно, подарили точно такую же открытку с таким же цветком. Возмутился я, пришел домой, смял эту открытку, бросил и сказал маме, что больше на детские собрания ходить не буду, нет никакой справедливости. Почему Симе подарили такую же открытку, когда она ничего не знает? Одним словом, было у меня не хорошее сердце, а завистливое. Нужно сказать тебе также, что мама моя очень боялась, что я стану безбожником и три года учила меня дома читать, писать и познакомила с географией. А потом я пошел сразу сдавать экзамен в третий класс. Сдал. Меня приняли в школу. Помнишь, там, в железнодорожном поселке, была деревянная, желтенькая школа? Там я и учился.

- А потом ты в нашу перешел? - спросил Голованчик.

- Да, - ответил Лева. Попал я в среду таких ребят, где было много шума, часто дрались, дразнили мальчишку еврея. Как вспомню, во мне все переворачивается. Над горбуном одним тоже смеялись.

Сразу увидел я, какая разница между ребятами, которые слышат о Боге, учатся жить по Евангелию, и теми, которые не знают Его совсем. Ну, некоторые, конечно, покуривали, другие - грязные слова употребляли, и мне стало ясно, что по Божьи гораздо лучше жить, никого не обижать. Помню настал урок природоведения, тогда мы по учебнику Троянского занимались, вел урок заведующий школой. Рассказал он нам как образовалась земля, как постепенно появилось все: растения, животные, человек. На следующем уроке он вопросы задает и меня спрашивает: "Расскажите, как трава, деревья, животные появились?" Я встаю и кратко отвечаю: "Бог создал все". Ну, часть учеников рассмеялась. А учитель оказался серьезным и сказал: "Вот поучись - узнаешь, что Бога нет, что все образовалось само собой, по законам природы".

Стали нас записывать в пионеры. Одни записываются, другие - нет. Их спрашивают: "Почему не записываетесь?" Некоторые говорят: "Папа, мама не велит". Думаю я про себя, что отвечать. С родителями я об этом не советовался, а Божье мне больше нравилось, нежели то, что окружало меня, и я встал, громко и ясно заявил: "Мне записываться не к чему, так как я буду Христовым пионером". Поднялся страшный хохот. С тех пор меня на переменах так и дразнили: "Христов пионер". Каким должен быть Христов пионер я точно не знал и таких людей не встречал. Только однажды я почувствовал себя пионером - это во время революции, когда мне было лет семь. Набрал я тогда у отца брошюр: "Вред пьянства", "Неверие - мать всякого зла" и пошел раздавать по улицам. Меня схватил какой-то человек и потащил в учредилку. Я, конечно, начал реветь. Матери сообщили, что ее ребенка повели куда-то, и она пришла и выручила меня.

В школе я любил урок естествознания. Учителя дружески говорили, видя мою любознательность и детскую веру в Бога: "Почитай о происхождении человека, почитай Дарвина и ты - не будешь верующим". Я брал книги в библиотеке, у своего дяди Николая Павловича, который был равнодушен к вопросам веры, курил и выпивал. Достал я книгу Дарвина "Происхождение человека и половой отбор". Прочел внимательно ее и другие антирелигиозные книги. Родители не запрещали, пожалуйста, знакомься, читай то и другое. Меня стали мучить сомнения, где же правда? Где же истина? Старался разобраться. Сердце болело, а что если на самом деле человек произошел от обезьяны и никакого Бога нет? Верить в то, что наука противоречит вере в Бога, учению Христа я, конечно, никак не мог, так как своими глазами видел, что люди образованные, ученые глубоко верят в Спасителя. Вот, например, мой дядя Петр Иванович Чекмарев - известный инженер, окончивший Технологический институт в Петербурге, тот, который подарил мне замечательную книгу "Химия в обыденной жизни", является проповедником Евангелия. Я вижу, что его жизнь и жизнь его семьи чистая, нравственная, прекрасная.

- А я заметил, бывая в вашем доме, что и твоя мать, и твой отец - особенные люди; они совсем не такие, как все, в том числе наша родня и мой отец, - сказал Голованчик. Да, ты прав, когда люди по-настоящему верят в Бога, они становятся другими людьми, у них в семье все доброе, чистое. Бывал я также в Давлеканове, там естествознание преподавал один близкий моим родителям человек, окончивший Казанский университет, - Иван Петрович. Он же - большой музыкант. Показывал он нам богато оборудованный кабинет физики, различные опыты с электричеством, а потом в их доме мы славили и благодарили Бога, Который создал весь мир и все законы, и дал человеку путь спасения. Я видел, что Иван Петрович прекрасно знает учение Дарвина, Тимирязева и других светил науки, но это нисколько не загораживает от него великое солнце - Христа. И все-таки меня мучили сомнения. Преподаватель истории, который дружил со мною, от

души желал мне учиться и учиться, говоря, что все религиозные предрассудки, навеянные воспитанием, исчезнут. Я учился, много читал и, смотря на жизнь настоящих верующих и видя жизнь неверующих, жизнь мира, понимал, что больше света у верующих.

- Между тем я должен тебе сказать, со мной творилось что-то неладное. Я становился все злее. Были бесконечные ссоры с сестрами. Купил финский нож и однажды в пылу гнева так ударил им по столу, что он сломался. Родители говорили, что мне нужно покаяться, обратиться к Богу. Я молчал. Были моменты, когда они меня приглашали на собрание, а я, не смотря на мать и постукивая пальцем по стеклу окна, говорил: "Не пойду". Но на душе было нехорошо. Ходил все же на молитвенные собрания и вел там себя не очень хорошо. Бывало во время пения сидим с двоюродным братом Всеволодом, да так расхохочемся, что нас хотят уже выводить и при этом стыдят, как детей верующих. А нам смешно, смех просто разбирает... А душа болела и искали правды... Мне тогда было 15 лет. И вот настал момент когда я по-настоящему воззвал к Богу. Стал я молиться, просить, чтобы Он обновил мое сердце, чтобы плохое оставило меня, чтобы поверить, Я покаяться во всем. Получил веру в то, что Христос простил мне все. Мне сказали, что верующий в Сына Божия имеет жизнь вечную. Я поверил этому. На сердце стало так легко. Не хочу сказать тебе, что я стал совершенным, нет, нет. Но я стал на ту дорожку, которая ведет к лучшему, я больше сторонился всего плохого, ведь раньше приходили и ко мне мысли: не научиться ли курить? А теперь это все стало таким диким, ненужным, странным. Новая, лучшая жизнь открылась предо мною. Всем своим существом в Минуты молитвы я ощущаю другой мир, который выше, лучше нашего земного. Я не только поверил, что Бог есть, но я стал верить Богу, Его словам, Его повелениям, я стал по-настоящему верующим.

- Да, - сказал Голованчик, - все это интересно, но я как-то обхожусь без этого, не задумываюсь над этим и не хочу думать, где правда, где неправда. Лучше жить так, чтобы получить хорошую специальность, занять высокое положение, и все будет в порядке. (Голованчик - Александр Голованов получил высшее образование, стал ветеринарным врачом. Посвятил свою жизнь военной службе, был обеспечен, жил, как все. Служил на Дальнем Востоке. Во время культа личности погиб, когда были уничтожены Блюхер, Тухачевский и другие.)

Лева ничего не ответил, стало совсем смеркаться. Он взял топор, пилу и направился домой. На душе было тихо, спокойно. Сел за уроки. Поздно вечером пришел отец с работы.

Вся семья перед сном собралась для молитвы. Отец, открыв Евангелие, прочел: "Да любите друг друга, как Я возлюбил вас". Кратко сказал, что беда людей в том, что они не могут любить друг друга, как заповедал Христос. Любят родных, любят друзей, любят и по расчету, а чуть - что, то ссоры, неприятности, и от любви не остается ничего. Не так любил Христос. Он любил всех и даже тех, кто распинал Его, всем прощал, всем желал только доброго.

Преклонили колени. Каждый молился. Молился Лева, прося Господа, чтобы Он научил его любить всех людей, так как Он Сам возлюбил их.

Глава 3. Первые шаги

"И будет он, как дерево, посаженное при потоках вод".

Пс. 1:3

Учеба в школе шла успешно. Лева был одним из тех учеников, которые всегда ясно и понятно отвечают, и учителя его уважали. Не было среди школьных товарищей тех, с которыми он ссорился и имел неприятности. Все, кажется, шло нормально. Но однажды произошел случай, который показал, что Леву держат на особом учете.

Они проходили общественные науки, в том числе курс политэкономии. Лева изучал все так, как все, и отвечал не хуже других. Но вот однажды, после сдачи зачета по политэкономии, преподаватель объявил: "Лева Смирнский - неудовлетворительно". Класс зашумел, многие вскочили:

- Это почему? Как так? Ведь он все ответил?!

- Тише, садитесь все, сейчас объясню, - сказал торжественно педагог. - Нам известно, что Смирнский - верующий человек, вот уже заканчивает девятилетку, проходит общественные науки и в то же время ничего не смыслит.

- Как не смыслит? - закричал Голованчик. - Это совсем несправедливо.

- Я вас прямо спрошу, Смирнский, ведь вы верите в Бога?

- Да, верю, - ответил Лева, спокойно вставая и глядя прямо в глаза преподавателя.

- Так вот, видите, слышали? Он не отказывается, верит, значит, он верит во все духовное, во всякую нечистую силу, а в науку он не верит. Вот электричество возьмем, например, вы верите в электричество?

- Конечно, верю и знаю, что есть электричество, и наблюдаю его, - ответил Лева.

- Не лицемерьте, вы не верите, - сказал убежденно преподаватель. Для вас реальный материалистический мир не существует, вы идеалист. Когда вы едете на трамвае, вы думаете, что это вас тащит нечистая сила.

Он засмеялся, но никто в классе его не поддержал. Встала староста группы и сказала:

- Мы с вами совершенно не согласны. Вы неправильно поставили отметку Смирнскому, он отвечал хорошо.

- Он отвечал механически, по зубрежке. Если бы он вник в сущность преподаваемого предмета, он, конечно, оставил бы всякие бредни о Боге.

- Но и мы верим. И мы верим, - раздалась голоса некоторых девушек.

- С вас спрос маленький, - сказал преподаватель, - вы еще могли не разобраться, а с него мы можем спросить, он неплохой ученик, много читает, и мы к нему должны предъявить соответствующие требования.

- Нет, мы с вами не согласны, мы поставим этот вопрос на школьном совете, - раздалась голоса.

Когда преподаватель вышел, возбужденный класс написал целую петицию школьному совету, прося, чтобы он пересмотрел несправедливую оценку, поставленную на зачете Смирнскому, и исправил ее.

Эта петиция была подписана всеми учащимися за исключением болезненного юноши Гиммерлейха, который всего боялся и ужасно опасался, как бы чего не вышло. Лева пришел домой грустный, воспоминания нахлынули на него. В 15 лет он усиленно занимался наукой и аккуратно ходил по воскресеньям на собрания. Но как это было ни странно, там он был страшно одинок. Молодежи приходило очень много. Было два больших хора: старый хор, которым управлял Петр Иванович Кузнецов, и молодой хор, которым управляла жена пресвитера тетя Тереза. Там играл большой, все увеличивающийся, струнный оркестр. Вся молодежь занималась искусством: кто пел, кто играл на инструментах, и, когда кончилось собрание, музыканты шли к музыкантам, а певцы к певцам. Он стоял одиноко, никто не подходил, не беседовал с ним. Возможно, это объяснялось тем, что многим он казался маленьким. Вся обращенная молодежь была постарше. Лева уходил домой и там читал духовную литературу и большую Библию с картинками, которую подарил ему отец. Сверстников, которые могли бы разделить его духовные интересы, не было. Двоюродный брат Всеволод и другие, которых Господь еще не коснулся близко, жили своими интересами (голубями и прочим, что совершенно не интересовало Леву).

Однажды к ним в дом пришла молодежь для посещения. Руководила этой группой молодая девушка лет 20 - Валя Алексеева. Она не пела в хоре, - не играла на музыкальных инструментах, а посвятила себя всецело добрым делам, и в частности, посещению больных и семей верующих. Теперь, когда Лева впервые почувствовал, что неверующий мир относится к нему с пренебрежением, ему особенно было приятно вспомнить это посещение молодежи, когда Валя спросила его, отдал ли он сердце Господу.

- Да, - ответил он, - я пошел за Ним.

- А мы думали, что ты еще маленький, - раздалась голоса. Лева поделился с ними, как он боролся с сомнениями, как зло все больше и больше проникало в его сердце, и в то же время Господь звал его.

- Где же вы покаетесь? - спросили они его.

Хотел покаяться в собрании, когда призывали грешников, но держался за спинку скамьи, чтобы только не встать. Однако Господь не оставлял меня, и здесь дома, в своей семье, я обратился к Нему.

Он изменился с тех пор, как отдал сердце Иисусу, - подтвердила мать.

Валя Алексеева стала приглашать Леву посещать больных. Когда кончилось утреннее собрание, он вместе с другими ходил на посещение, чтобы порадовать больных (на посещение ходило человек 15-20). От хора Лева отказался, потому что у него не было музыкального слуха.

- Ну, какую же работу тебе поручить? - говорила молодежь. - Ведь без работы христианин не может быть, чем-то он должен служить Господу.

По субботам проходили собрания молодежи призывного характера. Здесь руководили наиболее зрелые среди молодых людей, такие, как Витя Орлов, Петя Фомин. В слове участвовали молодые братья и сестры, юноши и девушки декламировали стихотворения, пели соло, дуэты. И вот решили дать Лева поручение. Когда объявят, что пройдет тарелка для сбора средств на дело Божие, то он ее возьмет и соберет пожертвования.

Теперь, вспоминая об этом предложении, Лева невольно покраснел, ведь так неудобно, просто стыдно идти с тарелкой, но все-таки он смирился и решил выполнять это служение. Таковы были его первые шаги. По мере углубления в Слово Божие ему становилось особенно ясно, что нужно смириться и быть кротким.

А теперь эта несправедливая отметка. Что делать? Писать протест, как поступил его класс, или молча снести обиду? Он вспомнил совет Христа: любите, молитесь за обижающих вас. И он решил промолчать, молиться о тех, кто несправедлив с ним. Лева сознавал, что теперь, когда союз воинствующих безбожников развивает самую активную деятельность, всюду проходят лекции, диспуты, его не оставят в покое и будут перевоспитывать. Поэтому он решил глубже ознакомиться с христианским учением, которому он посвятил себя.

Кто-то сказал ему, что лучшим представителем христианской философской мысли был Владимир Соловьев. К тому же у матери было собрание его сочинений. Вечером, когда он заканчивал уроки и все дома успокаивалось, он сидел за изучение трудов Владимира Соловьева.

В тот вечер, когда он читал "Оправдание добра" этого философа, к ним зашел известный христианский проповедник Иван Борисович, евангельский христианин, получивший образование за границей. В свое время он редактировал журнал "Христианин" у Проханова, а теперь, будучи больным, проживал с женою в Самаре. Он отличался исключительным красноречием, и когда выступал на диспутах с безбожниками, то прямо громил их своими острыми умозаключениями и яркими сравнениями.

Увидев Леву, склонившегося над книгой у стола, освещенного подвесной электрической лампой, он был очень удивлен, что тот читает Владимира Соловьева.

- Как, в такие годы и уже Владимира Соловьева? - воскликнул он.

- В какие годы? - сказал Лева, улыбаясь. - Мне уже 17 лет.

- Вы пережили возрождение?

- Да, я пережил и не только это, - ответил Лева. - В 16 лет я принял водное крещение и присоединился к общине.

- Да?! Вы старший сын Анны Ивановны и Сергея Павловича? Счастливые они, что имеют такого сына, я очень рад, что могу познакомиться с Вами.

Иван Борисович удобно расположился в кресле рядом с Левою и начал расспрашивать его.

- Ну, что Вы уверовали, это я понимаю, но как так рано могли принять крещение? Есть верующие, которые допускают мысль, что до совершеннолетия не должны принимать крещение, ведь это может быть просто поверхностным увлечением.

- Когда я обратился к Господу, - сказал Лева, - мне очень хотелось больше трудиться для Него, я видел, что это могут делать только те, которые дадут обещание служить Богу доброй совестью, т.е. принявшие водное крещение. Сам Христос вышел на труд только после крещения. Кроме того, когда я видел, что община принимает вечерю Господню и вспоминает страдания Спасителя, а я стою вне за закрытыми стеклянными дверями (в то время все не члены церкви не могли быть на вечери Господней, а присутствовали в прихожей как интересующиеся), мне было не по себе. Ведь Сам Христос, когда Иоанн удерживал Его, сказал: "...Надлежит Мне исполнить всякую правду". И я сознавал, что если я не исполню правду крещением, мой духовный рост затормозится, я не смогу подняться на следующую ступень своего духовного развития.

- О, Вы рассуждаете, как взрослый, - воскликнул Иван Борисович, - но все-таки, как Вы подошли к этой проблеме?

- Я молился об этом, читал Слово Божие о крещении, а потом пошел к пресвитеру и сказал, что я желаю принять водное крещение.

- А он что?

- Он сказал: "А ты спросил папу и маму?"

- Я ответил, что не спросил, а хочу поступать, как Павел, который не стал советоваться с плотью и кровью. Пресвитер сказал, что он поговорит с родителями, а также с молодежью, а потом он даст мне ответ, допустит ли он меня к испытанию или нет.

- Ну и как?

- До испытания допустили, я очень волновался. В молитвенном доме было много народу, нас, испытываемых, приглашали по очереди. Мне сказали, чтобы я прошел вперед и встал перед кафедрой. Попросили рассказать о моем обращении. Волнуясь, я рассказал, как Христос вошел в мое сердце. Затем задавали вопросы. Среди присутствующих был известный благовестник Андрей Петрович Зукао. Я его особенно уважал за его проповеди. Он мне тоже задавал вопросы и при этом ободряюще смотрел на меня. Потом меня выслали, пригласили опять и сообщили, что церковь меня принимает и в следующее воскресенье будет крещение на Волге.

Лева замолчал, потом как-то оживился, глаза у него заблестели, и он сказал:

- Там, под Ульяновским спуском, в присутствии на берегу всей общины и многих интересующихся

людей я вошел в воду и на вопрос крестившего меня пресвитера Корнилия Францевича Кливер: "Веришь ли, что Иисус Христос есть Сын Божий?" - ответил:

- Да. Верую! Тогда он сказал:

- По повелению Господа Иисуса Христа крещу тебя во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. И он погрузил меня в воду. Хор пел на берегу, как сейчас помню: "Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись!"

Иван Борисович, слушая рассказ Левы, радостно кивал головою:

- Да это крещение по - первохристианству. Сколько людей не могут полностью разобраться в этом вопросе. Одни - отвергают, другие - понимают духовно, третьи - крестят без веры.

- После этого. - продолжал Лева, - вся община направилась в молитвенный дом. Шли большой толпой с Волги, как будто это была демонстрация. Там, в молитвенном доме, на принимающих крещение были возложены руки. На меня возложил руки один из известных первых тружеников братства нашего Ефим Симонович Янченко.

- Да, это достойный брат, пострадавший за Христа и в избиениях лишившийся глаза при царском режиме, - произнес задумчиво Иван Борисович. - Но что же изменилось у тебя после того, как ты вступил в церковь?

- Я стал больше принимать участия в работе нашей христианской молодежи. В субботних собраниях стал проповедовать Евангелие.

- Ты - проповедник Евангелия? - воскликнул Иван Борисович, вскакивая. - И это без всяких курсов и подготовки?! Да, впрочем, - сказал он, садясь в кресло и успокаиваясь, - ведь ты, как Тимофей, с детства знаешь Писание, которое может умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса.

- Когда мне впервые предложили говорить слово, - сказал Лева, - я очень волновался, горячо молился Богу, чтобы Он мне дал тему. И мне дано было говорить о Христе распятом, о Голгофе.

- Приготовил ли ты себе конспект?

- Да. Приготовил на небольшом листочке, записал столбиком основные мысли, которые были положены на сердце. Затем, признаюсь, по вечерам я уединялся в саду и там вполголоса читал вслух свою проповедь. Настало время, когда мне нужно было выступить с чтением Евангелия. Взошел на кафедру, а сам себя будто не ощущаю. До этого мне тоже приходилось бывать на кафедре: говорил стихотворения. Но проповедь - не стихотворение, тут нужно сказать от сердца, ведь от избытка сердца говорят уста. Не слышал я своего голоса, как говорил - и сам не знаю. Но, слава Богу, Господь помог и я сказал то, что было мне дано. Правда кое-что пропустил, в конспект неудобно было заглядывать.

Иван Борисович слушал и с любовью смотрел на юношу.

- Помоги, помоги тебе Господь быть проповедником, благовестником Евангелия.

В это время вошла Анна Ивановна и стала приглашать гостя к столу.

- Я рад, что познакомился с вашим сыном, - сказал Иван Борисович, - и хочу отметить ко всему прочему, что он скромно одет. Эту толстовку вы, вероятно, ему сшили сами? Очень удачный, скромный костюм.

- Полагаю, что скромность необходима христианину, - сказал Лева. - В таком скромном костюме, который я ношу со дня своего обращения, я хотел бы появляться везде и всегда.

За столом Иван Борисович начал жаловаться Анне Ивановне на своих родственников, на неприятности и после чая простился, пожелав всем главного - мира и любви.

Глава 4. Библиотека

"Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением".

Тим. 4:13

- Лева, Лева, не уходи, - кричал Петя Фомин, пробираясь после собрания через толпу.

Лева хотел уже идти на посещение, но Петя остановил его:

- Иди сюда, ко мне.

Они зашли в библиотеку, которая была здесь же в молитвенном доме (это на втором этаже здания евангельских христиан баптистов, расположенного по Крестьянской улице, - ныне улица Ленина, 173). Перед входом в библиотеку был книжный стол, где производилась продажа Евангелий, Библий, духовных брошюр, текстов. Руководил этим Гора Макаренко.

Справа от библиотеки была раздевалка.

- Садись, - сказал приветливо Петя. - Ты знаешь, что я заведу библиотекой, но мы посоветовались и решили, что ты мне будешь хорошим помощником. Ты. аккуратный читатель и облегчишь мне эту нелегкую работу.

- Почему же вы приглашаете меня и сразу говорите: "Нелегкая работа"?

- О, - протянул Петя, - ты представить себе не можешь как часто некоторые люди бывают неаккуратны с книгами. Хотя у нас все поставлено и хорошо. Вот посмотри каталог, все по номерам, книги стоят в шкафу в полном порядке, и кому выдаем, то записываем. А то, как возьмут, так и зачитают,

- Как же это получается? - спросил Лева.

- Да, вот так, сами прочтут, передадут другому, а тот - третьему, а потом и книгу не найдут. А ведь книги - это ценность, тем более духовные. Теперь ведь они совсем не издаются.

- Да, это плохо, когда зачитывают, - сказал Лева, - вот у моих родителей много духовных книг, а часть их тоже зачитали. Возьмут у мамы, потом она ищет, а кому отдала, не помнит, а о том что бы вернуть, некоторые и забывают. Это недостаток нашего духовного воспитания, - сказал Петя, - если в этом мире люди неаккуратны и даже воруют книги в библиотеке, то этого не должно быть среди нас. ведь написано: "Не оставайтесь должными никому ни в чем, кроме взаимной любви". Полагаю, что нам сегодня после вечернего собрания нужно оставить молодежь и поговорить, особенно об обращении с книгой. И я прошу тебя, Лева, тоже высказаться по этому вопросу.

- А в чем же будет заключаться моя работа в библиотеке? - спросил Лева.

- Ты будешь выдавать и принимать книги без меня. Вместе будем составлять список должников, вовремя будем отдавать книги в ремонт, привлекать больше и больше членов общины в нашу библиотеку.

Вечером после собрания молодежь осталась по просьбе Пети Фомина.

- Друзья, - сказал он, - начнем с молитвы, чтобы Господь благословил нас. Встанем и помолимся.

Кто-то предложил спеть гимн:

Ростру Дорогая и святая Книга Божия...

Ты дороже с каждым днем

И ведешь святым путем

К чудной родине, где ждет Господь меня!

Выступил Петя. Он говорил о великом значении Библии, о том, что сейчас каждый может купить себе совершенно новую Библию или Новый Завет. Опрос показал, что вся молодежь имеет свои Библии. Лева сказал, что после крещения родители подарили ему карманную Библию.

- Так вот, друзья, мне хотелось бы сказать о бережном отношении к книгам и прежде всего к Библии. Как грустно смотреть, что у некоторых Библия растрепана, с разорванным переплетом, ведь есть все возможности иметь целую Библию, аккуратно обращаться с ней, брать только чистыми руками, не класть на стол, где могут облить ее пищей или схватить маленькие дети. Можно обернуть ее в соответствующую бумагу, можно сделать картонные футляры для того, чтобы книги меньше изнашивались, когда их несут в собрание. Я бы очень хотел, чтобы все имели именно такие Библии, на которые приятно было бы смотреть.

Когда он кончил, встал Коля Иванов - студент педагогического института, ревностный молодой проповедник Евангелия.

- Друзья, - сказал он, - многие из нас любят подчеркивать в Библии. Я и сам люблю это делать, так как потом легче искать, где что написано в этой великой библиотеке божественных книг. Хочу сказать, что будем подчеркивать аккуратно, лучше по системе, что бы определенными цветами выделять ведущие истины Библии.

Далее опять выступил Петя Фомин. Он сказал, что очень рад иметь помощника в лице Левы и выражает свою убедительную просьбу об аккуратном обращении с книгами библиотеки, которые фактически являются пособиями по изучению Библии и христианства.

- Друзья, - продолжал он, - помните, что книги - это большое для нас богатство. Ведь многие верующие хотели бы почитать духовную литературу, старые журналы, но не имеют их, потому дорожат каждым листочком, а у нас библиотека, и, помоги нам Бог, с каждой книгой обращаться бережно, чтобы она не изнашивалась. Чуть заметил что испортился переплет или листок надорвался, осторожно подклей. Будем также аккуратно, чтобы и другие могли прочитать их.

Вдруг встал один старичок, всеми любимый брат Ладин, и сказал:

- Я вот, братья, читаю свою Библию день и ночь, и, представьте себе, Новый Завет так внизу справа износился, что страницы местами как будто истлели. Купить новую могу, а со старой жаль расставаться, ведь

я с ней словно сроднился. А как ее привести в порядок, даже не знаю.

- Да, пожалуй, это трудно, - сказал брат Никодим Федорович Баннов, один из представителей зрелой молодежи и уже семейный. - Для того, чтобы не было такого, лучше открывать книгу не за нижний угол, а сверху за край страницы, тогда листки меньше бы изнашивались.

- Это полезный совет, - заметил Шура Кузнецов.

- Ну, друзья, есть у кого вопросы по библиотеке? Лева может быть что-то скажет?

- Я хочу сказать кратко, что мы должны привлекать новых читателей в нашу библиотеку, приближающихся, давать им соответствующую литературу, особенно молодым. Ведь как раз молодому Тимофею писал Павел: "Занимайся чтением". И если мы не будем читать, мне кажется, это станет большим недостатком.

- Да, это, конечно, минус, - раздался голоса.

- Я хочу спросить, - встала одна молодая сестра, - можем ли мы читать мирскую литературу? Времени у нас и так мало, каждый вечер занят: то собрание, то спевка, то музыка. А меня, когда прихожу, берет соблазн: смотрю, а сестра сидит и роман читает.

- А я даже знаю некоторых из нашей молодежи, - сказал Шура Кирюшкин, ~- что засыпают с мирскими книжками.

Поднятый вопрос вызвал оживленный обмен мнениями. Подводя итог, Петя Фомин сказал, что читать мы можем все, как написано: "Все мне позволительно, но не все полезно". Брать для чтения следует то, что необходимо по специальности и для развития общего кругозора, но не делать из чтения светских книг увлечения для праздного проведения времени. Мы можем полагать, что апостол Павел знал не только Библию, он знал и поэтов, философов того времени и, находясь в Афинах, он отметил греческих стихотворцев, которые писали: "Мы его и род". В "Послании к Титу" он также упоминает: "Из них же самих один стихотворец сказал: "Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые". Следовательно, он знал поэзию своего времени и использовал ее в своей духовной работе, и будет хорошо, если мы, читая различные книги, сможем выбирать из них подходящие мысли, сравнения и примеры для подтверждения божественных истин в наших беседах, проповедях.

Работа в библиотеке дала возможность Леве лучше познакомиться с книжными сокровищами сблизиться с читателями (братьями и сестрами), узнать их интересы, дела, желания. Все же он должен был отметить, что молодежь была очень загружена собраниями, дополнительными собеседованиями, посещениями, спевками, оркестрами - и у нее оставалось совсем мало времени для глубокого изучения Библии и чтения духовных книг, не говоря уже об общем своем развитии. Также некогда было общаться со своими домашними. Многие чувствовали, что это ненормально, а изменить ничего не могли.

Глава 5. Посещения

"Был болен, и вы посетили Меня".

Мтф. 25:36

Осень брала свое. Дни становились холоднее, ночи темнее, по утрам начинало подмораживать. Школьная жизнь у Левы шла как обычно, без приключений. В общине было тоже все спокойно, проходили радостные, бодрые собрания.

Самара в то время была центром Волго-Камского союза евангельских христиан баптистов, и город посещали многие благовестники отсюда и со всей страны. Тематические собрания молодежи проходили оживленно. Об этом широко объявлялось, раздавались программы молодежных вокально-музыкальных вечеров, часто помещение зала большого молитвенного дома было переполнено. В это время произошли события, о которых братство верующих до сих пор не знало. Пошли слухи, что в некоторых местах России стали арестовывать как руководящих работников, так и рядовых ревностных членов церкви. Срок им давали быстро и высылали из родного города с правом проживать во всех местах и городах Советского Союза, за исключением шести важных центров (это называлось минус шесть).

Неожиданно в Самару прибыли из Астрахани ссыльные братья: пресвитер Астраханской общины брат Филяшин и проповедники - Шаронов, Исырин, Краснов. Из Саратова приехала высланная сестра - преподавательница Угрюмова. Община верующих с распростертыми объятиями встретила их, помогла устроиться с жильем. Шаронов и Краснов поселились во дворе молитвенного дома, остальные - в семьях верующих. Им была предоставлена также возможность трудиться в общине, они проповедовали, пели,

устроились на работу.

Хотя высланные подробно рассказывали о допросах, днях заключения в тюрьме, Лева к этому не прислушивался. Если бы его спросили, за что сослали братьев, объяснить толком он не смог бы. Общее мнение было - гонимы за Слово Божие.

Миша Краснов быстро влился в Самарскую христианскую молодежь, пел во втором хоре, проповедовал, активно участвовал во всех мероприятиях.

- Друзья, друзья, идемте посещать, - раздался голос Вали Алексеевой.

Несколько человек присоединились к ней. Среди них были Миша Краснов, Лева, Клавдия Кабанова и другие. Миша был гораздо старше Левы, но они от души полюбили друг друга, потому что оба стремились к науке, к знанию, оба были книголюбями.

- Ты знаешь, что у меня есть? - спросил однажды Миша Краснов, когда они шли посещать.

- Что же у тебя есть? - переспросил Лева.

- Очень старинная книга древнего историка Иосифа Флавия "Иудейская война". После посещения зайдешь посмотреть?

Лева конечно согласился. Когда они шли посещать, то часть возвращающейся молодежи из собрания присоединилась к ним. Дорогой встретили Шуру Бондаренко и пригласили также пойти с ними.

- О, не могу, не могу, - воскликнул он, - спешу на репетицию. У нас Шура Кузнецов написал "пупури", так что мы решили изучить это и потом играть на собрании.

- Когда же вы будете играть? - спросил Лева,

- А вот как кончится проповедь, и мы вместо аплодисментов ему и всем сразу исполним "пупури".

- Ну разучивайте ваше "пупури", послушаем, оценим, - сказала Вале Алексеева.

Пришли в дом больной сестры Корчагиной. Она и ее домочадцы были чрезвычайно рады гостям. Тут же начали шептаться между собой. Лева это заметил и толкнул локтем стоящего рядом Мишу Красного: они что-то замышляют. Около больной помолились, и все пришедшие посещать начали петь ее любимые гимны. Потом Миша сказал слово. Он вдохновился, и хотя все чувствовали, что ему пора кончать, он, полный огня, развивал мысли о будущей жизни, где не будет скорбей и болезней. Больная слушала с сияющими глазами, но потом глаза ее потухли, она устала, опустилась на подушку. Юный же проповедник продолжал свою речь. Больная с беспокойством поглядывала на вошедшую дочь, видимо, что-то хотела ей сказать.

Наконец, Валя Алексеева не выдержала и, когда Миша сделал маленькую паузу, громко сказала: "Аминь". Все подтвердили "Аминь", и Миша сел.

- Дорогие друзья, - сказала сестра, дочь больной, - в столовой уже все приготовлено, вы должны сейчас покушать. Проходите в столовую.

- Нет, нет, - раздался голоса, - мы лучше посидим у больной.

- Мы совсем не есть к вам пришли, - сказал Лева. Но домочадцы настойчиво приглашали их к столу.

- Идемте, идемте, - сказал Миша Краснов, - нельзя же обижать людей.

Как ни отказывались некоторые, всех посадили за стол. Клавдия Кабанова произнесла молитву перед едой. И только один юноша так и не сел за стол. Он находился рядом и на все уговоры отвечал, что еще нужно посещать другие семьи, задерживаться некогда, и вообще, они не кушать сюда пришли. Это был Лева. После обеда всех стали угощать яблоками из собственного сада. От этого не отказался и он. Успели посетить еще одну семью.

- Друзья, - сказала Вале Алексеева, когда все направились на вечернее собрание, - мы сейчас пойдем в три места: одни поедут к Камыниным, там собрание, туда поеду и я. Другие - на Ново-Садовую.

- Это мы, - сказал Миша Краснов, - те, кто поет во втором хоре, и ты, Лева, поедешь с нами.

Лева кивнул головой.

Остальные, которые жили вблизи молитвенного дома, Маруся Волкова и из семьи Шадчиневых, направились в молитвенный дом на Крестьянской улице. Но прежде чем расходиться, Валя Алексеева попросила после собрания всех прийти в главный молитвенный дом для того, чтобы обсудить некоторые вопросы.

- Я уже об этом договорилась с Витей Орловым и Петей Фоминым, и все хористы предупреждены, - сказала она.

Вечером, после собрания, молодежь прошла вперед на те места, которые занимали хористы, и, призвав имя Господне, Валя Алексеева начала свою беседу о посещении.

- Друзья, - сказала она, - в настоящее время мы не имеем юношеского кружка, как в прошлом; ведь когда-то долгие годы при Самарской общине самоотверженно работал юношеский кружок, в который

входила вся верующая молодежь. Он нес определенное служение, каждому было поручено дело. Были те, которые занимались только музыкой, другие - пением, третьи - чтением стихов. Одна группа называлась корреспондентской - она от лица кружка молодежи вела переписку с верующей молодежью других городов; другая - группа книжного шкафа - распространяла Евангелия; третьей была группа посещения больных - это наши юноши и девушки, которые посвящали себя всецело благородному делу помогать тем, кто не может быть на собрании.

- Валя, ты забыла упомянуть группу редакции газеты "Светильник".

- Да, забыла, да я не собираюсь рассказывать о работе нашей молодежи в прошлом. Кто хочет, может познакомиться с имеющимися у нас стенными газетами "Светильник", отчетами, протоколами заседаний. Сегодня, как договорились, я буду говорить только о посещении. Так вот, друзья, сейчас, конечно, у нас нет никакого кружка - это запрещено властью, нет никаких групп, но как в одном теле много членов и каждый выполняет функцию свою, так и каждый из нас должен иметь определенный труд для Господа. Посещать больных - это дело всех без исключения: и пресвитера, и не давно обращенного. Сам Господь побуждает сердце проявить любовь к заболевшему, будь он верующий или неверующий. Раньше, когда была полная свобода, после революции, верующие открыто посещали всех страдающих - ходили по больницам, бывали в тюрьме и там пели и проповедовали Христа. Теперь, слава Богу, мы можем посетить всегда любого заболевшего. И я хочу сказать о том, как нужно это делать.

Больной быстро утомляется, ему нужен покой. Кроме того, иногда он нуждается в уходе только своих близких. А Миша сегодня так затянул проповедь, даже у меня внутри все переворачивалось, видя, как сестре не по себе. Нам надо было выйти поскорее из комнаты, дать ей передышку, а мы сидели. Нужно быть чутким и очень внимательным к состоянию больного. Но все-таки хочется похвалить тебя за то, что ты говорил о радостном, вечном, небесном.

- Друзья, избави Бог, если кто придет к больному и начнет рассказывать ему неприятные новости, расстраивать его - этим мы можем оказать только медвежью услугу. Больному прежде всего нужно принести радостное; светлое, чтобы он приободрился, тогда и настроение станет лучше, и аппетит появится, поправляться начнет. Хорошо, конечно, больному принести чего-нибудь, вот как в этот раз поступила Клава Полтораднева. Больным, которых мы посетили, она принесла по букетику цветов. Но не только это. Нужно везде, где мы бываем, внимательно смотреть, чем мы могли бы практически помочь данной семье. Признаюсь вам, есть у нас одна сестра, она всегда смотрит по сторонам, расспрашивает родных, что нужно сделать или купить, а после посещения просит помочь других или сама делает, что может. Так и нам нужно поступать. Может быть, кому-то надо вымыть полы, постирать белье; старым сестрам, которые сами не могут, - напилить дров. Везде и всегда мы должны радовать не только словом, пением и молитвой, но и делом, практическим, добрым делом. Ведь наш Спаситель Христос не только жалел больных и разговаривал с ним, но Он реально помогал им.

Молодежь внимательно слушала рассуждения Вали о труде посещения. Вопросов не было. В заключение Витя Орлов сказал, что хорошо бы было, если бы у нас было больше сестер и братьев, посвятивших себя делу посещения больных, молившихся об этом и побуждавших других к этому служению. Преклонили колени. В кратких, но горячих молитвах некоторые со слезами просили у Господа любви и мудрости для посещения больных и престарелых. К Лева подошел Петя Фомин:

- Ну и .нехорошо ты, брат, сделал сегодня: отказался там кушать. Ведь когда приглашают за стол, нужно обязательно сесть и, если ты даже сыт, немножко, для приличия, покушать, порадовать радушных хозяев. А то о тебе слух пошел, что ты, сын фельдшера и не стал кушать только потому, что брезгуешь есть там, где больные.

Лева страшно покраснел, сказал, что он совсем не брезговал. И с тех пор в этом отношении он изменился, понимая, что везде нужно на любовь отвечать любовью и принимать то, чем угощают от сердца. Да и по себе он знал, как тяжело, когда мама приглашала, а некоторые друзья, приходившие к нему, "ломались" и никак не хотели садиться за стол.

Глава 6. Осенние тучи

"Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих как и сами находитесь в теле".

Осенние ночи обычно темные, холодные, дождливые. Ушли теплые, ясные, летние дни; ушли безвозвратно. Грязь, глубокая, черноземная, липкая. В то время в Самаре только центральные улицы были мощены булыжником. С утра немного подморозило и выпал первый снег. После школы Лева захотелось больше подышать свежим воздухом, и он направился на огород. Дверь была заперта, и он перелез через забор. Голые, мокрые от дождя деревья неподвижно стояли, приготовившись к зимней спячке. Ближе к выходу - три большие яблони сорта "Буровинка", В этом году столько они яблок дали, а теперь Лева смотрит - и не видно ни одного. Прошла пора, и все плоды собраны.

Слева растет большое, развесистое дерево, даже не похожее на яблоню - это бархатный анис, а потом - "Хорошавка", "Царский шип", далее "Серый анис", а за ними до конца огорода тянутся заросли вишни, среди них попадаются дикие яблони, плодами которых в детстве Лева сражался со своими друзьями.

Он прошел в глубь огорода, где росли два высоких осокоря (всего их было четыре, но два уже были спилены на дрова в прошлые годы). Лева направился к колодцу, который почти закрывала ветвями развесистая яблоня "Скрут", дающая крупные, твердые плоды. Он подошел к полуразрушенному колодцу. Колодец был неглубок, и Лева нередко спускался в него за лягушками, которые нужны были его двоюродным сестрам Вере и Леле, учившимся в фельдшерской школе. Вдруг его внимание привлекли два деревянных ящика для ловли синичек. Это соседские ребята установили их. Лева подошел к одному из них, там сидела пойманная синичка. Она прилетела за семенами подсолнечника, лежащими в ящике, и крышка захлопнулась. Лева стало жалко птичку, она с таким беспокойством поглядывала на него; как ужасна неволя - подумал он и вспомнил, что когда-то он и сам ловил синиц и дедушка Иван Семенович, старый известный молоканин, остановил его, посадил около себя и пояснил ему, как нехорошо ловить птиц. Лева приоткрыл крышку. Бедная птичка, безобидная, красивая заметалась в страхе. Он открыл крышку шире, и она вылетела, села на вершину яблони, перепрыгнула весело на другой сук и куда-то улетела. Смотря вверх на синичку, Лева заметил одиноко висевшее яблоко. Он сорвал его, яблоко оказалось подмороженным, но изумительно сладкий.

Однажды глухой ночью Леву разбудил настойчивый стук в дверь их дома. Отец пошел открывать. Вошло несколько военных и гражданские. Это были работники ОГПУ. Они предъявили ордер на обыск и на арест Сергея Павловича. Тщательно искали везде. Просматривали письма, книги, но ничего не взяли, кроме некоторых писем. Курить в помещении отец им не разрешил, и они по очереди выходили наружу. Когда обыск закончился, отец собрал вещи, пару чистого белья и, успокаивая жену и детей, сказал им, что это какое-то недоразумение, что за ним ничего плохого нет и, несомненно, его скоро освободят. Преклонив колени, вся семья горячо молилась Господу, чтобы Всемогущий Бог любви и милосердия защитил и заступился за них. Работники ОГПУ не мешали молиться. Утирала слезы, жена арестованного, плакали дети. Лева не плакал, он с недоумением думал о случившемся. Он знал своего отца, который посвятил всю свою жизнь служению народу, как фельдшер, работавший день и ночь в тифозные и голодные годы и ныне отдававший все время своей работе, чтобы кормить большую семью (мять не работала, обшивала и кормила пятерых детей).

- За что? Почему?

Лева твердо знал, что отец не мог ничего украсть или сделать кому-нибудь зло. Говорят, что верующих обвиняют в подрыве власти. Но отец?! За всю свою жизнь Лева никогда не слышал хоть какого-нибудь порицания советской власти из уст отца; наоборот, он знал, что отец - активный работник профсоюза. В чем же дело?

На следующий день выяснилось, что арестованы еще некоторые братья и среди них Петр Иванович Чекмарев - известный инженер Губсоюза, дядя Левы. Пресвитера Кливера и некоторых руководящих братьев общины и Волго-Камского союза не тронули. Собrania проходили по-прежнему. Все недоумевали, почему арестованы братья? Никто не знал за ними ничего плохого. Высказывались предположения, что это только начало всеобщих страданий, что воинствующие безбожники, видя свое бессилие в идеологической борьбе, постараются убрать всех наиболее влиятельных в религиозном отношении лиц, всячески опорочить и очернить их перед народом. На собраниях открыто молились о заключенных. Все возмущались арестом и прилежно зывали к Богу о помощи.

Мать Левы аккуратно носила передачи в ОГПУ. Скоро арестованных перевели в тюрьму, и их жены стали ходить с передачами туда. Свиданий не давали.

Однажды Анна Ивановна, мать Левы, шла утром на собрание, дорога же проходила мимо тюрьмы, которая занимала целый квартал и была огорожена высокой кирпичной стеной. Часть камер выходила в

сторону Арцыбушевской улицы. Вдруг она услышала, что ее кто-то зовет:

- Анюта, Анюта! - Она подняла голову и посмотрела в сторону тюрьмы. Там в одном из маленьких окон с железной решеткой, она заметила лицо своего родного брата - Пети.

- Вы хлопчете о нас? - крикнул он.

- Нет, не хлопчем, - ответила она.

- Напрасно, хлопчите.

После собрания она рассказала братьям о словах Петра Ивановича.

- Да, - сказал один из братьев, - мы должны не только молиться, но с Божьей помощью действовать, чтобы освободить наших.

Единогласно решили послать Анну Ивановну в Москву хлопотать о заключенных. Каким-то образом удалось одному из узников передать написанное им стихотворение, автор его Филадельфийский (Иван Иванович Бондаренко).

Роем Грозное море вчера бушевало,
Буря нежданною гостей пришла
И под напевом кипящего вала
Тихую радость всем нам принесла.

Мы арестованы из братской общины,
Нас разлучили с семьей,
С твердою верой, с душой неповинной
Мы обращаемся к Богу с мольбой:

"Боже, в минуты тюремных волнений
Немощный дух в нас Собой укрепи.
Огненных стрел ядовитых сомнений,
Грусти мертвящей Ты к нам не впусти!

Есть у нас семьи. О, Господи! Боже!
Разве оставишь ты сирот и вдов?
Для беззащитных Ты будешь все Тот же,
Ты сохранишь их от лишних забот.

Можем во всем на Тебя положиться,
Господи, пусть будет воля Твоя,
И пред путями Твоими смириться,
Имя прославить в страданьях Твое...

Зло и разврат не терпя бичевали,
Смело неверью смотрели в глаза,
К братству свободному всех призывали -
И разразилась над нами гроза.

Четверо нас, а в отчизне родимой -
Не считаешь страдальцев Христа:
В центре, на Юге, в Сибири гонимы,
Божий народ терпит язвы креста.

В Москве ведущие братья Союза баптистов приветливо встретили Анну Ивановну. Одинцов сказал, что, по слухам, происходят новые и новые аресты, но братья надеялись, что правительство разберется, и эти недоразумения должны кончиться. Анна Ивановна обратилась за помощью к одному старому известному большевику, который участвовал в восстании на броненосце "Потемкин", впоследствии он работал вместе с Петром Ивановичем Чекмаревым, хорошо знал и его друзей.

- Как? Их арестовали? - удивился он. - Это просто недопустимо, Петра Ивановича я знаю, как самого себя. Вам и ехать в Москву не надо было, вы бы только написали мне, и я сейчас же выяснил все, и справедливость восторжествовала бы. Он тут же позвонил ведущему работнику ОГПУ и узнал, что дела на

заключенных в Самаре баптистов еще не пришли.

- Вот видите, - сказал он, обращаясь к Анне Ивановне, - вы даже поспешили. Уверяю вас, что как только дело Петра Ивановича и его друзей придет сюда, здесь разберутся, и я вам гарантирую, что их освободят.

Успокоенная вернулась Анна Ивановна домой в Самару. Церковь продолжала прилежно молиться об узниках Господу. Вскоре их всех освободили.

По-прежнему шла жизнь в семье Сергея Павловича и других освобожденных. Деятельность общины Волго-Камского союза опять вошла в нормальное русло, и верующие продолжали славить Господа и трудиться для Него.

Глава 7. Особые собрания

"Не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф".

Зах. 4:6

- Витя, у нас к тебе большая просьба, - говорили некоторые из молодежи стоящему у кафедры Орлову.

- Какая просьба?

- Нарисуй, пожалуйста, рюмку, полную вина, которую наливают пьяницы.

- Какого же размера должна она быть?

- А такого, чтобы ее видели все в собрании, во весь лист ватмана.

- Это для чего же такую большую?

- Мы уже обсуждали это, - сказал Петя Фомин, - и старшие братья разрешили. Устроим специальный вечер против пьянства. Объявим всем верующим, чтобы пригласили любителей спиртного. Эта рюмка будет иллюстрацией для одного рассказа, когда выйдут несколько человек и, указывая на эту рюмку с водкой или вином, будут перечислять, сколько зла она сделала.

Витя пообещал нарисовать. После каждого собрания пресвитер объявлял, в какую субботу будет устроен на собрании молодежи особый вечер, посвященный борьбе с пьянством. Просьба ко всем - приглашать знакомых, особенно тех, которые выпивают.

В назначенное время молитвенный дом был полон как членов общины, так и приглашенных-знакомых и родственников. На кафедре перед всеми красовалась большая рюмка, нарисованная на большом листе. Собранием руководил Петя Фомин. Первой выступила одна сестра, которая сказала, что сегодня решено особенно осветить зло, которое губит души, разрушает семьи, но так как Христос сказал, что "без Меня делать ничего не можете", то и мы начнем это собрание с молитвы.

Спели гимн "Мир вам, рабы и пленники сомнения".

Выступивший со словом брат Коля Иванов - студент - прочел отрывок: "Не смотри на вино, как оно искрится..." Он привел цифровые данные о том, как алкоголизм увеличивает преступность, способствует заболеваемости, разрушает семьи. На фактах он доказывал, что алкоголик - несчастный человек, который, укорачивая свою жизнь, несет горе в семью и вреден для общества. Покупая водку, вы тем самым покупаете доски и гвозди для своего гроба, вы готовите себе могилу. Он сказал, что многие люди, хотя и сознают это, но не могут бросить пить. Сказать пьянице, что нужна сила воли - значит, не сказать ничего, он без вас об этом хорошо знает, но, увы, наркомания разрушает его волю и здоровье. Коля указал, что единственное спасение от алкоголизма - Христос! Он приводил примеры обращения алкоголиков ко Христу, обновления их жизни.

Потом пели старинный гимн:

РечуЧто то за место, где те сидят?..

То в трактирах и питейных заведениях,

Там пропивают совесть, семью, здоровье, жизнь.

На кафедру поднимались братья, бывшие пьяницы. Они рассказывали, какой была их жизнь, когда они не знали Христа и все пропивали. Со слезами на глазах объясняли они, как они мучались, как хотели наложить на себя руки, но потом - встреча со Христом... покаяние... новая счастливая жизнь. Один из них, рассказывая, опустился на колени и стал славить Бога, спасшего его от страшного порока - пьянства.

Потом около рюмки появилось несколько молодых людей. Среди них был и Лева. Каждый из них, обращаясь к картине, говорил:

- О, рюмка, что ты делаешь с народом? Долго ли ты будешь занимать первое место в Новый год, в день

рождения и веселить людей своим ядом по любому поводу? Ты сперва завлекаешь, а потом жалишь, как змея.

На кафедре появился Шура Кузнецов. Он кратко рассказал об одной семье, которая погибла из-за того, что отец спился. Потом вышла девушка и запела трогательно и мелодично:

PoetryПапа, мой папа, иди же домой.

На башне уж пробило час,

Ванюша твой болен, и мама в слезах

Послала меня за тобой.

Иди, иди, о, папа, молю я иди!

Но пьяный отец, как поясняет брат на кафедре, не слышит мольбы своей дочери. Она уходит, а он ругается и пьет еще больше. А сестра поет дальше о том, что дочка опять прибежала в трактир и сообщила ему печальную весть, что Ванюша помер, не простившись с отцом; опять зовет его домой.

Когда она пела, у многих на глазах были слезы. Прослезились и алкоголики. Братья и сестры читали стихи, которые звали души ко Христу, чтобы найти мир и покой у Него и избавление от страшного порока пьянства.

Молитва... Плачут, рыдают женщины, просят о своих мужьях, беспробудно потонувших в алкоголе. Чей-то мужской голос, рыдая, просит прощения у Бога, просит силы, чтобы больше не пить.

Собрание кончается. Обратившегося к Господу поздравляют, поют чудесный гимн:

PoetryРадостную песнь воспойте в небесах:

Найдена пропавшая овца...

После собрания молодежь собралась в библиотеке.

- Почему? Почему так мало спасаемых? - говорили они. Почему обратился только один, а сколько их здесь было? Ушли.

- В чем дело, что мы так плохо приводим души ко Христу? Какое пение было, какие рассказы, - говорит Валя Алексеева, - и все же так мало плодов!

- Вся причина, видимо, в том, - говорит задумчиво Сережа Ясырин, - что силы свыше в нас мало. Мы много времени разучивали гимны, неплохо подготовили декламации и хорошие проповеди, но не было огня Духа Святого, Который бы плавил сердца.

Все согласились с ним.

Решено было осуществить постановку пьесы "Блудный сын". Это художественная вещь, где все проповеди, пение, стихотворения гармонически связаны. Там представлены и отец, и блудный сын, и все события, которые происходят в этой знаменитой притче. Молодежь усердно готовилась, распределив между собою все роли. Много репетировали. С кафедры неоднократно объявлялось, когда будет постановка. Желающих быть на этом собрании оказалось много и для того, чтобы увеличить вместимость молитвенного дома, сдвинули скамьи вместе, убрав проход в центре зала. Люди пробирались на свои места вдоль стен. В назначенное время были заняты не только все места, но и все оставшиеся проходы.

В это время Лева усиленно занимался в школе и поэтому в декламации участия не принимал. Он устроился сзади на сундуке, в котором хранилась столовая посуда для трапезы. Рядом с ним сидел пожилой человек - старейший работник братства Ефим Сидорович Янченко.

Декламировали прекрасно, Люди не могли не выразить шепотом своею восхищения. Пели красиво, говорили красноречиво. В зале было душно, но это нисколько не уменьшило интерес к "Блудному сыну". В конце постановки брат и сестра Пикаловы из Бузулука замечательно исполнили дуэт:

PoetryЛишь один шаг к Иисусу...

Лишь один шаг - поверь и будешь жить!..

Заканчивая собрание, известный благовестник И.И. Бондаренко призвал грешников к покаянию. Говорил он образно, красноречиво, так что все слушали его, не спуская глаз. Настало время молитвы, но покаяний не было.

Собрание окончено. Лева обратился к брату Янченко:

- Ефим Сидорович, скажите, пожалуйста, вам понравилось собрание?

- О, - отвечает Янченко, - я таких еще не видывал.

- Так почему же Ефим Сидорович, здесь было столько грешников и никто не покался?

Старичок задумчиво опустил свою седую голову и, вспоминая минувшие годы, сказал:

- А в наши годы не было ничего такого. Мы, простые украинские мужики, шли по селам и проповедовали; нас били, гнали урядники, а мы говорили о Христе, и люди каялись; каялись, сколько новых общин народилось!

Крепко задумывается Лева: в чем дело? И при всем этом блеске, звуках молодых голосов ему все ясней становилось, что сила не в человеческих способностях, а в Духе Святом.

Душа жаждала служить Господу, гореть. Но увы! Лева видел, что многие поддаются плотским влечениям: ухаживают за девушками и проводят время в пустой болтовне. Были какие-то разговоры о том, что нужна сила. А вот где ее взять? Некоторые братья предложили молодежи оставаться для молитвы после собрания. Согласились. Молились, просили Господа, чтобы Он посетил, послал пробуждение как в общине, так и среди грешников, но ответа не было.

Как-то Клавдия Кабанова, которая работала секретарем в Волго-Камском союзе (через нее проходили письма, и она присутствовала на братских заседаниях), сказала Лева:

- Ты знаешь, какие большие недостатки есть у наших старших братьев?

- Неужели? - удивился он.

- Да, вот посмотри на Ивана Ивановича Бондаренко, если бы все знали, что происходит с ним, то многие, пожалуй, отшатнулись от него и не стали ходить на собрание, а ведь он занимает такой пост.

- Да, что-то мешало действию Духа Святого и духовному росту молодежи. Некоторые не бодрствовали, и были случаи тяжелых падений, которые заканчивались отлучением от общины. Многие, которые любили Господа и жаждали благословения и распространения Евангелия, продолжали усиленно молиться, чтобы Господь посетил народ свой.

Как-то во время молитвы встала одна сестра и сказала:

- Я чувствую какие-то приятные запахи, уж не Господь ли посетил нас? Присутствующий там же благовестник Попов сказал, что его словно кто-то подбросил.

Когда об этом услышали пресвитер и учитель церкви, то сказали, что это нездоровое явление, что это поворот к пятидесятничеству. Они провели с молодежью ряд бесед, разъяснив, что, желая получить силу свыше, мы должны прежде всего освящаться и получить энергию, которая проявляется не в запахах и сотрясениях тела, а в вере, проникающей в сердца грешников и спасающей их Кровью Христа.

Петр Иванович в братском общении делился, что Сам Господь должен вмешаться, навести порядок в братстве, освободить от всего неуютного Ему, что будет способствовать углублению в духовной жизни и освобождению от излишней внешней шумливости.

Глава 8. Дума

"Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте".

Фил. 4:8

Самарская христианская молодежь продолжала жить своей жизнью, привлекая всех субботними собраниями, где все радовались, глядя на служение молодых проповедников, слушая голоса молодых певцов, замечательные декламации. Особенно большие надежды подавал юноша Коля Бондаренко, который был известен среди молодежи как поэт.

В то время многие увлекались поэзией, каждый юноша и девушка пытались писать стихи, но среди начинающих особенно выделялся Коля Бондаренко. Он много работал, а когда в Самару приехал В. Маяковский и выступал у них в городе, Коля показал ему свои стихи. Тот одобрил их и посоветовал молодому человеку больше работать. Но еще более любим был Коля как проповедник, - он красиво рассказывал о Христе и призывал к Нему. В то же время Коля был скромнен и не гордился своим талантом, в общении открыто говорил, что он всю силу черпает только от Господа.

- Друзья, - делился он - в прошлый раз, когда я готовил проповедь, то собрал очень много материала, распределил все и не чувствовал себя нищим пред Богом: совсем мало молился, понадеялся на себя. И знаете, говорю, а самому горько - ничего не получается, одни слова. Избави Бог нас понадеяться на себя, на свои способности и оторваться от источника силы - все пропадет.

В это время среди русской молодежи бытовало явление, которое называлось есенинщиной. Учащаяся и рабочая молодежь зачитывалась стихами Есенина. Оки были а каждом альбоме школьника, и тот дух упадка, который часто звучал в стихах Есенина, проникал в сердца молодежи и вызывал то, что называлось

упадничеством.

Петр Иванович предложил молодежи провести вечер, направленный против есенинщины. Присутствовало много и неверующих. В ярких выступлениях христиан звучали нотки не грусти, не уныния, а зов ко Христу, Который дает радость с избытком. Выступали юноши и рассказывали, что они ведут осмысленную и здоровую жизнь, полную чистой радости и высших стремлений, Христос открывает жизнь, насыщенную глубоким содержанием, жизнь, посвященную служению ближнему, созиданию новой лучшей жизни во Христе.

В заключение выступил Петр Иванович Чекмарев, сказав, что молодежь, уходящая от Бога, теряет глубокое внутреннее содержание и, чем бы она ни была охвачена, в конце попадет в тупик и не сможет обходиться без алкоголя и других нездоровых развлечений, чтобы заполнить пустоту жизни. Он звал всех глубже посмотреть в себя и пойти путем Христа, Который сказал: "Я семь Путь, Истина и Жизнь".

Несмотря на, казалось бы, внешнее благополучие верующей молодежи веяние мира, духовный застой давали о себе знать. Многие чувствовали неудовлетворенность в жизни, хотелось лучшего, большего. В ту пору на собраниях покаяния были единичны.

Лева тоже сознавал, что чего-то не хватает; ведь они должны быть светом миру, солью земли, а фактически этого не было. Мир, город Самара, жил своей жизнью, и христиане вряд ли являлись светом, который просвещал бы всякую тьму...

Появилась мысль напечатать адрес молитвенного дома с указанием времени собраний и приглашением посетить их. Напечатали на машинке приглашения и стали раздавать на улицах города прохожим. Лева тоже раздавал, но увы, это не дало никакой новой струи, не было заметно, чтобы появилась масса новых посетителей, все было по-старому. Размышляя, Лева думал, что нужно сделать для того, чтобы верующие могли утвердиться в обществе? И вот он пришел к выводу о том, что нужно поднять культурный уровень, верующих. У него была тетрадь для записей его мыслей, и в ней он написал: "Среди нас есть некоторые неграмотные. Чтобы они были развиты, могли бы лично читать Слово Божие, нужно их научить читать, писать. Для этого их нужно объединить и учить грамоте. Можно собираться в зале молитвенного дома в дни, не занятые собраниями, и там заниматься ликвидацией неграмотности, проводить занятия по духовному воспитанию и общему развитию, в частности, проводить беседы по санитарии, гигиене, естествознанию с библейским уклоном. Письменно или каким-либо другим способом влиять на села, города, где есть общины, для развития деятельности в них, направленной к уничтожению неграмотности, невежества и всего отрицательного среди нашего братства и окружающего народа".

Лева очень много времени уделял изучению радио, чертил схемы, вникал в теорию. У него был приемник, собранный по схеме № 2 Шапошникова, по которому он принимал передачи. Известный труженик Евангелия И. Голяев в преклонном возрасте посетил Самару и впервые в семье Сергея Павловича через приемник Левы слушал радиопередачи.

Лева много писал, уделял внимание естественным наукам. В то же время у него возникал вопрос: не напрасно ли он направляет свои интересы на это? Свои размышления он изложил в маленькой статье, которую озаглавил "Христианин и радио", "Что мы слушаем по радио? Доклады - как научные, так и общественно-политические, концерты народных и революционных песен, частушки. Слушаем произведения отдельных композиторов, иногда трансляцию опер. Когда обычно мы это делаем?"

В воскресенье - собрание, в понедельник - разбор Слова, вторник - свободный день, в среду - назидательное собрание, в пятницу - собрание молодежи. Из этого следует, что верующий слушает радио только во вторник или четверг, когда нет житейских забот или из-за болезни он находится дома. Можно ли слушать радио в принципе? Конечно, можно, но лишь то, что не вредит нашему духовному состоянию. Слушание песен - вообще не назидает, музыка же волнует и возбуждает в зависимости от того, к чему мы стремимся; услаждение музыкой можно сравнить с употреблением опиума, который тоже действует, вызывая определенные представления.

Доклады, конечно, развивают кругозор, но при этом можно забыть, что царство наше не от мира сего. Утверждать, что радио оказывает такое же влияние, как и кино, не совсем ошибочно. Они равны друг другу тем, что могут быть использованы и для добра, и для зла. (Лева слышал, что за границей ставят даже такие картины, которые развращают молодежь.)

Для сравнения проведем некоторые параллели. В кино нам показывают научные ленты о жизни бактерий, жизни дикарей, фильмы, поставленные по классическим произведениям, например, "Горе от ума", юмористическую картину "Переделывание жен", революционные: "Декабристы", "Октябрь".

По радио слушаем передачи о жизни бактерий, о жизни дикарей, отрывки из произведения "Горе от

ума", революционные песни, доклады.

В литературе читаем научные трактаты из жизни бактерий, из жизни дикарей, классическое произведение "Горе от ума", различные веселые романы и историко-революционные произведения.

И там, и тут через зрение и слух входит то, чем питаешь свою душу. Христос говорит, что то, что входит в человека, не оскверняет его, ибо проходит через него, и негодное удаляется вон, Павел пишет, что все ему позволительно, но не все полезно".

Далее Лева отметил, что как радио и кино, так и литература могут служить для прославления Бога. "По радио, например, мы услышим рассказ о вреде пьянства. В кинокартине увидим жизнь несчастного алкоголика, в произведении литературы прочтем, какое горе несет водка. Зная все это, направим все свои силы на то, чтобы стать ловцами людей и спасти Христом от пьянства каждого человека.

Но представим себе, верующий узнал, что через семь часов он отойдет в вечность. Что станет он делать? Пойдет в кино, театр или станет слушать радио, или читать романы? Нет, нет. Он станет молиться, станет читать Библию и делать для близких то, что считает самым важным, ибо время его коротко. Мы знаем также, что жизнь наша - как пар, и мы, никогда не теряя времени, должны направить его на самое главное, на самое важное для того, чтобы принести добрые плоды. Разве можем мы представить учеников Христа, забавляющихся звуковым или световым калейдоскопом или читающих что-нибудь юмористическое и смешное. Итак, если мы - ученики Христа, то у нас не останется времени для пустой забавы, для всего того, что отвлекает нас от главной цели - быть светом миру. Но можем ли мы тогда читать литературу, смотреть научные картины и слушать доклады? Полагаю, что можем и должны, но только не для развлечения, а для того, чтобы, приобретая знания, рассматривая все в свете Евангелия, направить это на дело спасения мира.

Пустые развлечения, праздное времяпрепровождение - не для нас: "Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего)" - I Иоан. 2:15-16. Если мы, находясь во внешнем мире, слушаем то, что он слушает, читаем то, чем он зачитывается, и не имеем внутренней глубокой жизни, которая нас ограждает от мира, не находимся ли мы в дружбе с миром? А дружба с миром, есть вражда с Богом. Тот, кто подчинен всецело Христу, водим Духом Святым, на что он будет тратить свое время? Конечно, он может иметь в доме радио, но он не будет проводить много времени около него, он не будет говорить, что радио нельзя слушать, но всегда будет выбирать, что слушать и когда слушать.

Важно бодрствовать. Чем бы ты ни был занят, бойся греха и похоти, которые незаметно могут опутать своими сетями через все внешнее. Грех часто соблазняет человека и зовет веселиться для того, чтобы не думать о вечности, о смысле своего существования. Соприкасаясь с внешней средой, нужно бодрствовать, чтобы не оказаться в состоянии - ни теплый, ни горячий, ни холодный.

Если человек, отказываясь от удовольствий и развлечений, чувствует тоску и уныние, то это доказывает, что он - частица мира, и в нем нет главного, что дает Христос. Прочь все удовольствия, которые не славят Господа. Не удовольствия тела, а удовольствия высших потребностей духа наполняют жизнь христианина. Когда мы уделяем Христу минимум времени, а максимум себе, нашему эгоистическому я, то жизнь бесцельна, безрадостна. Жить для Христа - жить для других, облегчать страдания людей, как Он. Тогда низменная, животная природа человека не будет занимать первое место. Иногда людей охватывает страсть, и они говорят, что хочется жить. Страсть кончается, и они ощущают полную пустоту. Те, которые посвятили себя служению человеку, до конца, до могилы сознают, что жизнь не проходит бесполезно.

Верующие не говорят о своей жизни "суета сует", а иначе: "Не я живу, но живет во мне Христос". Перед каждым из нас - два пути. Один - путь бездумного, безразличного существования, другой - путь стальной дисциплины, порабощения плоти духом и жертвенной жизнью для лучшего. Многие плывут по течению. Эх, жизнь, жизнь! Материя есть царь, а дух - раб, и в результате люди поступают иногда хуже животных".

...Но довольно писать, излагать свои мысли на бумаге. Что в том толку? Лучше искать в жизни величайшую энергию и применить ее, чтобы жить по-настоящему.

Лева много читал, в том числе антирелигиозную литературу, изучал различные вопросы. Так он записал современные высказывания: "Нравственность - это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединяет всех трудящихся вокруг пролетариата, создавшего новое общество коммунистов".

В то же время он читал Лункевича об основах жизни, который писал: "Избыток размножения производит борьбу за существование... Для того, чтобы потомство не вымерло в борьбе за существование, животные, как лягушка и заяц, усиленно размножаются".

Лева много занимался вопросами происхождения человека. Он нисколько не сомневался, что Бог сотворил человека, но как? В его сознании не укладывалось, что Он, подобно скульптору или горшечнику,

лепил из праха - глины человеческое тело. Ему казалось, что наука, открывая различные законы развития, разрабатывает те методы, инструменты, которыми Бог создавал человека. И он, изучая примитивных приматов, видел, что наука расходится: полингисты утверждают, что человек сформировался из нескольких видов; моногисты считают, что он произошел от водного вида. Перед ним лежали книги Шенкевича "Как произошел человек", Мечникова "Этюды о природе человека", Анучина "О происхождении человека", Сементовского "Происхождение человека и его развитие", Обер-Маера "Человек в его прошлом и настоящем". И чем больше

Лева пытался вникнуть в суть, тем яснее ему становилось, что наука еще не знает точно, как произошел человек.

В то же время Лева особенно увлекся сочинениями Виктора Гюго. Большое впечатление на него произвели романы: "Отверженные" и "Труженики моря". Горе, страдания человека как-то особенно отражались в его сердце. Он начал все более и более интересоваться тюремной жизнью. Кроме журнала "Каторга и ссылка", он прочел П. Лабб "Остров Сахалин", Л. Волкенштейн "Из тюремных воспоминаний".

Лева не боялся делать выписки из антирелигиозных книг. Так однажды он записал выражение Невского, написанное им в предисловии к книге Алтаева "Гансдударь": "Религия - самое страшное суеверие из оставленных нам веками рабства и угнетения".

Но чем больше Лева интересовался антирелигиозной литературой, тем более он видел ту страшную тьму, в которой находятся отвергающие Евангелие. Христос открывал ему новый мир, осмысленный, глубокий, а эти люди взамен того, что давал Христос, не давали ничего.

Кроме наук теоретических, Лева интересовался и практическими. Так, он решил изучить малярное дело: варку масла, отбеливание олифы, приготовление масляных красок, кистей, шпаклевки. Хотелось везде успеть, больше знать, больше делать. Но самый настоящий отдых души и радость он находил в общении с молодыми верующими. Часто вечерами молодежь после собрания оставалась: беседовали между собою, пели любимые гимны. Один из них, особенно в то время нравился Лева, и он попросил переписать его для него. Молодежь часто пела этот гимн:

РoetryИисус, души Спаситель,
Дай прильнуть к Твоей груди.
Среди волн будь мой Хранитель,
Не оставь меня в пути.

Я Тебе лишь доверяюсь,
Я Тебе лишь отдаюсь.
Вечно зреть Тебя желаю,
Быть Твоим, мой Иисус.

Благодать и примиренье
Лишь в Тебе, Спаситель мой.
Лишь к Тебе мое стремленье,
О, прими меня - я Твой.

Нет прибежища иного
Для меня - лишь только Ты.
Не оставь меня, больного
Средь житейской суеты.

О, храни средь бури жизни,
До конца свершая путь,
Чтоб я мог достичь отчизны
И в ней вольно отдохнуть.

Ты - источник вечной жизни,
Жажду можешь утолить.
И ручьем святой отчизны
В моем сердце можешь жить.

- Друзья, - сказал как-то, хорист Шура Бондаренко, - я говорил с Иваном Ивановичем, и он пообещал, что может, пока живет в Самаре, заниматься с молодежью изучением Слова Божия. Приходите в следующий понедельник в собрание и начнем разбор Евангелия от Иоанна.

Все согласились. До этого молодежь разбирала отдельные места из Слова Божия, и не было еще такого занятия, чтобы изучали целое Евангелие.

Глава 9. Изучение Слова Божия

"Да не отходит сия книги закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно".

Иис. Н. 1:8

Вся верующая молодежь сознавала, что слушание Слова Божия в собрании для нее недостаточно. Каждый понимал, что он сам может читать ежедневно драгоценное Слово Божие. Иногда молодежь задавала друг другу вопросы: "Как лучше изучать Библию?" Одни считали, что нужно читать каждый день главу за главой; другие, что нужно изучать по темам, например, изучать тему любви, веры и т.д.; третьи утверждали, что все зависит от внутренней жизни и потребности. Когда испытания - читать об испытаниях, если случилась смерть - читать о смерти и воскресении мертвых. Так или иначе, каждый сознавал и понимал, что Библия - это самое дорогое сокровище христианина и что она является фундаментом познания о Боге. Беда была в том, что у каждого почти не было свободного времени. Каждый вечер был занят то собранием, то спевками, то сыгровками, общениями, посещениями.

- Да, мы мало читаем Библию, - сказала как-то Клавдия Кабанова, - и мне кажется, что наша молодежь, получив семилетнее образование, не должна больше тратить время на то, чтобы продолжать учиться в школах, вузах. Ведь тогда совсем будет некогда научать Библию ж вести духовную работу.

Одни согласились с ней, другие, наоборот, горячо доказывали, что молодость - это как раз время для учебы и нужно отдать все силы для того, чтобы получить высшее образование и больше, как апостол Павел, прославить Христа и послужить людям. Клавдия ставила в пример Ньюру Кузнецову, которая бросала медицинский институт и принесла себя всецело в жертву ради Евангелия и труда среди молодежи.

- Вот, если бы мы так самоотверженно оставили бы все лишнее и жили Евангелием, распространением его, то многое бы сделали, а то - каждый ищет своего. Вот ты, Лева, тоже хочешь кончить девятилетку, идти учиться дальше. А для дела Христа будешь уделять только крохи.

Лева доказывал, что это необходимо, и впоследствии он все больше и больше будет уделять времени Христу.

- А потом, Лева, - поддержал его Шура Бондаренко, - как не сейчас и учиться-то; ведь дальше у каждого из нас будет семья, дети - их кормить надо.

- А вот так и получается, - продолжала Клавдия Кабанова, - сейчас для дела Божия времени немного, а будет семья, дети - совсем некогда будет. Ведь вы же знаете, что у нас в Волго-Камском союзе, да и вообще в братстве, не хватает благовестников, мы не можем их содержать материально. А хорошие проповедники говорят: "Не можем оставить работу, нам нужно кормить семьи". Даже когда съезды бывают, то один не приедет, то - другой; все заняты хозяйственными делами да работой, а для глубокого изучения Слова Божия вряд ли у кого хватает времени.. Все мы мало читаем Библию, плохо знаем ее.

В этом все согласились с Клавдией. И Лева вспомнил свою запись в тетрадке: "Нет времени читать Великую Книгу - Библию и пить из этого источника, текущего в жизнь вечную. Мы сыны вечности и мало знакомы с глубинами той книги, в которой нам указана вечность".

Все соглашались, что самым лучшим является у трений час с Богом: по утрам, встав пораньше, пребыть в молитве и уединенном чтении Священного Писания. Все это сознавали, понимали, но, увы, редко кто аккуратно, ежедневно осуществлял это.

Лева очень любил Библию. У него их было две: одна с картинками, подаренная в детстве; а другая - карманная, которую он получил после крещения. Он изучал определенные темы, но все время сознавал, что только краешком соприкоснулся с тем великим океаном мудрости, который сокрыт в ней. В своих записях он

отмечал, как должны мы читать Библию: с детскою верою, но не с помощью разума, человеческой учености, науки. Тут нужен особо только Дух Святой, который освящает наши глаза и свыше озаряет ум так, что и все знания науки способствуют верному пониманию, а без Него Библия - запечатанная Книга для каждого человека. Благодаря Библии мы живем как физически, так и духовно, мы имеем цель жизни и надежду на будущее в загробном бытии. Она сообщила нам о том великом Божественном плане спасения рода человеческого, который действует и проявляется среди нас; мы знаем, что теперешнее есть нечто скрытое, которое раскрывается в свете Слова Божия. И мы - странники земли - должны отдать ей лучшее время, чтобы, познавая через нее вечное, сообщать о нем близким, у которых нет времени или интереса для ее чтения.

Настал понедельник, молодежи собралось много. Ивана Ивановича Бондаренко все любили как замечательного проповедника, певца и поэта (он взял себе псевдоним Филадельфийский). После молитвы он открыл Евангелие от Иоанна и прочел первые стихи.

- Тут говорится о слове "логос". Кто из вас может сказать, что такое "логос"? "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог".

Никто не решался объяснить это и попросили Ивана Ивановича сказать то, что он знает. Иван Иванович красиво, пространно изложил учение о логосе. Много философских изречений привел он, мысли различных христианских писателей. Некоторые из молодежи записывали его лекцию. В конце один из братьев сказал:

- Не можете ли вы дать нам конспект сказанного вами?

- Нет, - сказал Иван Иванович, - не могу. Вы видите - эта моя карманная Библия очень толстая. Я переплел ее со многими чистыми листами тонкой бумаги, и на этой бумаге я записываю отдельные выдержки, здесь же и конспект о логосе, напротив первой главы Евангелия от Иоанна. Если кто хочет, пусть спишет, а Библию я отдать не могу.

Все с интересом стали рассматривать Библию Ивана Ивановича.

Было видно, что он много работал над ней. Заканчивая изучение Слова Божия, молодежь встала и спела гимн:

Росту на ристалище Христа к цели вечной мы бежим,
Вот уже видны врата бесконечной жизни с Ним.
А теперь пред нами путь, мы должны Его догнать...
Проходя Его путем, подвизаемся мы с Ним,
В высь святую - над грехом и над миром суетным...

Все разошлись с твердым намерением глубоко изучать Евангелие от Иоанна под руководством Ивана Ивановича. Но увы... этого не произошло. Скоро братский союз отозвал его на работу в другие места.

Глава 10. Духовные проблемы

"В законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь".

Пс. 1:2

Пушистый снег покрыл молоканский сад чудным белым одеянием. И яблони, и тополя стояли, словно серебряный лес, сияющий в лучах зимнего солнца. Был декабрь 1928 года. Лева спешил. Сегодня он приглашен к Вале Алексеевой. У нее собирается узкий круг молодежи. Лева знал об этом и раньше, но его никогда туда не приглашали. Все относились к нему, как к младшему. Да и в самом деле ему было только 17 лет. А те, кто руководил молодежью, были гораздо старше его.

То, что его пригласили теперь туда, где будет Петя Фомин, Витя Орлов и другие, особенно радовало его. Ему так хотелось больше делать для Господа, трудиться, как те, дорогие уважаемые братья и сестры. Конечно, он не мечтал руководить или быть впереди молодежи, он только хотел быть полезным и больше сделать хорошего.

Он постучался в дверь. Открыла дверь Тося, сестра Вити Орлова и близкая подруга Вали Алексеевой.

- А, Лева, проходи, проходи. Друзья, Лева пришел, - закричала она.

Лева вошел в небольшую светлую комнату. Гости сидели за столом. К нему подошла Валя и, покашливая, стала помогать раздеваться.

- Друзья, - сказал Петя Фомин. - Я очень рад, что в нашем кружке сегодня будет также и Лева.

Его усадили за стол. Тося стала подавать чай, печенье, масло.

- Не надо бы всего этого, - нерешительно сказал Лева. - Мы ведь собрались для духовной пищи, а не для

телесной.

- Коля Иванов снисходительно улыбнулся, взглянул на Леву и дружелюбно сказал:

- Ты уж, Лева, не осуждай нас. Одно другому не мешает. Авраам сначала кормил гостей, а потом беседовал с ними. Я - студент, пришел сюда прямо из института и, откровенно говоря, не против горячей чашки чая.

- Ты, Лева, среди нас новенький, - сказала Валя. - В этой комнате раньше собиралось для тихих бесед верующее студенчество Самары, члены студенческого христианского кружка, в котором я и познала Господа. Мы все были, как одна семья, и всегда угощали друг друга всем, что есть. А потом, когда кружок запретили, я присоединилась к общине, ко мне больше стала ходить молодежь, которая в основном и руководит работой, и у нас тоже остался обычай - всегда угощать друг друга. Осенью - яблоками, арбузами, а уж зимой - чаем.

- Ты не думай, Лева, - сказал Витя, - что мы как-то отделяемся от всей молодежи. Этого нет. Но для того, чтобы все было, как положено и своевременно, нужно, чтобы кто-то руководил молодежью. Делает это, конечно, не один брат или сестра, а вот мы, более взрослые. Собираемся, чтобы обсудить нашу духовную жизнь, наметить определенный план действия в служении Господу. А потом передаем это всей молодежи, чтобы каждый делал что-то свое.

После молитвы и чаепития Петя Фомин сказал, что приближаются Рождество, Новый год и нужно подумать о том, как благословеннее сделать эти праздники.

- Эх, выпустить бы стенную газету!.. - сказал Шура Кирюшкин.

- Неплохо бы, - раздался голоса.

- Я готов вновь рисовать, - сказал Витя, - и оформлять художественно, но старшие братья не разрешат.

- А можно их и не спрашивать, - сказал кто-то.

- Ну какой праздник будет, дорогие, - возразила Валя, - если они увидят и будут недовольны. Лучше направим свою энергию в другую сторону.

- У кого какие предложения? - спросил Витя.

- Во-первых, я предлагаю, - откликнулась Фрося Барышникова, - помочь в организации детского праздника. На Рождество будут, конечно, петь дети, но и нашему хору нужно также выступить.

- О хоре не будем беспокоиться, - сказал Петя Фомин. - Петя Кузнецов такой регент, что он не упустит возможности хорошенько подготовиться, да и тете Терезе тоже напоминать не приходится. Она уже начала Рождественские спевки со вторым хором.

- Твоя мама, - сказала Валя Алексеева, смотря на Леву, - уже подготовила программу детского Рождественского праздника, раздала стихи детям и передала программу мне, чтобы ее напечатали на машинке. Кто возьмется, друзья, за это?

- А какая, интересно, программа, нельзя ли ее огласить? - спросил Шура Бондаренко, который собирал материалы для праздника молодежи.

- Хорошо, я прочту ее, - сказала Валя.

- Я, пожалуй, эту программу напечатаю, - вызвался Коля Иванов. - У меня есть тонкая розовая бумага, программа получится очень красивая, можно будет ее раздать заранее.

- Хорошо бы нам, - сказала Валя, - приготовить для детей подарки, открытки с текстами. Мы с Тосей это сделаем.

- Делайте, делайте, - воскликнул Петя. - Нам же нужно подумать о музыкально-вокальном вечере. Силы у нас есть: два хора, солисты, струнный оркестр, есть приближенный брат - скрипач. Тетя и Шура Бондаренко составят программу.

- Когда же будет этот вечер? - спросил кто-то.

- В одно из наших субботних собраний перед Рождеством, - ответил Петя. - На Новый год будет вечеря любви всей общины. Нам нужно принять большое участие. Будут, разумеется, читать стихи, петь песни, рассказывать об обращении, но хотелось бы создать что то особенное.

Все согласились с этим. Но что? Были уже коллективные декламации, на которых молодежь выступала группами, и это производило большое впечатление. Как, например, выступление о неверии. (Женские голоса декламируют: "Не знают разве атеисты?", мужские продолжают: "С ума сошел великий Ницше", и все хором "Кто сумасшедшим быть готов?").

Были и очень содержательные мелодекламации - с пением и всеобщим движением. Например, трое поют, стоя за кафедрой:

"Сначала горсточка борцов за Ним вослед пошла...", когда доходят до пения слов: "Растет толпа борцов...", тогда поднимаются два хора и устремляются к кафедре с пением, и объединенное пение двух

хоров зовет всех присутствующих к подвигу, жертве ради Христа.

Устраивали такие декламации, но всего этого казалось мало. Кто-то предложил устроить лестницу возрастания в благодати, где на каждой ступеньке, подсвечиваемой электрической лампой, будут написаны различные степени духовного роста. Шура Кузнецов отметил, что эта лестница уже была показана и во второй раз - неинтересно. Нужно что-то новенькое, особенное. Что же это особенное, так и не решили, а предложили каждому подумать.

Коля Иванов поделился, что его вызывал директор института и беседовал с ним о вере.

- Он мне прямо сказал, что педагогическая работа и баптизм не совместимы, - рассказывал Коля. - Я ему всячески доказывал, что верующий педагог - самый лучший педагог. Но все мои доводы о том, что мы честные, что стремимся к лучшей жизни и искренно хотим из детей сделать лучших людей, хороших граждан, не привели ни к чему. Он твердит одно: "Материалистическое миропонимание несовместимо с религиозным. Ты, как верующий педагог, будешь только калечить детей". Я не выдержал и сгоряча сказал ему, что он ничего не понимает. Наоборот, жизнь без Бога, жизнь, утопающая только в материальном, без высших идеалов вечной жизни, калечит детей. Он нахмурился и сказал, что мне лучше подать заявление и уйти из института.

- И как же ты думаешь? - спросила Валя Алексеева, с особым сочувствием смотря на Колю. Ей не удалось получить высшее образование, и она особенно радовалась, когда верующая молодежь училась. Любила она учащуюся молодежь еще и потому, что как раз через студентов-христиан она познала истину.

- Я думаю учиться до конца, - ответил Коля, - и сознаю, что мое призвание - быть педагогом, и это от Господа.

- Да, друзья, - задумчиво протянул Петя Фомин, поглаживая свой большой лоб. - Что ждет нас впереди? Мы мало говорим о том, как страдал Сам Христос и первые христиане и, пожалуй, совсем не готовы к страданиям.

Шура Бондаренко взъерошил свой огромный чуб и весело сказал:

- О страданиях, друзья, не будем говорить. Бог милостив, жизнь у нас еще впереди. А вот давайте лучше поговорим о тех из нас, которые женятся, выходят замуж и вместо того, чтобы строить дом Божий, занимаются только своими гнездышками. Вот возьмите для примера Банновых. Ведь какой ревностный был Никодим Федорович?! А Нюра, его жена, девушкой так хорошо проповедовала с кафедры!

- Положим, иногда проповедовала не совсем удачно, - вставил Витя Орлов.

- Я никогда не забуду ее проповеди, - сказал Лева застенчиво! - Она говорила о землетрясениях в последнее время перед пришествием Христа. Достала газету и стала читать об одном, происшедшем недавно. Как вдруг встает одна старушка и кричит на все собрание: "Сестра, а сестра, ты что газету читаешь? Мы Слово Божие пришли слушать, а не газету!" Все так и замерли, а проповедница не смутилась и дочитала статью до конца.

- Да, но после этого она газеты с кафедры больше не читала. - сказала Валя,

Все мы порадовались и чудесно отпраздновали свадьбы очень многих наших близких, и вот их нет в нашем кружке, заняты собою, только посещают собрания да поют в хоре, - сказал Петя Фомин, - Нам, несемейным, легче будет, а каково же будет им?

- Друзья, а время-то уже одиннадцатый час, нужно и по домам, - напомнил кто-то.

После горячей, сердечной молитвы распрощались. Лева возвращался домой вместе с Петей Фоминым. Дорогой Петя делился своими воспоминаниями о том, как он обратился к Господу, как начал работать среди молодежи. Потом он замолчал, о чем-то задумался и вдруг тихо сказал Лева:

- Теперь я, брат, в искушении.

- Что такое? - поинтересовался Лева встревожено. Он никак не думал, чтобы такой сильный духовно брат, как Петя, попал в искушение:

- Вот видишь ли, - запинаясь, сказал Петя, - только никому не говори. Много у нас среди молодежи сестер, и ко всем мы должны относиться одинаково, а вот мое сердце почему-то все больше привязывается к Марте Кливер.

- Да она совсем еще молоденькая, - сказал Лева. - Так или иначе Христос не рекомендует связывать себя делами житейскими.

Они распрощались. Когда Лева постучался домой, не спала только мать.

- Ты что так поздно, куда это ходишь? - с беспокойством в голосе произнесла она.

Как ни доказывал Лева, что он провели хороший вечер у Вали Алексеевой, мама сказала ему, что так поздно она ему не разрешает возвращаться и что Бог призывает всех к разумному служению.

Лева вел маленький дневник, в который записывал свои думы, стремления. 19 декабря он отметил: "Враги человеку - домашние его". Мы все решили отдать Христу; в борьбе против зла и для верной победы необходимо устранить все, мешающее борьбе. Но наши близкие!? Человек не думает о себе, но страдания близких из-за него ведут к компромиссам этого человека в борьбе. Близкие, домашние, их любовь к нам приносят страдания. Вот муж, жена, дети. Он работает. Но вот на него "нажали", перед ним встает вопрос его семьи, и он менее ревнует в деле Божиим, его редко видишь впереди. Говорят: "Он осторожен". Так гнут родные самых сильных, разумных. Вот перед нами юноша, не связанный узами брака; девушка, свободная от семьи, и их гнут родные, мать. Ведь не всякая женщина без внутренних страданий сумеет отдать сына на произвол тюрем и ссылок. Что же делать человеку, имеющему мать, жену, детей? Если он будет послушным воином Христа, если он точно будет исполнять приказы вождя, то он увидит страдающую мать, бедствующую, нищенствующую семью. Если же он будет "осторожен", то есть пойдет на уступки, будет избегать гонения, он не будет истинным воином Христа, ибо истина всегда гонима. Что же делать? Быть ли причиной страдания родных или быть плохим учеником Христа? "Кто любит отца или мать более, нежели меня, недостоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня".

Готовились к праздникам. Внизу в молитвенном доме собрались близкие из молодежи и вновь обсуждали, что особенное показать на вечере любви. Просматривали старые братские журналы. В одном из них они прочитали рассказ, который вызвал восхищение у всех. Рассказ этот назывался "Заседание в царстве тьмы". В нем говорилось о том, как князь тьмы собрал всех злых духов и обсуждал, как победить верующих. Все единогласно решили поставить эту вещь на вечере любви. Витя Орлов взялся сделать крупные надписи, которые участники заседания прикрепят себе на грудь. Распределили роли, их было немало. Князем тьмы согласился быть Петя Фомин. Лева досталась роль зла. Другие взяли роли "сомнения, сонливости, лени и т.д.

Печатались программы предстоящего музыкально-вокального вечера. Лева в своем дневнике записал: "Когда делаем собрания, которые значительно отличаются от обычных, то печатаем программы, в которых объявляется содержание данного собрания. Что дают программы?

- Продажа их - средства для дела Божия.
- Увеличивают внимание слушателей.
- Пробуждают интерес к следующим выступлениям.
- Видя в программе приближение конца, не уходят до окончания.
- Листок программы - память о собрании.
- Участвующие в программе знают свое место.

Ценность программы можно повысить словами в начале ее текста: "Успех данного собрания зависит от твоей молитвы", "Не отвергни голоса Господа, пока не поздно, слушай, что Он скажет". В конце всех номеров писать: "Что сказал тебе Христос?", "Будь не только слушателем, но и исполнителем".

Вдруг молодежь пригласили старшие братья и сказали, что программы печатать не нужно; "К нам придираются, говорят, что мы устраиваем концерты. И лучше обойтись без программ." Это предложение очень огорчило Леву, и он в своем дневнике записал: "Воин Христа с девизом "Все для Христа!" скажет: "Нет, я ни на шаг не отойду назад, что я имею, не потеряю без боя, не отдам без крови". А мы?"

Братья всячески советовали делать все потише, попроще. Лева много читал, размышлял, смотрел на окружающее и в своем дневнике записал: "Гибнущий мир. На себе он остановил внимание. Он показал свою частицу. То была женщина с дрожащими руками и голоса пьяных мужчин и женщин. Они были в ее доме и говорили грязно, пошло: "Это наша хозяйка пьянствует, и у нее знакомые, не стыдятся своих дочерей, которые, вероятно, пойдут по следам матери". Да, люди гибнут в- пьяном дурмане, гибнут в разных грехах и пороках. Где же вы, носители света? Спешите скорее! Ведь люди еще не встречались с Христом, не знают спасения, не знают и возмездия за грех. Кругом тьма, беспробудная глушь. Бедная Русь, иона во тьме... А мы как работаем? "Прости меня, хоть нет прощенья..." - лишь можем сказать Тому, Кто умер за них и поручил нам сказать им о Нем. С какой скорбью смотришь Ты на продолжение дела Твоего? Темно, холодно, нет силы. Ты говоришь, а жизнь, среда диктуют другое. Выйдешь ли когда из этого состояния?"

Молодежь продолжала усиленно готовиться к тому, чтобы принять участие в праздниках. Как только кончалось собрание, начинались спевки хористов и солистов, репетировали чтение стихов. Коля Бондаренко, как владеющий особым искусством декламации, усиленно учил участников этому делу, что было не так просто. Нужно было не только прочитать стих громко и ясно, но и душу в него вложить, все чувства, в определенных местах сделать паузу, повысить или понизить голос. Не всякий мог декламировать, как не всякий мог петь. Музыканты тоже много занимались. И внизу молитвенного дома, а часто и наверху между утренним и вечерним собраниям; слышались звуки струн. В домах тоже шли большие приготовления к

празднику. Молодежь, особенно сестры, помогали родителям в уборке и готовке. И среди всего этого предпраздничного оживления не чувствовалось одного - глубокой молитвенной жизни, глубокого благоговейного проникновения в Слово Божие. Дни шли, покаяния грешников не было. Кто и как жил своей духовной жизнью, об этом знал Один Бог,

Глава 11. Праздники

*"Все дышащее да хвалит Господа!
Аллилуйя".*

Пс. 130:6

На музыкально-вокальный вечер все верующие приглашали своих родственников, знакомых, рассказывая им, что будет играть скрипка, что будут исполняться классические вещи на пианино. Сообщалось также, что будет выступать скрипач - сын известного врача В молитвенном доме перед собранием сделали перестановку скамеек, чтобы больше разместилось людей; проход, который был посередине молитвенного зала перекрыли, сдвинув вместе правые и левые ряды. Приходившие пользовались проходами у стен. На подоконниках могли разместиться желающие посидеть. Несмотря на принятые меры, помещение было переполнено. Яркий свет освещал сидящих впереди хористов, музыкантов. При выходе была открыта, так называемая книжная полка, где продавались журналы "Христианин", и "Баптист", художественно выполненные тексты, Библии и Евангелия.

После пения "Славьте Христа" и вступительного слова, которое произнес Петя Фомин, была молитва. Пресвитер общины К.Ф. Кливер призвал благословение Божие на все собрание. После игры струнного оркестра выступил Коля Бондаренко, одаренный оратор, проповедник, и на основании Слова Божия рассказал слушателям, как можно использовать все, чтобы славить Всевышнего. Он особенно остановился на значении музыкальных инструментов, так как многие верующие, особенно из молокан, не одобряли музыку. Пение чередовалось с музыкальными номерами. За пианино села Тереза Эрнестовна, имеющая специальное музыкальное образование. Она исполнила одно из произведений Бетховена и, играя, перенесла всех присутствующих в мир звуков. Потом она объяснила, что эти звуки рисуют жизнь, переживания человека - пилигрима, стремящегося к вечности.

Приближенный брат, юноша-скрипач, тоже исполнил несколько классических вещей. Музыка сменяли песни. Слушатели часто не могли сдержать своего восхищения. Делились шепотом между собою о голосах певцов, красоте музыкального исполнения.

В помещении было жарко, душно, но никто не уходил. Вес были охвачены тем морем звуков, той красотой мелодии, которая касалась чувств, вызывала эстетическое наслаждение. Было много посторонних, некоторые из них имели специальное музыкальное образование. При исполнении той или иной вещи, они иногда снисходительно улыбались, переглядывались между собой. Вся аудитория с восторгом воспринимала духовные песнопения, которые были особенно близки большинству. Классическая музыка, которую многие пожилые люди слушали впервые, была не всем понятна и вызывала просто недоумение. По окончании программы за кафедру вышел молодой брат Коля Иванов, открыл Библию и прочел из 150-го псалма стих 6: "Все дышащее да хвалит Господа! Аллилуйя."

Он говорил, что вся природа в своих звуках, красках, прославляет Творца. Весенний расцвет природы, когда нас радует пение птиц, особенно поднимает чувства человека и зовет его к любви, радости, миру. Человек грехом внес диссонанс в мироздание. Обращаясь ко Христу, мы восстанавливаем свою жизнь, и душа поет. Коля подчеркнул, что верующие особенно любят пение, музыку, потому что они идут от избытка сердца, исполненного верою, надеждою, любовью. Он предложил всем присутствующим, чтобы они в сердце предоставили первое место Христу, дабы жизнь была радостной, с пением и славословием Господу.

Музыкально-вокальный вечер закончился молитвой. Кратко помолились несколько братьев и сестер. При выходе из зала у раздевалки был поставлен стол, на котором лежали листы белой бумаги. Всем выходящим предлагалось присесть и написать кратко свое впечатление о данном вечере.

На следующий день участники и организаторы вечера с интересом читали эти отзывы. Там была выражена благодарность певцам и музыкантам, были серьезные замечания о несовершенстве некоторых выступлений, но ни слова о том, что этот вечер пробудил кого-либо от духовной спячки или привел ближе ко Христу. Ни один из неверующих, а они делали в большинстве случаев замечания по исполнению, не отметил, что он тронут любовью Христа или пробудился.

Подошли и Рождественские праздники. После вечернего собрания, в сочельник, Лена и его друзья направились в православную церковь, где в ночь перед Рождеством происходила торжественная служба. В это время в Самаре еще не развернулась полностью компания по закрытию церкви, и г. о многих из них народ встречал Рождество Христово. Как ни пытался Лева протиснуться в глубь церкви, чтобы поближе посмотреть, - это не удалось. Народу было очень много.

Послушав доносившееся торжественное пение, друзья вышли из церкви и направились по домам.

- Да, народ жаждет, - говорил Юрий Леве, - но он просыпается и тянется к Богу чаще по праздникам, однако не познавая истины, проводит эти дни в объедении, попойках.

Три дня община праздновала Рождество. Были собрания утром и вечером.

Одно из них целиком было предоставлено молодежи. Собранием руководил Петя Фомин. Все проповедующие, поющие читающие стихотворения. несмотря на молодость, были преданы Господу Община радовалась глядя на них видя в них будущих тружеников на ниве Христовой.

Вот подошел и Новый год. Совет общины как это было принято раньше, решил устроить вечерю любви. К этому активно готовились все. Молодежь репетировала выступления, особенно заранее обдуманый номер программы "Заседание в царстве тьмы".

На этот вечер приглашались родственники, приближающиеся. Еще днем братья вынесли часть скамеек, расставили по всему залу рядами столы - простые, деревянные, длинные, которые застелили бумажными скатертями. Из двух больших сундуков, что стояли у входа в молитвенный зал, извлекали общинную посуду, специально приобретенную для вечеров любви. Это были всевозможные тарелки, подносы и белые бокалы, заменившие стаканы. Там, где была вешалка, устанавливались огромные усердно начищенные, много-ведерные самовары. Все приходящие несли с собой заранее приготовленные угощения. Братья и сестры приветливо принимали пирожки, бутерброды, всевозможные булочки и передавали людям в белых фартуках, которые все раскладывали. Все усаживались за столы только певцы и музыканты оставались на своих местах они кушали позже.

На кафедру вошел старейший брат Ефим Сидорович Янченко. Его особенно любили все, не только как первого проповедника нашего братства и страдальца, но и как самого кроткого, всем доступного брата. Он надел очки, раскрыл большую Библию и прочел о первых христианах, которые были вместе и принимали пищу в простоте и веселии сердца. Он сказал, что когда у них на Украине впервые загорелась Евангельская весть и люди, простые крестьяне, уверовали в Спасителя и становились братьями и сестрами, они еще не знали, что такое вечеря любви, но устраивали ее. называя все это братской трапезой. Ефим Сидорович говорил, путая русские слова с украинскими, образно показывая, как они в избах устраивали эти братские трапезы и радовались, любя Бога и друг друга. Ни страх перед урядниками, ни жестокое преследования не могли затушить пламя любви.

- После собраний всегда мы устраивали такие вечера любви, - говорил брат Янченко. - Принимали пищу в простоте и веселии сердца. Почаще бы нам их проводить, чтобы быть поближе друг к другу. Пусть больше будет любви!

Он пригласил всех к молитве. Полились сердечные молитвы полусшепотом и в полный голос. Верующие люди взывали в молитвах о благословении.

Поет хор. Пресвитер общины Корнилий Францевич возносит молитву о благословении пищи и предлагает всем есть сладкое и продолжать беседу. Потом вся община стоя поет:

Поет: Бог Отец! Благослови на столе Твой дар благой,

Он нам в пищу из любви подан милостью святой.

Сестры разносят горячий чай. Струнный оркестр играет мелодию; "Радость, радость непрестанно, будем радостны всегда..." Кругом дорогие, родные, милые лица. Все дышит любовью, миром, радостью; тихо беседуют между собою, угощают друг друга.

На кафедру выходит старейший член Самарской церкви Яков Варфоломеевич Уклеин. Высокий, седоволосый, он радостно улыбается всем я говорит, что сейчас исполнит соло. Раздаются ободряющие возгласы. Он давно уже не пел, годы ушли, но теперь он словно помолодел. Он поет красивым, хотя уже к слабым голосом о чудной Отчизне, куда бежит пришелец земной, чтобы найти доком и спасение. Он славит Господа. Потом появляются две молодые девушки. Почти девочки, и поют известный гимн поочередно, спрашивая и отвечая одна другой: "Ты куда идешь, скажи мне, странник, с посохом в руке?.."

За ними выходит брат-плотник, он маленького роста, и его почти не видно из-за кафедры. Он рассказывает о споем обращении: как из горького пьяницы, пропадающего под забором, Христос сделал из него нового человека. Он говорил от души, со слезами о том счастье, какое он нашел во Христе. Когда он

кончил, его приветствовали и целовали братья. Некоторые сестры тоже рассказывали о своей жизни и о том, как они нашли Христа. По очереди пел то первый хор, под управлением Петра Ивановича Кузнецова, то второй, молодой, которым руководила сестра Тереза.

Через некоторое время кафедру убрали, на ее место поставили стол, за который сели молодые братья. На груди у каждого были прикреплены надписи, сделанные большими буквами, например, у Пети Фомина - "князь тьмы", у Левы - "зло" и т.д.

Все с интересом наблюдали за происходящим. Сидевшие за столом запели на мотив гимна: "Вот собрались мы опять прославлять любовь Христа, Пусть святая благодать преисполнит нам сердца". Но что они поют? Что это? Верующие слушали и сразу не могли понять: "Вот собрались мы опять духи злые из тьмы... Наша радостная цель - уничтожить всех святых". Встал "князь тьмы" и сказал, что нужно приложить все усилия, чтоб люди побольше отдыхали, поменьше Библию читали, а когда на собрание надо идти, то чувствовали бы себя такими утомленными, что ходили бы на Богослужения очень редко.

За ним встал "дух сонливости", он уверял всех, что будет помогать проповедникам говорить так монотонно и длинно, чтобы верующие зевали, а некоторые просто спали.

"Зло" также предложило свои услуги. Оно обещало непременно перессорить верующих между собой, чтобы они были всем недовольны, раздражались и в сердцах их жила не любовь, а ненависть.

На все эти предложения "князь тьмы" радостно улыбался и все одобрял. Выступали также духи неверия, лицемерия, зависти, страха. Подводя итог всему, "князь тьмы" сказал, что нет никакого сомнения, что тьма победит свет и от общины верующих ничего не останется.

Но вдруг к столу приблизился еще один дух, который ранее отсутствовал - это был дух праздного любопытства. Он был встревожен и сообщил, что видел группу верующих, которые молятся и просят силы и помощи у Бога.

- Они молятся с верой? - воскликнул "князь тьмы".

- Да, да, с верой! - ответил пришедший дух.

- Тогда мы бессильны, совершенно бессильны! - воскликнул "князь тьмы", и Петя Фомин сорвал с себя надпись.

Остальные "духи" тоже сбросили с себя надписи и поспешили удалиться от стола.

Все, затаив дыхание, слушали это аллегорическое выступление. И когда оно кончилось, произошло то, чего никогда не бывало в молитвенном доме. Раздались дружные, громкие аплодисменты. После этого все встали и дружно запели: Непобедимое нам дано знамя, Среди гонений его вознесем. Бог нас в удел приобрел Себе вечный, И нам победу дарит Христом.

PoetryВыйдем за стан ко Христу Иисусу

Взявши наш крест, Его смерть возвестим

Если страдали мы с ним в этом мире

Так во славе восцарствуем с Ним.

Поздно ночью кончилась вечеря любви. Много кратких горячих проповедей было, много было сказано новогодних пожеланий, но никто не знал не чувствовал и не предвидел, что эта вечеря любви будет последней в истории Самарской церкви

Глава 12. Сложный вопрос

"Удерживайся от всякого рода зла".

1Фес. 5:22

Несмотря на то, что Лева был еще так молод, немало вопросов заставляло его глубоко задуматься и искать дорогу к истине. Казалось, ему ли было размышлять о том, что не может до сих пор решить весь мир, но все это остро касалось его сердца. Он много думал, много читал и молился,

Этот сложный вопрос причиняет страдание всему миру, он и ныне не решен. Это вопрос о войне и мире. Военный вопрос!..

С детства Лева слышал, что верующие призваны повиноваться власти, как Божьему слуге, который не, напрасно носит меч. Что если бы не было государственной власти? Не было бы порядка, и злые люди обижали бы добрых. Власть необходима для злых. Так понимали все; окружающие Леву. Но вот верующие - последователи Христа, которые призваны нести мир, сострадание, прощение, любовь могут ли они брать меч? И над этим вопросом пришлось серьезно задуматься Лева. Задуматься и потому, что это когда-то

волновало многих, особенно в 20-е годы, и верующая молодежь, как в Самаре, так и в других городах, почти единогласно готова была нести военную службу как угодно, но только не с оружием в руках. Лева знал, что в судебном порядке некоторых из верующих по их религиозным убеждениям освобождали от военной службы, других сажали в тюрьму, как неискренних, прикрывающихся религиозными убеждениями. Лева знал, по вероисповеданию баптистов, изданному в 19920-21 гг. что братство было против войны, стояло за мир и приветствовали всех людей, которые не хотят участвовать в этом.

На первом листе карманной Библии Лева приклеил чудесный текст, который ему очень нравился: "Удерживайся от всякого рода зла" 1 Фес. 5:22, Его юному сердцу было ясно, как дважды два - четыре, что война есть зло, следовательно, он должен удерживаться от участия в этом зле. Но когда он уверовал, целиком отдался Христу, принял крещение, многое в братстве изменилось. Не стало детских собраний, воскресных школ, юношеских кружков, и отношение к военному вопросу было буквально пересмотрено.

Благодаря тому, что к отцу Левы часто приходили старшие братья, а также заезжали ведущие руководители братства, Лева знал, как тяжело переживался этот вопрос среди верующих. Большинство пожилых склонялось к тому, что нужно основываться на прежнем вероучении и принимать военную службу наравне со всеми гражданами, т.е. с оружием в руках. Другие более молодые, как Н. Левинданто, Н. Тимошенко, считали, что не свойственно христианину проливать человеческую кровь, убивать даже врага. За такие мнения они позже попали в ссылку.

Были и те, которые считали, что этот вопрос каждый должен решить для себя сам, в зависимости от духовного уровня. В 1926 году был XXVI-й съезд баптистов СССР, который среди других вопросов рассмотрел вопрос об отношении к государству и воинской обязанности. Лева знал не только решения этого съезда, но и все, что предшествовало ему. На предварительных совещаниях братья единодушно решили по Слову Божьему повиноваться власти, как Божьему слуге, отдавая кесарю кесарево, а Божье Богу.

Что касается второго, то после молитвенных размышлений, пришли к выводу о необходимости нести воинскую повинность, предоставляя служить каждому по совести. Они были вызваны в ОГПУ, где их принял начальник Тучков. Когда они сказали, что молились и решили, что каждый будет служить так, как позволяет ему совесть, он рассердился на них и, долго не разговаривая, отправил их со словами: "Идите, перемолитесь".

Как слышал Лева, братья "перемолитесь" и приняли нужное решение. В 1927 году был Волго-Камский съезд в Самаре. Руководящие местные братья хотели оставить военную службу на совести каждого, но приехали братья из Москвы и убедили этого не делать. Известный брат Яков Яковлевич Винс (бывший благословенный пресвитер общины в Самаре, а потом духовно изменившийся) доказывал, что на войне убивающий по распоряжению власти не несет никакой ответственности.

- Вот, почитайте в Слове Божиим, - говорил он, - кто убил Иоанна Крестителя?

- Ирод убил, - отвечали братья.

- Верно, верно, - говорил Яков Яковлевич. - Слово Божие истинно, следовательно, убил Иоанна Крестителя Ирод, а тот воин, который отседал голову Крестителю, тут ни при чем.

Для того, чтобы было всем понятно, Винс приводил наглядный пример.

- Вот сейчас власть мне прикажет, чтобы застрелить Янченко. Я сделаю это и не буду отвечать ни перед Богом, ни перед людьми. Несет ответственность за это власть.

Казалось бы, что практически все эти вопросы для Левы были далеки. Ведь призыв в армию так нескоро, но дело в том, что в школе ввели предмет, где изучали военное дело, оружие. Болело сердце у Левы: как быть? Внутри был один ответ - не касаться этого зла, не учиться военному делу, не воздавать злом за зло.

Он прочел литературу о работе Первого Всемирного конгресса баптистов в 1905 году, где говорилось, что первые баптисты не принимали участия в военной службе, а после были случаи: дослуживались до генералов, были крепки на войне, прогоняли полки чужих. У Миши Краснова Лева брал книги, в которых прочитал, что первые христиане не брали меч, а в материалах XXVI съезда Винс доказывал, что это было не так. Он внимательно, с карандашом в руке штудировал труды Владимира Соловьева, который считал военную службу с оружием в руках обязательной для христиан. Лева все-таки никак не мог внутренне согласиться с этими мыслями. Не советуясь ни с кем из верующих, ни с родителями, он пошел к директору школы и сказал ему, что он, будучи последователем Христа, посещать уроки военного дела не будет. Директор удивился, но зная, что Лева из сектантской семьи, долго убеждать его не стал и было принято решение освободить Леву от этих уроков по религиозным убеждениям.

Когда мать узнала, она немало переволновалась и сказала, что это к добру не приведет, что надо этот вопрос понимать, как понимает братство, и не лезть на рожон.

Петр Иванович, Левин дядя, объяснил ему, что антивоенные веяния в братстве создались под влиянием

Льва Николаевича Толстого, но он считал, что этот вопрос лучше предоставить совести каждого.

Дом отца Левы посетил известный своей кротостью председатель Союза баптистов Сибири - брат Ананьев. Мать Левы просила его побеседовать с ее сыном. Брат мягко доказывал Леве, что все верующие христиане, должны отдавать кесарево кесарю, а Божье Богу. Он полагал, что если Лева в школе будет изучать военные науки, оружие, то в этом греха нет, а дальнейшее Господь Сам усмотрит,

- Господь видит сердце каждого своего дитяти, - говорил приезжий брат, - и усмотрит по молитве то, что лучше каждому по духовному возрасту.

Лева много слышал о брате Ананьеве, о его величайшем доверии Богу. Например, говорили, что когда он покупает билет на железно-дородной станции (а тогда с билетами было очень трудно), он никогда не волнуется, и Господь дивно устраивает. Когда были несогласия между братьями во время бурных заседаний общины, он никогда не спорил, а только приглашал всех опуститься на колени и горячо молиться Господу. Молитва успокаивала всех и давала лучшие результаты, чем словесное убеждение. При всем своем уважении к брату Лева с особым вниманием слушал его проповеди. Он внутренне никак не мог понять и согласиться, что он, Лева, ученик Христа, должен вооружаться мечом, повинуюсь "кесарю".

Неожиданно приехал всеми любимый брат - председатель Союза баптистов страны Николай Васильевич Одинцов. О нем Лева слышал много хорошего от родителей и от молодежи. Он жертвенно отдал свою жизнь Христу и приобрел большой духовный опыт.

Собрания были переполнены, когда Николай Васильевич с безудержной смелостью возвещал Евангелие. Его приглашали в гости. Многие хотели, чтоб он остановился у их домах. Он выбрал самого бедного - Мишу Краснова, квартира которого во дворе молитвенного дома. В ней было не уютно, и с дровами у Миши, но Николай Васильевич простой, любящий, чуткий брат сам помогал Мише готовить пищу.

После утреннего воскресного собрания Сергей Павлович и Анна Ивановна - родители Левы - пригласили братьев и приехавшего Николая Васильевича к ним в гости. Мат Левы приготовила самое вкусное для дорогих гостей. За столом Николай Васильевич ел мало, соблюдал диету. Когда братья после такого обеда стали уже собираться на вечернее собрание, мать Левы не выдержала и попросила Николай Васильевича побеседовать с ее старшим сыном.

- Что, он у вас не любит Господа? - спросил Николай Васильевич,

- Нет, нет, - сказала мать. - Он любит, уже крещение принял. Мы радуемся за него, да только вот он в школе не стал посещать уроки по военному делу, не хочет изучать оружие. Я боюсь, как бы беды не было, ведь наши братья признали это необходимым.

Николай Васильевич ласково взглянул на Леву и, отозвав его в коридор, сказал, что этот вопрос очень тяжелый, но лучше идти вместе со всеми, а если совесть в чем не позволяет, нужно молиться Господу, и Он устроит, как лучше.

Лева, опустив голову, слушал дорогого и уважаемого брата; возражать ему или спрашивать, он не посмел, но в душе было почему-то ясное сознание - он никогда не возьмет в руки оружие и других убивать не будет. Это для него представлялось таким ужасным, что он, кажется, готов был сам умереть, чем, искренно следуя за Христом и Его учением любви, оказаться в положении проливающего кровь, убивающим.

На душе было тяжело и больно, хотелось знать правду: как же быть? Сторонники насилия спрашивали: если злодеи нападут на его мать, неужели он будет стоять, сложа руки? А если увидит, как издеваются над невинной девушкой, пройдет мимо равнодушно? Ему доказывали, что в ряде случаев злодейство нужно остановить путем применения силы, оружия. И если на родную страну нападут изверги, агрессоры, то нужно защищать мирную жизнь родных сел, городов. Лева решил завести картотеку и записывать высказывания различных людей, которые отвергают кровопролитие, и тех, которые защищают его.

Глава 13. Как быть?

"Все мне позволительно, но не все полезно".

1Кор. 6:12

В школе Лева учился хорошо, все шло гладко, но однажды произошел инцидент, вследствие которого о нем заговорили, и многим стало ясно, что его надо "перевоспитывать".

Несмотря на то, что Лева был искренно убежденным христианином, он совсем не имел вид "святоши", как это общепринято понималось: не ходил мрачным, не был замкнутым, не уединялся. В школе вел себя со

всеми так же, как обычно ведут ребята его возраста: любил побегать, попрыгать, и когда на переменах шла борьба за мяч, он принимал в ней самое деятельное участие и вместе со всеми смеялся, вылезая из кучи борющихся.

Уроки физкультуры Лева также посещал аккуратно, как и все. Когда в классе было предложено написать сочинение на тему: "Что требуется от ученика в школе для соблюдения правил?" Лева написал: "Ученик должен по возможности исполнять все, что требует от него школа, а именно: при входе снять головной убор, повесить пальто в раздевалке, очистить обувь от грязи, в классе не поднимать пыль, во время перемены выходить в коридор, уделять должное внимание физкультуре. Ведь физкультура пришла на помощь для того, чтобы развивать бездействующие мышцы, особенно грудные и брюшные. Занимаясь, ученик будет сохранять здоровье, развивать органы дыхания, укреплять сердечную деятельность. Это также избавит его от простудных заболеваний". На работе Левы преподаватель написал "хорошо" с пометкой: "Школьная физкультура является толчком для повседневных занятий вне школы".

Все шло хорошо, но вдруг на уроках физкультуры ввели танцы. Это для всех было большой новостью. Дело в том, что в те годы, начиная с Октябрьской революции, к танцам относились резко отрицательно, считая их проявлением мещанско-буржуазных нравов. И нигде - ни в школах, ни на вечерах, ни в клубах - тогда не танцевали.

Лева относился к танцам и пляскам отрицательно не только потому, что они были наследием буржуазного общества, но он с детства знал историю празднования дня рождения Ирода, где необыкновенно красиво плясала дочь Иродиады. Потеряв голову от восхищения искусством танцовщицы, Ирод удовлетворил желание распутной женщины: отдал распоряжение отрубить голову Иоанну Крестителю, проявив тем самым неслыханную жестокость.

У верующих ровесников Левы было много радостей. Любя Господа, они любили природу, часто выезжали кататься на Самарку, на Волгу; да и вся община летом нередко отправлялась за Волгу, где дети и молодежь бегали и резвились. Но никому и никогда не приходило в голову потанцевать или поплясать.

И вот, когда сообщили, что на следующем занятии физкультуры начнут изучать танцы, Лева не только осознал, но и почувствовал, что он танцевать и учиться танцам не может. Ему вспомнился текст: "Все мне позволительно, но не все полезно". Лева не нашел в Библии буквального запрета танцевать, но, размышляя, можно прийти к выводу, что это не полезно и не достойно для христианина. Лева направился в библиотеку Губсоюоза, в Центральную библиотеку города Самары и стал подыскивать литературу о танцах. Специальной литературы он не нашел. Но в книгах о развитии человеческого тела, о физкультуре, он прочел немало высказываний о том, что танцы и пляски - это явление атеизма, возвращение к нравам и обычаям, далеких предков, дикарей, так же, как, к примеру, ношение всяких ожерелий и серег в ушах, как раскрашивание лица и губ красками. Некоторые физиологи высказывали мысль, что танцы и пляски, благодаря ритмичности движения и соприкосновения тел людей различного пола, повышают чувствительность, разжигают похотливость и тем самым способствуют развращенности.

И вот настал день, когда был первый урок физкультуры с танцами. В зале все выстроились, как обычно. Потом преподаватель выстроил мальчиков в одну шеренгу, девочек - в другую. Далее каждый мальчик был поставлен перед девочкой, и учитель стал объяснять, как нужно изгибаться, похлопывать в ладоши и делать первые шаги в овладении искусством танца. Лева вышел вперед и сказал, что он танцами заниматься не может и просит освободить его

- Отойди в сторону, после поговорим - сказал преподаватель.

Подражая физкультурнику, учащиеся повторяли те же движения которые он показывал и которые были прелюдией танца но когда все рассыпались, зашумели и сказали учителю, что они учиться танцевать не хотят. Тот страшно рассердился, но спорить ни с кем ни стал, а отправился к директору школы. Вернувшись он сказал, чтобы все шли в класс - таково распоряжение директора. Когда все заняли свои места, пришел директор школы и улыбаясь уселся за учительский стол.

- Ну, ребята, что за новости такие?

- Мы не хотим танцевать, не хотим, нам не нравится танцевать.

- Это почему не нравится? Вы понимаете, что танцы включены в школьную программу и это нужно для культурного развития.

- Сия причина не в классе, - сказал учитель физкультуры, - вот Смирнский отказался танцевать, а за ним пошли все.

- Смирнский, ты почему так решил - спросил директор.

Лева встал и начал доказывать, что танцы не полезны, что это просто возвращение к предкам - атавизм.

- Хватит, хватит! - прервал его директор. - Ты вот мне скажи, ты, что умней тех людей которые составляют программу?

Лева молчал, он совсем не считал себя умнее, но так или иначе считал, что танцы не полезны. Директор внимательно посмотрел на Лева и потом, обращаясь к школьникам, сказал:

- Ребята, все движется, все течет, все изменяется, конечно в годы революции, в первые годы восстановления народного хозяйства нам было не до танцев; теперь же мы можем порадоваться, повеселиться. А почему Смирнский не танцует, я понимаю. Он верующий человек и, конечно, думает, что ему не следует танцевать. Его покалечили родители, жалко, конечно, парня, но, я думаю, вы не. как он, пойдете лучшей дорогой. Сегодня я вам прощаю ваше нарушение дисциплины, а в следующий раз я надеюсь все будет в порядке.

Класс молчал.

На следующий урок пришли все. Когда выполнялись обычные упражнения, Лева занимался со всеми. Когда же начались танцы, все встали изучать это искусство, только один Лева сел на низкую физкультурную скамейку и смотрел. Ему было грустно, казалось, что молодежь делает шаг не вперед, а назад. Танцевать Лева не принуждали, не желая насиловать его религиозную совесть.

Жизнь шла вперед, многое менялось, менялись и люди. И вот все больше и больше стала распространяться мода на короткие юбки. Верующая молодежь ходила в платьях, которые носили в то время, обычных скромных фасонов. Но когда мирская молодежь стала укорачивать юбки и делать их все короче и короче, эта мода невольно стада проникать и в среду верующих. Вначале дома, а потом и на собрании стали появляться в платьях с короткими рукавами и в коротких юбках. Это обеспокоило старших, пожилых братьев и сестер. Они поговорили с ведущими руководителями молодежи, и Петр Фомин решил оставить молодежь после вечернего собрания в воскресенье для беседы.

После молитвы он прочел место: "Не любите мира, ни того, что в мире. Кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо что в мире похоть плоти, похоть очей и гордость житейская".

Встав, Коля Иванов начал говорить о скромности, о красоте молодежи, которая заключается не в том, чтобы носить модную одежду или особые прически, а украшать себя кротким, молчаливым духом и добрыми делами. Он также отметил, что опрятность, аккуратность, чистота должны характеризовать христианина и христианку и особенно молодежь. Все согласились с ним и в высказываниях подчеркнули, что надлежит одеваться, как прилично святым. Некоторые; из носящих короткие юбки не выдержали и стали доказывать, что нужно придерживаться того, как одеваются в данное время нельзя же быть монашками.

Петя Фомин вскочил и резко сказал.

- Что это вы защищаете короткие юбки. Ведь поймите, когда они выше колен - это соблазняет нас. Разве можно соблазняться да еще в собрании?!

Носившая короткую юбку сестра нисколько не смутилась, она встала и, глядя в упор на Петю так, что он покраснел, сказала:

- Брат, поступи по Писанию!

- Как это так, по Писанию? - воскликнул он.

- Вот так, как написано: "Если глаз соблазняет тебя, вырви его". И если ты, Петя, смотришь на наши ноги и соблазняешься, то значит, у тебя нечистые мысли.

- Друзья, я предлагаю прекратить разговор, - сказала Валя Алексеева. - Он принял недружелюбный характер. Давайте молиться Господу, чтобы Он занял первое место в наших сердцах, чтобы Его чувства были в нас. Ведь можно носить и длинные юбки, а своими глазами, движениями соблазнять братьев.

Молились, просили Господа, чтобы Он помог и чтобы никто, ни для кого не был соблазном.

Собрания продолжались. Пели старый и новый хоры, играл струнный оркестр. По воскресеньям устраивались молитвенные собрания в доме Камининых (в железнодорожном поселке) и в специально снятом помещении на Ново-Садовой улице. Были посетители. Немало людей слышало о спасении во Христе, но покаяния грешников были единичные. Лева в своем дневнике записал:

"Имеются силы и все, чтобы работать, но нет внутренней глубокой духовной спайки. Но нужно предпринять абсолютно все, так как наша нравственная обязанность - исполнить волю Господа. Нет достаточно воли, нет сил. Что делать? Ничего не получается. Когда идешь против течения, против современного духовного состояния среды. Вспыхнешь, очнешься, а потом опять все по-старому. Порывами ничего не сделаешь. Просто при всем сознании бьемся, как рыба об лед, и больше ничего. Ужасно то, что несмотря на предпринимаемые усилия, мы ни на один шаг не приближаемся к цели всеобщего счастья, плодотворного труда на ниве Его. И все же есть какая-то надежда на светлое победоносное будущее. Есть

еще один неиспробованный путь - это молиться и молиться, и еще раз молиться".

25 января 1929 года он записал: "Мы, молодые, решили, в воскресенье, после вечернего собрания оставаться петь, молиться и обмениваться мнениями о том, что каждый получил, слушая воскресные проповеди. Это приведет к совершенствованию духовной жизни и будет побуждать каждого глубже вникать в себя и в учение. Это сблизит нас друг с другом".

Глава 14. В ненастье

"Итак страждущие по воле Божией, да предадут Ему, как верному Создателю души свои, делая добро".

І Петр 4:19

Жизнь Самарской общины текла сбоем чередом. Слышно было, что в Сибири, на Украине арестовывали то одних братья, то других, но никто не придавал этому существованию значения. Думали, все выяснится, пройдет как местное недоразумение. Волга-Камский Союз, как и другие местные объединения верующих, продолжал трудиться для Господа: посылали благовестников, проводили совещания, строили планы на дальнейшее развитие дела Божия. Братья в Самаре планировали издавать духовный журнал с назидательными художественными статьями.

Однажды ночью в доме Смирнских раздался сильный стук в дверь. Стучали долго, настойчиво. Отец Левы встал и пошел открывать. Вернулся он не один, вслед за ним в комнату вошли люди в военной форме - это были работники ОГПУ. Вся семья проснулась, встали и дети. Сергею Павловичу был предъявлен ордер на обыск и арест. Искали везде, искали тщательно, переворачивали каждую бумажку. Забрали несколько духовных книг, писем, составили протокол обыска.

- Почему вы духовные книги забираете, ведь они разрешены советской цензурой, - сказал Сергей Павлович,

- Сектантские они, - сказал агент, - Просмотрим, вернем. - Он вытащил папиросу и хотел закурить,
- В моем доме курить не разрешаю, - заявил Сергей Павлович, - этот дымный яд мои дети никогда не ощущали.

Агент вышел курить во двор, поручив остальным внимательно за всем наблюдать.

- А теперь собирайтесь, все закончено, - сказали агенты отцу Левы.

- Сначала мы помолимся, - ответил он

Перед молитвой Сергей Павлович взял в руки свою старую Библию, с которой он никогда не расставался и прочитал место "Да и все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы" Преклонили колени. Этих молитв отца, матери, этого прощания с арестованным отцом - Лева никогда не забудет. Почему? За что? Опять какое-нибудь недоразумение, как в прошлый раз. Лева отлично знал, что отец не только действием, но даже никаким плохим словом не отозвался ни разу о советской власти: был неутомимым тружеником, день и ночь работая во время голода, тифозной эпидемии и теперь.

Что будет? Что ждет? За что? Утром к ним прибежал сын Петра Ивановича и сообщил, что в эту ночь арестовали его отца. Один за другим приходили все новые к новым печальным вестникам. Арестовали также и старичка Ладина, и брата Кирюшкина - рабочего трубного завода, арестовали астраханцев: Мишу Краснова, брата Филяшина, брата Ясырина; из молодежи - Витю Орлова, Петю Фомина, Колю Иванова, Валью Алексееву. Это было, как гром среди ясного неба, который потряс всю общину. Собрания проходили по-прежнему. Пресвитер общины, он же и председатель Волго-Камско-го союза Корнилий Францевич Кливер, призывал всех к спокойствию, к горячей молитве к Господу в надежде, что разберутся и освободят всех арестованных.

Но, увы! Проходили недели за неделями, а их не освобождали. Молодежь лишилась самых лучших своих руководителей, но никто не испугался, никто не ушел из собрания, все, наоборот, как-то сплотились друг с другом. Молитва, о которой так много говорилось, теперь заняла первое место на общинах. Не только по домам, но и в собрании открыто, со слезами молились за заключенных.

К остальным арестам прибавился еще один: арестовали Колю Бондаренко. Узнав об этом, брат Иван Борисович Семенов прямо направился в ОГПУ и потребовал на основании существующей свободы вероисповедания дать ему свидание с арестованным. Следователь долго отказывал, мотивируя, что следственным свиданиям не даются, и кроме того Бондаренко Николай очень плохо себя ведет - целый день в

одиночной камере поет. Все-таки пришлось уступить им настойчивым просьбам брата и в присутствии следователя дать свидание. На свидании Семенов поприветствовал брата и задал ему только один вопрос: "Ты в чем-нибудь виноват?"

- Ни в чем, - ответил Коля.

- Значит, вы, товарищ следователь, его освободите. Теперь я спокоен, справедливость восторжествует.

Молодежь молилась, обменивалась мнениями о том, как помочь узникам. Решили написать в Москву заявление с просьбой о немедленном освобождении заключенных, так как, хорошо зная каждого, они уверяли, что никто из них не может быть виновным в нарушении закона. В этом заявлении они писали: "Если вы их арестовали, как верующих христиан, то арестовывайте и нас. Мы такие же, как и они". Никакого ответа не было получено.

Во время обыска и ареста отца Левы были взяты записи Левы. Он подал заявление, чтобы их ему вернули.

Самарский ОГПУ

Заместителю сотрудника ОГПУ

тов. Задоркину

от

Левы Смирнского

Заявление.

В результате обыска у моего отца, Сергея Павловича, были взяты некоторые брошюры и среди них принадлежащая мне пачка почтовой бумаги с цитатами по вопросам естествознания и другим темами.

Прошу вас вернуть ее мне, так как сбор цитат стоил мне немало труда, и попало это к вам по недоразумению.

На это свое заявление он не получил никакого ответа.

Жены хлопотали, носили передачи, ожидали освобождения своих близких. В это время началась борьба с теми, кто разбогател во время нэпа, и группа частных предпринимателей-торговцев была арестована за всякие свои дела. В связи с этим как в ОГПУ, так и у ворот тюрьмы стояли толпы родственников, беспокоящихся о судьбе своих близких. Миша Краснов, Петя Фомин не имели близких родственников, которые могли бы аккуратно приносить им передачу. Валя Алексеева совсем не имела родных в Самаре, да и остальные тоже нуждались в материальной поддержке.

Как-то получилось само собой, что заботу о заключенных поручили Леве. В хоре он не пел, на сыгровки не ходил и, кажется, больше всех имел свободного времени. Лева от этого труда не отказался и вложил всю свою душу в это дело. Он носил передачи заключенным. Конечно, он это делал не только сам. Помогала ему в этом Тося Орлова, близкая подруга Вали Алексеевой, и другие.

Помолившись, Лева взял обыкновенную тетрадь и на первой странице ее написал: "Страдает ли один член, страдают с ним все члены" (I Кор. 12:26), "В нуждах святых принимайте участие" (Рим. 12:13).

Далее слева он разграфил тетрадь для прихода, а справа - для расхода. Со всей аккуратностью, к которой его приучил в свое время Гора Макаренко, когда он помогал ему при продаже духовной литературы, он учитывал каждую копейку прихода и расхода средств, поступающих для узников.

Вот некоторые из записей пожертвований:

"От первого хора - 2 руб. Пожертвования, собранные во время посещений, - 10 руб. 95 коп. Получено через Полину Яковлевну Скакунову (бывшую Саратовскую атеистку, несколько раз пытавшуюся покончить жизнь самоубийством, боровшуюся с религией, но покаявшуюся и ставшую проповедницей Евангелия) - 15 руб. Неизвестный - 1 руб., Кабанова - 1 руб., Везельщикова - 50 коп., Макаренко - 25 коп., Путилина - 20 коп., сестра Крейман - 50 коп., И. Кузнецова - 1 руб., Банков - 2 руб., А. Бондаренко - 20 коп., Ваня Камынин - 3 руб. 25 коп., Ладина - 2 руб., Попова - 3 руб., Головин - 60 коп., Туркова - 20 коп., Чекмарева - 1 руб., Гора Макаренко - 1 руб., В.Чекмарев - 1 руб., Зотова - 1 руб. и многие-многие другие".

Лева выдавал деньги идущим за провизией для передач, и они приносили ему справки о том, что куплено и сколько израсходовано. Например: 1 кг сахарного песка - 64 коп., клюквенный экстракт - 22 коп., открыток 10 шт. - 30 коп., конвертов 5 шт. - 5 коп., порошок зубной - 15 коп.

В квитанции от 14.11.29 г., четверг, значится: яиц 10 шт. - 52 коп., селедки 2 шт. - 13 коп., молока 2 бутылки - 27 коп., коробка леденцов - 47 коп., порошок зубной - 16 коп., булки французские 10 шт. - 60 коп., открытки 10 шт. - 30 коп. Всего на 2 руб. 45 коп.

Верующие по очереди носили передачи. Были случаи, когда некоторые из-за занятости не могли идти, и тогда это приходилось делать Леве. Он покупал продукты, потом стоял с передачей в очереди. Был февраль,

холодно, мерзли ноги.

Однажды пресвитер попросил сделать это доброе дело за него. Он писал Лева: "Дорогой Лева! Вчера поздно вечером я узнал, что наша "очередь" сегодня позаботиться о передаче продуктов, но приготовить их уже не могли и сегодня мне некогда, поэтому прошу тебя взять на себя этот нелегкий труд, купить все необходимое. Для этого прилагаю при сем три рубля. 08.II.1929 г."

Дети Божий не только переживали за находящихся в испытании, не только молились за них, но всячески старались проявить к ним любовь.

Глава 15. Тяжелые времена

"Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждующих, как и сами находитесь в теле".

Евр. 13:3

Собрания в молитвенном доме проходили регулярно. По субботам их по-прежнему проводила молодежь. Передовых руководителей не стало, но выдвинулись более молодые. Петя Львов и Лева ревностно участвовали почти в каждом субботнем собрании. Проповеди стали говорить и молодые сестры. Арест братьев и Вали Алексеевой никого не испугал. Наоборот, всем хотелось еще выше поднять знамя Христа и возвещать Его. Но были и те, которые старались призывать к осторожности, к свертыванию работы.

Пресвитер общины и старичок Ефим Сидорович Янченко явно переживали и опасались, что, если взяли ни в чем не повинных и арестовали, могут арестовать и их, но продолжали трудиться для Господа. Слышно было, что в разных местах Волго-Камского союза братья оставили свою работу и уехали в неизвестном направлении.

Становилось все более ясно, кто был в деле Божьем настоящим пастырем, а кто поддельным. Последний, видя приближающуюся опасность, бросает стадо овец - детей Божиих на произвол судьбы, лишь бы спасти свое благополучие.

Немало в те месяцы было верных, преданных братьев, которые отдавали душу за друзей своих и не бежали от опасности, но с кротостью и смирением принимали арест и тюрьму за дело Божие. Большинство общин нашего огромного братства было в то время во многих сельских местах. Где началась коллективизация, там ревностных братьев с их семьями, хотя они были и незажиточные, стали относить к кулацким подпевалам. После этого они сами закрывали общины, разъезжались, а пресвитеры покидали свои места вместе с другими членами общины.

Работа в Волго-Камском союзе явно свертывалась. Дух какой-то осенней грусти проникал в сердце. Пожилые склоняли свои головы, и в беседах часто ставился вопрос: как сохранить себя в вере, как сохранить молодежь. Это решалось по-разному. Многие предлагали быть потише, прекратить всякую работу молодежи, чтобы сохранить ее от страданий, тюрем. Предлагали закрыть субботние молодежные собрания, а сделать их обычными, не допускать, чтобы молодежь большими группами - человек по 20-30 - совершала посещения и т.д. Эти настроения были чужды юным сердцам. С воодушевлением почти после каждого собрания молодежь пела свой любимый гимн:

Поетру
На ристалище Христа к цели вечной мы бежим.
Вот уже видны врата бесконечной жизни с Ним...
Проходя Его путем, подвигаемся мы с Ним
В высь святую над грехом и над миром суетным.

По субботам говорили огненные, зажигающие проповеди о Данииле и других подвижниках веры. Лева нашел в "Утренней звезде" (газете, которую издавал И. С. Проханов) стихотворение, которое продекламировал на утреннем собрании:

Поетру
Когда полки вождя земного,
Сплотившись, в бой с врагом идут,
То нет им в жизни дорогого -
Все на алтарь они кладут.

И часто в муках умирая,
Простерши руки к небесам,

Людей земли благословляя,
Идут безропотно к отцам.

А мы из армии Христовой
Врага завидели вдали
И не хотим победы новой,
Дрожа, уже лежим в пыли.

Да, Боже, мужества в нас мало,
Трусливы мы в святой борьбе.
На словах победа уж звучала,
А в битве мы - позор Тебе.

Корнилий Францевич, пресвитер, по окончании собрания подошел к Лева, покачал головой и сказал, что такие стихотворения декламировать опасно.

Однажды, когда солнце уже пригревало, напоминая весну, Лева шел на собрание. Он свернул на Ульяновскую улицу, направляясь к молитвенному дому, и увидел странное шествие. Сердце его дрогнуло. Шел отряд военных с шашками наголо.

Отряд приблизился. В центре его он увидел заключенных. Это вели из ОГПУ в тюрьму (правда, тогда не было тюрем, они назывались изоляторами) дорогих близких и родных. Впереди шагали с бледными лицами, держа чемоданчики и мешки, братья Сергей Федорович Ясырин, юные Коля Иванов и Коля Бондаренко, за ними виднелась мощная фигура брата Е. Филяшина и астраханского пресвитера. Рядом с ним шагал, ссутулившись, слабый старичок с длинной бородой, белой как снег - брат Ладин, который просил бывало перед началом собрания спеть: "В край родной, в край родной, в край родной страны..." За ними двигались двое, неся мешки: высокий истощенный брат Кирюшкин - рабочий трубного завода и невысокого роста, в черной шубе труженик здравоохранения, удостоенный звания Героя труда, отец Левы - Сергей Павлович.

Лева увидел их, хотел броситься к ним, но обнаженные клинки остановили его. Он махал им рукой, они кивали головами и молча шли, шли туда, где ждали их каменные мешки старинной самарской тюрьмы. Лева не пошел на собрание, а следовал на расстоянии за ними. Сердце билось в груди, казалось, хотело выскочить, на глаза наворачивались слезы: "За что? За что? Как злодеев ведут. Ведь они самые мирные люди". Лева точно знал, что они ничего плохого не сделали. Так за что же, за что?..

И ответ был только один - за Евангелие!

Их подвели к большим черным железным воротам Самарской тюрьмы. Ворота распахнулись и проглотили их. Почти бегом поспешил Лева в молитвенный дом. Он сообщил всем, что братьев перевели в изолятор. Всем стало ясно, что в результате следствия их не освободили и что заключенных ждут страдания. Полились горячие молитвы к небу, к Богу, чтобы Он заступился и защитил страдальцев. Бог угнетенных, Бог скорбящих... Вдовы, матери скорбели о своих невинно страдающих близких. Это была только капля того горя, которое, как полная чаша страданий, была преподнесена верным детям Божиим.

Носили передачи, ждали свиданий. Мать Левы хлопотала о свидании со своим мужем, а Лева подал заявление, чтобы ему разрешили свидание с Валей Алексеевой, ведь у нее никаких кровных родных здесь нет. На свидание с ней хотели попасть и ее близкие подруги, в числе которых была и Тося Орлова. Но заявление Левы опередило и - о, счастье! - получил разрешение на свидание с сестрой.

Вот оно, это длинное помещение с двумя рядами мелких решеток. По одну сторону выводят заключенных, по другую - стоят родственники, пришедшие на свидание. Между решетками ходят надзиратели. Шум, гам, одни стараются перекричать других. Картина этого свидания была в точности такая же, как описывается Л. Н. Толстым в его знаменитом произведении "Воскресение". Это была та же царская тюрьма и та же комната свиданий, какая была в дореволюционное время.

Они стояли друг против друга за решетками.

- Валя! Валя! - кричал Лева.

- Лева! Лева! - кричала Валя. - А где же Тося?

- Тося придет в следующий раз на свидание, - отвечал Лева. -

- Как здоровье, как бодрствуешь?

- Бодрствую, - отвечала Валя и закашлялась. - Вот грудь болит, вчера было кровохарканье, врачи обещают положить в больницу

- О, это было бы хорошо. Ты ни о чем не беспокойся. Квартира твоя в порядке, деньги за квартиру

заплатили. А что бы тебе принести?

- Спасибо, все есть. Вот Евангелие бы... Да разве пропустят сюда?
- Хорошо, постараемся, - сказал Лева. - Мы решили, чтобы тебе не отставать от жизни, выписать газету.
- Какую?
- "Средне-Волжскую Коммуну".
- Хорошо, выписывайте. Ну, а как вы бодрствуете сами-то?
- О, хорошо, слава Богу! Не возражаем, если нас к тебе посадят. Молись о нас.

Долго говорить не разрешалось. Нужно было освобождать место для свидания другим. Как один миг, пролетели эти минуты. Но они остались в сердце Левы на всю жизнь. Сердце его пылало любовью к Богу, к последователям Иисуса Христа. И он восхищался так, как восхищаются мучениками первохристианства.

Хотя завидовать не полагается, но молодежь, особенно подруги Вали Алексеевой, прямо-таки завидовали Левае, что он первый получил свидание с Валею.

Выписали газету на самарский изолятор, и Валя аккуратно получала ее. Но как передать Евангелие? Думали, молились и, наконец, решили. Купили большую коробку зубного порошка - тогда продавались картонные прямоугольные, осторожно вскрыли ее, высыпали зубной порошок, а на его место положили завернутый в белую бумагу Новый Завет малого формата. Сверху присыпали зубным порошком, крышку хорошо приклеили. А в записке с передачей после перечисления всех продуктов и предметов написали: "Валя! Хорошенько чисти зубы".

На следующей неделе в ответной записке на передачу Валя писала: "Счастлива! Чищу зубы".

Молодежь благодарила Господа и радовалась. Все представляли, как приятно Вале в камере читать Святую Книгу и со страниц Евангелия получать наставление и утешение от своего Лучшего Друга - Иисуса. Да, она была счастлива. Это, кажется, звучит парадоксально, но это факт. Больная туберкулезом девушка, без родных, в тюрьме, как преступница, - и счастлива.

Да, недаром, молодежь последующих десятилетий и ныне с воодушевлением поет: "Жить для Иисуса, с Ним умирать - лучшую долю вряд ли сыскать!"

Сошел снег, стало теплее. Легче стало стоять в очередях с передачами. В окнах тюрьмы виднелись лица заключенных. Сестры и братья, идя на собрание по Арцибушевской улице, слышали, как Петр Иванович Чекмарев, стоя у окна своей камеры, громко пел:

РоetryО, нет никто во всей вселенной
Свободы верных не лишит.
Пусть плоть боится цепи тленной
И пусть тюрьма ее страшит...
Сам Бог Любви свободу дал.

О, нет никто во всей вселенной
Нас чести нашей не лишит.
Пускай с враждою откровенной
Толпа позором нас клеймит.
Поднимем знамя Правды вечной,
Любовью злобу обовьем.
И честь не в славе быстротечной,
А в торжестве Любви найдем.

Верующие с восхищением слушали пение дорогого брата, но за это пение его перевели в отдаленную камеру, откуда его уже не было слышно.

- Как, как порадовать узников, как ободрить их? - думала молодежь и придумала.

Была глухая ночь. Все спали. Конечно, по улицам Самары ночью иногда проходят подвыпившие поющие люди. Кто обращает на это внимание? Гуляет себе молодежь. А вот в эту ночь мимо тюрьмы по Арцибушевской улице шла молодежь не подвыпившая, а трезвая, бодрая. Шли христиане и, нарушая ночную тишину, громко, ясно и стройно пели:

РоetryНа крыльях могучих орлиных
Над морем житейским несусь.
На крыльях могучих орлиных
Я к вечности сердцем стремлюсь.

Чрез горы, долины и нивы
Все выше я к небу лечу.
Несут меня мощные крылья
На них я спокойно стою.

Под мощными крыльями тихо
И чудно покоюся я.
Под ними приют мой надежный,
Под ними защита моя.

Пусть вьются враги надо мною,
Пусть целятся злобно в меня.
Могучи орлиные крылья,
Под ними царит тишина.

Укроюсь ли теми крылами,
Стою ли надежно на них,
Спокойно мне так и отрадно
В скитаниях долгих моих.

Звуки гимна разносились высоко и далеко и проникали в окна многоэтажной тюрьмы. В некоторых окнах замелькали тени. "Братья слышат", - думали поющие. Да, они слышали. После в письмах и при встречах они делились, что это пение было для них, как пение Ангелов. Сколько приятных чувств, мыслей породило оно! Горячо благодарили они Господа за это пение.

Еще несколько ночей проходила молодежь мимо изолятора и пела разные гимны. Некоторые пожилые, узнав об этом, волновались. Боялись, что всех арестуют. Но ничего такого не случилось. Господь хранил.

Впоследствии об этом пении было сложено стихотворение, которое в те годы не только читалось, но и пелось под гитару. Вот оно:

РочуГлубокая ночь над землею,
Над городом сумрак залег,
За грязной тюремной стеною
Чернеет в тумане острог.

Предавшись объятью ночному,
В остроге давно уже спят,
Лишь несколько душ наших братьев
В тюрьме за решеткой не спят.

Вот старец почтен сединою,
Склонившись, в молитве стоит:
"Во всем будь прославлен, о Боже!"
- Так старческий голос звучит.

Четыре отца от семейства,
Склонившись, пред Богом стоят,
О близких своих вспоминают
И быть с ними вместе хотят.

А вот разлученный с женою
Здесь верный служитель Христа,
В беседе с товарищем-другом
Он в жертву приносит себя.

А вот еще юных два брата,
В двух камерах разных сидят,

На волю Отца все отдавши,
Сердцами на Бога глядят.

Все тихо. Вдруг пенье родное
До слуха доносится их.
То братья и сестры по вере
Пришли, чтоб ободрить своих.

На улице тихо, безлюдно.
Умолк говор шумный, денной.
И пение звонко несется .
По улице темной, пустой.

О, братья и сестры, вы смело
За Господом души влекли,
А люди сочли лицемерьем
- И вот, за решеткою вы.

Прославьте же сердцем, душою
За все испытанья Творца.
О, будьте верны вы до гроба
В сей жизни Ему до конца.

Но были и такие, которые боялись заключенных. Это не потому, что они не любили их, а боялись за себя. В Самару приехал известный брат, бывший председатель союза, всеми уважаемый Илья Андреевич Голяев. Он остановился у Анны Ивановны Грачевой. Глубоко сожалел, вздыхал о братьях-узниках, которых он всех знал лично. Когда он с Левого пошел в воскресенье на собрание, братья, смотревшие из окон тюрьмы, узнали по фигуре и бороде уважаемого старца и стали махать ему и кричать приветствие. Лева стал объяснять ему, что в том-то окне виден папа, там - брат Филяшин и другие. Уважаемый старец даже головы не повернул, чтобы взглянуть на тюрьму. Опираясь на палочку, он важно шагал, устремив взор прямо перед собой. И в этом взоре Лева со скорбью читал только одно: боязнь, страх. Брат скоро уехал. И потом Лева услышал, что он покинул свою родную Балашовскую общину и переселился в Ташкент, Чтобы избежать всяких неприятностей. Стоит ли упрекать дорогого старца? Ведь старость - это немощь, и о стариках сказано: "И будут высоты им страшны и на дороге ужасы". Конечно, хорошо, когда и в старости сердце юное. Хорошо быть пальмой, как написано: "Насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего. Они и в старости плодовиты, сочны и свежи..." (Пс. 91:14-15).

Здоровье Вали в тюрьме все ухудшалось, она температурила, кровохарканье усилилось, и, когда произошло легочное кровотечение, ее из тюрьмы перевели в тубдиспансер. Валя получила полную возможность видеться с близкими ей друзьями. Ее посещали, передавали все, что могло поддержать ее здоровье. Но, увы, у нее был плохой аппетит. Посетил в тубдиспансере Валу и Лева. Он с глубокой грустью думал, глядя на ее изменившееся лицо, что болезнь, видимо, зашла слишком далеко.

- Ничего, Валя, Бог даст, тебя освободят по состоянию здоровья, и ты останешься с нами.

- Как Господу будет угодно, - говорила тихо Валя. - Я готова и страдать, и умереть за Иисуса.

Лихорадочный румянец украшал ее щеки. Волосы, густые и длинные, были как прежде.

- Кто знает, что ждет меня, но одного хотелось бы - еще и еще потрудиться для Господа, - говорила Валя.

В окнах тюрьмы стали показываться братья, держа обувь в руках. Петя Фомин так тщательно тряс перед собой свои тапочки и делал такие движения, как будто он их чистил, стряхивая пыль. Вскоре верующие догадались, что это значит. Видно, готовят их к этапу, скоро придет приговор (тогда судили без судов).

Неожиданно всех взволновало сообщение: Петр Иванович Чекмарев тяжело заболел. Из тюремной больницы его перевели в центральную, в хирургическое отделение. Там оперировали. Диагноз: тяжелый гнойный аппендицит. Операция прошла успешно, и он стал медленно поправляться. Родные, братья и сестры посещали его. Лева даже немного дежурил у его постели. Он стойко переживал как заключение, так и болезнь. Хотя у него осталась на свободе большая семья - девять человек детей и неработающая жена, он уповал на Бога и все еще не терял надежду, что высшие власти разберутся, освободят, и он сможет жить с семьей, трудясь, как и прежде. После выписки из больницы его не вернули в тюрьму, а ОГПУ оставило его

жить с семьей по подписке о невыезде до приговора.

В первое же воскресенье Петр Иванович пришел на собрание. Его радостно приветствовали. Он поблагодарил Бога за Его милости, за молитвы детей Божиих и предложил спеть стихи: "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах..." (Мтф. 5:3-11).

Пение заканчивалось словами: "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня". Петр Иванович был учителем церкви и в своих проповедях продолжал наставлять, что многими скорбями надлежит нам войти в царствие Божие. Прихожане продолжали молиться, чтобы Господь вернул узников, дал полную свободу благовестия. Но у Господа есть свои планы и времена. И, видимо, настало время начаться суду с дома Божия. Тучи сгустились. Со всех сторон поступали нерадостные вести.

Глава 16. Ветер с севера

"Поднимись ветер с севера и пронесись с юга, повея на сад мой - и польются ароматы его!"

Песн. П. 4:16

Холодный ветер испытаний дул и усиливался. Все новые и новые тучи приходили вслед за дождем.

В Москве печатались Библии для братства на пожертвования верующих. Все жаждали Слова Божия. Сообщали, что уже больше половины Библий напечатано и что они скоро будут в руках желающих. Но вдруг получили сообщение, что они запрещены и все превращено в бумажную макулатуру. Журналы "Баптист", "Христианин" перестали выходить. Это объяснялось тем, что сознательные рабочие типографии отказались печатать "религиозную дребедень". Со стороны же правительства не было никаких запрещений или притеснений.

Много средств было собрано в последние годы для постройки здания Библейских курсов в Москве. Каждый брат, сестра вкладывали свои средства, посылали их, Это называлось закладкой кирпичей в братский дом. Но увы! Строить ничего не дали, и все это пропало, и средства тоже. Последние известия были совсем грустные: Библейские курсы закрыли, а заведующего, выдающегося брата в деле благовестия Павла Васильевича Иванова Клышникова арестовали. Самое горькое было то, что все материалы, которые собирал брат для того, чтобы писать историю нашего братства, со многими историческим документами и фотографиями были отобраны во время ареста.

Темнело. Чувствовалось, что надвигается на верующих буря. Лева понимал это и то, что скоро будет трудно приобрести самое дорогое - Библию. Он взял две новые, которые удалось ему достать: одну - издания киевских адвентистов, другую - ленинградского издания Проханова, положил их в маленький ящик и закопал под домом. Когда по прошествии многих десятков лет Лева откопал эти Библии, вместо них он увидел темную, перегнившую землю, ничем не напоминающую собою книги. Библии пропали от неумелого хранения. Но он, как и вся молодежь, не думал сидеть сложа руки. Когда закрыли московские курсы, пришла мысль организовать заочные Библейские курсы в городе Самаре на семь месяцев, на 20-25 человек. Все желающие братья и сестры, как местные, так и живущие вне Самары, могли учиться там.

Программа - практические вопросы христианства:

Первый: брачный вопрос, целомудрие; общество и государство и т.д.

Второй: история христианской церкви.

Третий: методы изучения Слова Божия и примеры разбора его.

Четвертый: работа со Словом Божиим.

Пятый: апологетические вопросы.

Шестой: ответы на вопросы курсантов.

Методы работы курсов будут зависеть от самого предмета, от составителя заданий. Курсантам посылается листок с наводящими вопросами, с указанием литературы для изучения. Даются задания для докладов и разработки вопросов. Курсант возвращает проработанное, его работу проверяют и отсылают ему обратно с новой темой.

Первый предмет предложить вести Н. А. Левинданто, третий - П. И. Чекмареву, пятый - И. Бондаренко. Остальных сотрудников подыскать позже.

Средства: один лист бумаги - 1 коп. Итого расход на бумагу - 2 руб. Иногородним на конверт и бумагу -

9 руб. 60 коп., на марки - 24 руб. Все расходы на курсах за семь месяцев - 35 руб. 60 коп.

Цель - "облечься во всеоружие света".

Вместе с Шурой Бондаренко Лева решил устроить ящик Библейских вопросов и ответов, но потом решили просто задавать вопросы. Молодежи и старшим был вручен листочек:

"Исследуйте Писания" (Иоан. 5:39).

"Если же у кого не достаёт мудрости да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, - и дастся ему" (Иак. 1:1,5).

1 Иоан. 3:8; 5:18; Иоан. 1:8-10.

Рим. 7:25; Объясните этот стих.

1 Цар. 15:29-35.

Как понять, объяснить первое чудо Христа - сотворение вина, этого напитка смерти, когда учение Евангелия принципиально против употребления вина и "пьяницы Царствия Божия не наследуют"?

Иоанн 12:14-15; Матф. 27:7.

В какой день воскрес Христос по Евангелиям?

Друзья!

У вас, возможно, имеются вопросы по Библии, которые вам хочется разрешить, а также непонятные места, противоречия - изложите их письменно для того, чтобы совместно разрешить их. Вопросы подавать Ю. Г. и А. Б. тотчас, как только они возникнут.

Усиливалась антирелигиозная борьба. Изредка продолжались диспуты. На главной улице города был устроен музей безбожников, где выступали антирелигиозные ораторы, приглашая верующих возражать им. "По требованию трудящихся" закрывались церкви. Широко распространялся журнал "Безбожник", выходила газета безбожников, где в искаженном виде описывалась жизнь общин, отдельных верующих различных христианских церквей. Петр Иванович Чекмарев рекомендовал молодежи читать эти периодические издания безбожников, так как через них можно было быть в курсе тех тяжелых переживаний и поношений, которые испытывали верующие по всей стране.

Никого из молодежи, а тем более из пожилых абсолютно не смущала эта антирелигиозная шумиха. Все попытки безбожников доказать, что Христа вообще не существовало и Он миф, привели только к тому, что брат Клипеков, очень начитанный, интеллигентный человек, сделал в молитвенном доме доклад на тему: "Был ли Христос?", где на основании исторических данных и логических рассуждений доказал всю несостоятельность и абсурдность отрицания Христа.

По рукам верующих ходил художественный рассказ Филадельфийского (И. Бондаренко) "Пешехонцы", где доказывалось, что нельзя иметь тело, не имея головы, и если есть христианство - тело, то, следовательно, не мог не быть Христос - Глава, Основатель христианства.

Верующая молодежь училась, работала. Воинствующие же безбожники все более и более активизировались. Толки, недоумения и большую печаль вызвала маленькая заметка в "Средне-Волжской Коммуне", в которой Антон Максимович Зуйков, бывший проповедник общины баптистов, а потом отделившийся от нее свою группу и ставший пресвитером евангельских христиан, писал, что он отрекся от Бога и считает всю религию дурманом. Плохо знавшим Антона Максимовича это отречение казалось совершенно непонятным, но тем, кто знали его внутреннюю жизнь и обстоятельства этого богохульства, было все понятно.

Антон Максимович был в свое время одним из самых любимых проповедников Самарской общины. Обладая изумительной памятью, он прекрасно знал Библию, и в беседах никто не мог противоречить ему, он открывал главу за главой и доказывал истины Божий. Он был любимцем молодежи Самарской общины, многие полагали, что он будет достойным пресвитером общины. Когда выдвинули его кандидатуру на это служение, пришла его жена и сказала старшим братьям, что он недостоин этого. Семейная жизнь их чрезвычайно тяжела, и он ведет себя дома не как христианин. В связи с этим заявлением община воздержалась от избрания его пресвитером. Это вызвало у него гнев, и он, собрав близких ему братьев и сестер, вышел из общины и организовал свою общину, присоединившись к Союзу евангельских христиан. Когда в 1929 году положение с работой на ниве Божией стало весьма тяжелым - как в союзе евангельских христиан, так и в Союзе баптистов - из Ленинграда Антону Максимовичу сообщили, что его не могут содержать пресвитером Самары.

Воинствующие безбожники обещали ему всяческую поддержку и вознаграждение за его лекции, если он перейдет на их сторону. Не имея материальной базы для существования, Антон Максимович решил опубликовать в газете отречение от Бога и встать на сторону безбожников. Как сообщали его близкие, не

прошло и несколько дней после отречения, как от И. С. Проханова пришло ему письмо, в котором сообщалось что он будет высылать ему жалованье. Антон Максимович рвал на себе волосы, что поспешил с отречением, но было уже поздно. И он стал выступать везде с лекциями, понося Бога и верующих. Бросая при этом Библию, восклицал: "Библия - это синодальный хлам". Верующие глубоко скорбели и сожалели о "гибели" Антона Максимовича. Недолго Антон Максимович работал на атеистов. Старик уставал, здоровье нарушилось, совесть мучила, а безбожники требовали от него все новых и новых выступлений, лекций. Когда он умирал, к нему пришли братья и сестры, близкие его и предложили покаяться.

- Покаяться не могу, - сказал он. - Знаю, иду в преисподнюю, но сердце закаменело, похулил Духа Святого.

Умер нераскаявшимся. Память о нем осталась, как о соляном столпе Лотовой жены.

По поводу усиления работы антирелигиозников Лева в своих записях сделал такую заметку: "Началась всесторонняя подготовка для борьбы с религией, чтобы разбить религиозные настроения народа, чтобы вырвать молодежь из объятий "дурмана".

Начали учить сотни людей по антирелигиозной программе, готовили агитаторов, пропагандистов, которые во всеоружие воинствующего атеизма начнут разрушать веру у нестойких людей. Чем мы можем на это ответить? Неужели только запремся в крепость веры, и не обращая внимания на мир, отравляющийся ядом неверия, спокойно заснем в полной уверенности, что все благополучно. Нет, этого не может быть, настоящие молодые борцы за истину, верные воины Христа не поступят так. Они с пением: "Клич наш сегодня - вперед на борьбу!", пойдут вперед в полном подчинении Христу для защиты принципов христианства, навстречу врагу, чтобы спасти мир - массы несчастных, незнающих людей. Впереди них Победа, победившая мир, - Распятый Христос, и к Нему, за Ним по кровавым стопам христиан пойдут они смотреть, как люди будут все больше и больше погружаться в грех. Многие из нас пожертвуют своей жизнью, не переставая благовествовать падшему человечеству-

Но для того, чтобы действия наши были плодотворны, для того, чтобы знать, что мы защищаем и за что готовы умереть, нам надлежит глубоко изучать Библию. Это гораздо важнее, нежели пение, декламации. Нам нужны спевки, сыгровки, но гораздо важнее, насущнее - библейские часы, библейские кружки. У нас же их нет. Мы не обучаемся, не облакаемся во всеоружие света. То, что нет возможности или времени, не является оправданием. Безбожники изучают и Библию, а мы? Мы стоим перед необходимостью организованного изучения Библии. Иначе мы окажемся бедными, слабыми христианами, трясущимися за свое материальное благосостояние. И разум, и совесть говорят, что мы можем изучать Слово Божие и исполнять его. Не нужно шума. Готовиться нужно в близком общении друг с другом; в общении с Иисусом. Итак, практически: разбиться на группы по 6-7 человек в зависимости от свободного времени и местожительства; собираться раз в неделю. Каждая группа изучает Библию по избранному методу. Можно раз в месяц собираться всем вместе и делиться опытом. Это необходимо провести как можно скорее в жизнь. Сила у Бога!" Около этой записи другим, изменившимся подчерком сделана пометка: "Ничего не проведено".

Пошли слухи, что из Москвы пришли приговоры заключенным верующим. Из тюрьмы передали записку, что Петю Фомина, Витю Орлова, Мишу Краснова осудили на пять лет заключения с отбыванием на Соловецких островах. Колю Бондаренко и Колю Иванова - к высылке на три года в отдаленные места Казахстана. Старичку Ладину и Вале Алексеевой было предложено самим избрать место ссылки (это в то время называлось минус шесть и тому подобные минусы).

Петр Иванович Чекмарев приговорен к ссылке в Среднюю Азию. Сергей Федорович Ясырин, Е. Филяшин, Сергей Павлович Грачев "были осуждены на три года ссылки в Сибирь. Первые этапы последовали в Соловки. Это был ясный день. Солнце приветливо светило с голубого небосвода, а на сердце - печаль. Глаза застилала слезы. Молодежь спешила на вокзал, куда должен был прийти этап из тюрьмы.

Вели их со всей строгостью, вместе с другими преступниками. Некоторые из верующих шли вдали за окруженными конвоем. У ворот, которые были вблизи моста через железную дорогу, этап остановился. Молодежь, родные подошли ближе, кто-то из них запел, и все подхватили. Это был бодрый гимн, зовущий к победе над грехом, к самопожертвованию и верности. Охрана с недоумением смотрела на поющих.

- Бодрствуйте, дорогие братья, не унывайте, - кричала молодежь.

- Вы молитесь о нас, - отвечал громко Миша Краснов. - Да не забывайте, посылайте подкрепление.

- Не забудем, не забудем, - раздавались возгласы со стороны верующих.

Открылись ворота, ведущие на перрон. Молодежь побежала на перекидной мост (он и теперь еще стоит на прежнем месте). Оттуда им всем было видно, как начальник конвоя по очереди вызывал заключенных, и они один за другим входили в знаменитый "столыпинский" вагон.

Вот подошел Петя к двери вагона, взглянул на стоящих на мосту родных, близких, последний раз махнул рукой и исчез. У всех невольно сжалось сердце: что ждет его, что ждет их всех? Так же подошел к двери и Маша Краснов, снял шапку, помахал ею и скрылся внутри. И Витя Орлов остановился, хотел, видимо, что-то крикнуть, но конвойный грубо втолкнул его в дверь.

Подошел паровоз, прицепил "стольпинский" вагон и двинулся к формирующемуся составу. Грустные и печальные возвращались родные этапников, братья и сестры по вере, по своим домам. Сердце сжималось от боли при мысли, что ждет дорогих и любимых.

Через несколько дней из тюрьмы отправлялся второй этап ссыльных в Туркестанский край. Среди них были Коля Иванов и Коля Бондаренко. Их тоже погрузили в "стольпинский" вагон. Конвой оказался сочувствующим, принимал передачи для них. Они стояли у окна коридора с большими решетками и бодро улыбались провожающим.

- Ждем, ждем домой скорее! - кричала им молодежь.

Среди провожающих выделялось заплаканное лицо мамы Коли Иванова. Она не была верующей, и разбитая жизнь ее сына разрывала ей всю душу.

- Ведь учился в институте, - говорила она, - был во всем примерным. И вот посадили - пропала учеба, пропала молодая жизнь. А за что? И что это он связался с этими верующими, баптистам?

Жена Коли Бондаренко, провожая мужа, прижимала к груди маленькую девочку - недавно родившегося их первого ребенка. Глаза ее не были красны от слез, она стойко переносила горе: она понимала, что христианам дано не только верить в Спасителя, но и страдать за Него. Она знала, что все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы.

Глухой ночью, когда шел дождь и была страшная грязь на улицах, вывели из тюрьмы этап, который отправлялся в далекую Сибирь. В этом этапе, окруженном плотным кольцом конвойных, шли Сергей Павлович, Сергей Федорович и брат Филяшин. Родные все-таки узнали и пришли провожать их. Быстро гнали по грязи заключенных к станции, были охранные собаки, кричал конвой:

- Не отставай, подтянись!

А сзади, спотыкаясь в темноте, бежали провожающие. Среди них был и Лева, его мать и многие близкие. Хотелось еще раз увидеть лица узников, сказать им доброе слово, но в темноте не было ничего видно, трудно было различить, узнать заключенных. Быстро прошли по площади Петропавловской церкви и приблизились к вокзалу. Дождь моросил, казалось, само небо скорбело о страданиях человеческих. На станции увидеть отправляемых в этап уже не удалось. Их быстро провели на перрон и повели вдоль линии железной дороги, где стояли вагоны для заключенных. Приблизиться к ним, передать передачу конвойные не разрешили. Печальные вернулись все в свои дома. И в глухую ночь из этих домов лились горячие слезные молитвы, чтобы сохранил, чтобы защитил Бог оскорбленных, Бог скорбящих...

Здоровье Петра Ивановича после операции не сразу налаживалось, и он подал заявление в ОГПУ, чтобы ему разрешили, ввиду перенесенной им болезни, следовать на место ссылки не этапом через тюрьмы, а за свой счет. Верующие и вся его семья молились, чтобы Господь расположил сердца начальствующих. И было получено разрешение в соответствии с его просьбой.

Настал и для него последний день в Самаре. День прощальный, когда ему надлежало покинуть родной город. Петра Ивановича уважали не только верующие люди, но также инженеры и другая интеллигенция города. Многие помнили, как в тяжелые годы голодовки, он, имея большую семью, делал все для того, чтобы помочь другим голодающим. Когда многие добрые люди, видя его большую нужду, передавали ему продукты, он отказался принимать их и посылал своих голодных детей отнести все это назад. Дети плакали, но слушались отца и возвращали все назад.

- Наш народ страдает, голодает, - говорил он, - и я с народом несу то же бремя.

Он работал день и ночь вместе с другими специалистами, восстанавливая народное хозяйство. Он верил, надеялся, что мечты о лучшей материальной жизни осуществляются и советская власть даст народу желаемое. Все знали его не только как добросовестного труженика, но и как прекрасного преподавателя института. И вдруг он - враг, недостойный человек, которого высылают из Самары.

Никогда не забудет Лева этого последнего собрания в молитвенном доме, где Петр Иванович прощался со всеми. Кроткий, как бы лучезарный стоял он за кафедрой и проникновенно читал Гефсиманскую молитву Христа.

- Да будет воля Твоя, - сказал Христос. Так скажем и мы.

Вся община преклонила колени и горячо молилась за него. На это собрание пришли неверующие, близкие знакомые Петра Ивановича и выразили ему свое сочувствие. Некоторые особенно сокрушались о его

оставленной без кормильца, большой семье. После собрания вся молодежь пошла на хоровую площадку. Она ждала от любимого брата его последних наставлений. Он пожелал им любить Бога, друг друга, глубже изучать Слово Божие и оставаться верным до конца.

Молодежь преподнесла ему от себя на память художественно-выполненный текст. Спели прощальный гимн: "Бог с тобой, доколе свидимся, на Христа иди взирая, всем любовь Его являя..." Вера Ананьевна, жена Петра Ивановича держалась бодро, поддерживала мужа и говорила, что скоро она приедет к нему, а Соня, старшая дочь их, пока будет с детьми. На проводах Петра Ивановича Левы не было: необходимо было идти на школьные занятия - предстояла письменная работа, которую он не мог пропустить.

Дедушка Ладин уехал в ссылку в Саратов.

Валю Алексееву в этап не отправили, так как здоровье у нее было слабое, она находилась на лечении в городском тубдиспансере.

- Куда же ты поедешь, Валя? - спросила ее подруга Тося.

Не знаю, право, - ответила она.

Многие верующие зовут меня в сельскую местность. Там молоко, масло, говорят, поправлюсь. Но сказать тебе по- правде, у меня одно желание, и об этом я молюсь Богу... Валя недоговорила и задумчиво опустила голову.

Я догадываюсь о твоём желании, - сказала Тося. - Ты любишь Колю Иванова, и он тебя любит, и ты хочешь быть там, где он.

Да, ты права Тося. Он мне самый близкий человек. У меня нет родных по плоти, кто бы заботился обо мне. А Коля говорил, что я хоть и больна, но нужна ему. Он всегда желает заботиться обо мне.

Это хорошо, это счастье быть вам вместе, - сказала Тося. - Будете как жених и невеста в ссылке, а потом и поженитесь. Но только, говорят, там климат не для тебя. Жара, пыль, и питание, конечно, очень плохое.

- Вот поэтому-то я и молюсь и хочу знать волю Господа - ехать ли к Коле.

Глава 17. Утешение

"Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам".

Иван.- 14:26

Анна Ивановна устроилась на работу портнихой и трудилась день и ночь, чтобы прокормить семью. Лева закончил среднюю школу. Осталось заниматься совсем немного. Но куда пойти учиться дальше? И работать нужно было идти. Все было нужно. Окончившие их школу готовились сразу к работе в избах-читальнях. Получив среднее образование, они могли ехать в села и там работать заведующими читальнями. Но это не прельщало никого, и каждый мечтал работать в городе или учиться дальше. Кроме учебы в школе, Лева все больше и больше увлекался разными другими вопросами, которые серьезно волновали его. Он решил глубоко их изучить и в своих заметках по этому поводу писал следующее: "Иметь папки, в которые собирать материал отовсюду, примерно 10 папок по следующим темам:

1. Падшее человечество. Причины падения, картина греха - пьянство, наркомания, самоубийство, убийство и др. Методы борьбы с грехом и результаты этого.

2. Бытие и духовное сознание человечества. Исторический материализм и его точка зрения. Мессия и язычники. История христианства.

3. Атеизм. Что такое нравственность? Картины различных убеждений. Нравственность и религия.

5. Космогония. Наука и Библия. Происхождение земли и жизни человека. Точки зрения на мироздание Библии и науки.

6. Суть жизни, смерти человечества. Цель жизни, что такое смерть и т.д.

7. Апологетика. Различные вопросы христианства. Объяснение непонятных мест - противоречий и т.д.

8. Различные религии.

9. Дух, материя, экономика, общество и их взаимоотношения в жизни человека.

10. Практические и злободневные вопросы.

Не стало среди верующей молодежи тех, которые были впереди, но на их место пришли другие. Страх не было. По-прежнему молодежь по субботам вела собрания. Читали стихотворения, говорили горячие

проповеди, на кафедру выходили новые юные проповедники и проповедницы. Субботним собранием теперь часто руководил Петя Львов, вместо выбывшего брата Пети Фомина, Он не только говорил слово, но часто пел в дуэтах и квартетах.

Все знали, что он верующий, и, как он поделился слевой, на работу ему устроиться было трудно. Нигде не принимали на хорошие места, и он мостил дороги. Помещение библиотеки в молитвенном доме было местом общения молодежи. Часто оставались они там и делились своими стремлениями, успехами и неудачами. Планы росли, хотелось сделать как можно больше для Господа. Лева в своем дневнике отмечал: "Наше желание - сделать все для выполнения заветов Спасителя для чего, чтобы люди "могли узнать евангельскую истину, можно делать в окнах, если они выходят на улицу, выставку текстов Священного Писания, пусть прохожие читают. Если живем в частном доме, огороженном забором, то можно на заборе, а еще лучше на воротах нарисовать или повесить те или иные тексты. Пусть все у нас возвещает Христа. На дорогах к верстовым столбам тоже можно прибавлять изречения из Библии. Надо составлять короткие объявления из стихов Священного Писания и приклеивать везде, где висят объявления о продаже и пропаже. Будем помнить, что мы живем в стране, где признана свобода религиозной пропаганды". Вышеизложенное осуществить не пришлось, и единственно, что делала молодежь, - это раздавала прохожим адреса молитвенного дома, где были указаны часы собраний.

Планы у молодых были большие, но старшие и пресвитер Кливер без конца твердили: "Осторожней! Тише, не лезьте на рожон". Молодежь не разделяла этой тишины и стремилась вперед и вперед, Дух Утешитель звал к подвигу, к жизни во Христе. Но в то же время было то, что трудно было отнести к определенной категории - к Духу или плоти. У многих появилось желание носить определенную форму, которая бы показывала всем, что мы христиане. Лева тоже увлекался идеей о форме и, когда остались после собрания и обсуждали этот вопрос, голосовал за синюю блузу. Эта блуза была тогда очень распространена и несколько походила на тот костюм, который носил Лева. Кто-то предложил даже сделать в петлицах значки "Христос Распятый".

Лева в своих записях отметил: "Ношение одной формы дает:

- Уничтожение разных мирских нарядов. Красота наша не в этом. Все должно быть чисто, аккуратно, просто.

- Нет соперничества из-за костюмов.

- Нет соблазнов из-за неприлично одетых.

- Не будет чувствоваться внешнего неравенства бедно одетых и хорошо одетых".

Эта идея так и осталась неосуществленной, за исключением того, что некоторые носили рубахи типа синей блузы. Однажды Лева вышел из дома, направляясь к огороду, где у них были посажены фруктовые деревья. Вдруг его внимание привлекла приближающаяся пролетка, в которой сидел военный, по фуражке которого можно было определить, что это работник ОГПУ. Лева заметил, что он одной рукой как бы придерживает какого-то человека. Когда они подъехали ближе, то в этом человеке Лева узнал пресвитера Корнилия Францевича Кливера. По выражению лица брата было ясно, что он арестован, испуган и едет в горнило испытаний.

Лева словно наэлектризовался, он подбежал к пролетке и, размахивая руками, начал кричать:

- Господь с вами, Корнилий Францевич! Мы за вас будем молиться, не унывайте: вы идете за Христом!

Военный сердито покосился на Леву и велел кучеру погонять. Пролетка помчалась быстрее, Лева бросился за ними с криком:

- С Господом, брат, с Господом!

Затем он побежал к дому пресвитера и увидел в слезах тетю Терезу и их детей, скорбящих об арестованных.

Волго-Камский союз прекратил свое существование. Теперь собраниями и общиной в Самаре руководил Яков Варфоломеевич Уклеин. Ему помогал Ефим Сидорович Янченко. Оба они, как и другие братья-труженики, сознавали, что наступает время больших испытаний. Доносились все новые и новые сведения о закрытии молитвенных домов. В городе - также "по требованию" - закрывали церкви одну за другой. Но братья и сестры общины продолжали собираться, молиться и бодрствовать. Эти испытания особенно усилили молитвенное настроение среди детей Божиих, и Дух Святой действовал в сердцах, поучая и утешая. Нередко после собрания Лева сидел с близкими в библиотеке, и они вспоминали лучшие безоблачные дни, когда работал кружок молодежи при общине. Регулярно издавалась ежемесячная стенгазета "Светильник". Была редколлегия, которая собирала заметки. Художественное оформление газет делал Витя Орлов. В этих газетах были представлены темы из Слова Божия, а также различные стихотворения

начинающих поэтов, описания собраний, праздников, поездок молодежи с целью благовестия. Стенгазеты обычно вывешивались в молитвенном доме при входе. Они с интересом читались не только молодежью, но и старшими. Кроме того, молодежь выпускала напечатанный на машинке журнал "Голос христианской молодежи", на обложке которого вверху был написан текст: "С Богом мы окажем силу". Внизу - направление: "Держаться исповедания упования неуклонно" и программа: религия, литература, жизнь молодежи.

В этом журнале помещались статьи религиозно-литературного содержания, способствующие духовному пробуждению. Журнал был, как Божия труба, зовущая уснувших христиан к освещению. Он призывал к единению духовных сил благовестников, певчих, молитвенников, всех талантов, материальных средств для Иисуса. Объявляя призыв всех живых, "Голос христианской молодежи" при этом обходил полным молчанием всех духовных мертвецов.

В журнале помещались стихотворения Филадельфийского, духовные статьи Шуры Кузнецова и других братьев. Там же был отдел "Библейский класс", где ставились вопросы и давались ответы. В подготовке журнала участвовали и старшие братья: И. Игнатъев, написавший статью "Что может молодежь найти у Христа?", П. Колесников и П. Чекмарев.

Кружок молодежи, как было записано в его уставе, имел целью объединить молодых людей для осуществления в жизни учения Иисуса Христа путем:

- Изучения Слова Божия.
- Распространения Священного Писания.
- Служения друг другу и всем ближним как словом, так и делом.

Знакомясь со старыми протоколами и записями, Лева с друзьями узнавал, как работала и трудилась молодежь в те лучшие годы. Каждый участвовал в том или другом деле по способностям. Была группа посещения бедных и больных, группа распределительная, секретариат призывных и назидательных собраний, литературная группа, группа шкафа (продажа Библий, журналов, брошюр), литературно-певческая.

В 1918 году, после Великой Октябрьской Социалистической революции, была предоставлена полная свобода вероисповедания. И при общине Братства евангельских христиан-баптистов трудился кружок молодежи. Он состоял из членов действительных, почетных и соревнвателей. Действительными членами кружка являлись юноша или девушка, возрожденные свыше, в возрасте не менее 15 лет. В кружке насчитывалось 44 человека. Членов-соревнвателей было 30 человек. Это была молодежь, ведущая нравственный образ жизни и содействующая кружку личным трудом и взносами. Почетных членов в кружке было 10 человек. Всего там трудилось 85 человек. Средства кружка состояли из членских взносов, различного рода пожертвований, тарелочных сборов на собраниях. Кружок выделял свои средства на дело миссии - проповедь Евангелия, оказывал помощь нуждающимся: покупал сухари для военнопленных, отсылал деньги в Балашов для детского приюта, оказывал помощь бедным. Одному солдату, например, купили валенки и т.д.

Кружок проводил призывные библейские и деловые собрания. На библейских собраниях изучали Слово Божие. Так в кружке И. Б. Семенова познакомились с жизнью апостола Иоанна и его трудами, в кружке П. И. Чекмарева изучали значение молитвы в жизни библейских мужей; в кружке И. М. Игнатъева разбирали "Послание к Филиппийцам". На деловых собраниях обсуждались вопросы приема членов, работы комитетов и другие особо важные. Кроме того, члены кружка проводили евангелизационные собрания и устраивали вечера любви. В течение лета кружок провел на улицах Самары 31 уличное собрание с открытой проповедью Евангелия среди народа. Была также организована прогулка на лоно природы.

В кружке работало пять комитетов: комитет посещения больных и бедных, комитет музыки, комитет пения, комитет корреспонденции и комитет литературы. Члены кружка призывали грешников. За год уверовало 27 молодых людей, из них 10 человек приняли крещение. По окончании года члены кружка устроили праздник благодарения Богу, на котором говорили о деятельности отдельных тружеников, особо отмечался вопрос воспитания обращенных. Председателем кружка была в то время Пелагея Ивановна Кузнецова, которая, следуя примеру своей сестры Нюры, отдала себя целиком работе среди молодых. При кружке работал совет молодежи, который стремился направить все способности и силы на дело Евангелия. С каждым месяцем и годом работа этого кружка расширялась. Из среды юношей вырастали труженики, такие, как Николай Левинданто, Иван Бондаренко, Петя Колесников, брат Щукин и другие, которые впоследствии много поработали на ниве Божией в нашей стране. Коля Левинданто, будучи председателем совета кружка молодежи, призывал всех деятельно служить Господу. Была организована трудовая группа, которая следила за чистотой молитвенного дома и его двора. Она также изготовляла различные вещи: рукодельные, художественные, столярные - для продажи их на дело миссии. Была организована гостеприимная группа,

которая оказывала приезжим большое внимание. (В то время их было много.)

Особое значение имели вечера любви, где молодежь ближе знакомилась друг с другом, обменивалась за чашкой чая с угощениями мнениями и впечатлениями, делилась своими стремлениями.

В 1924 году, кроме вышеперечисленной деятельности, в кружке стали уделять большое значение подготовке к Пасхе, Рождеству и другим праздникам. Было обращено особое внимание на изучение Евангелия, на утренний час каждого с Богом. Было отмечено, что духовное состояние отдельного члена сказывается очень часто на его работе. Среди молодежи воспитывалось правильное отношение к Богу и друг к другу. В том же году кружок молодежи в Самаре, как и другие христианские кружки в стране, прекратил свое существование по распоряжению власти имущих.

Просматривая старые стенгазеты, Лева и его друзья читали, с какою скорбью молодежь восприняла закрытие кружка.

- И как так, - говорил Лева, - без всякого согласились и закрыли работу молодежи?!

Мама Левы, которая присутствовала при этом, сказала: - Нелегко было это сделать братьям, долго обсуждали. Некоторые предлагали не закрывать а пойти в тюрьмы, пойти на все и продолжать работу. Потом большинство решило: внешние формы не имеют существенного значения, и, хотя кружка молодежи не будет, молодежь все равно продолжит свое дело. Оно так и получилось.

- Но, все-таки, - сказал Лева, - работа значительно свернулась и нет того, что было.

- Это не совсем так, - возразила мама Левы, - Дух Божий Утешитель никогда не оставляет детей Своих, но ободряет и наставляет на всякую истину. Ведь подумайте - не стало комитета посещения больных и бедных, а разве вы не посещаете их, разве Валя Алексеева не отдавала всю свою душу на это? Нет теперь комитета музыки, а какой у нас струнный оркестр! Нисколько не хуже, и Шура Кузнецов много сделал по музыкальной части без комитета пения - у нас имеется два хора; не стало комитета литературы, а библиотека у нас работает. Нет группы гостеприимства, а гостеприимство продолжается. Да, слава Бог! - закончила она свою речь.

Все согласились, что тогда, когда действует Дух Божий, то вне всякой зависимости от внешней формы организации, названий, вывесок - дело Божие продолжается. И Господь продолжает прилагать спасаемых к Церкви.

Вскоре после того, как были получены письма от Коли Бондаренко и Коли Иванова, что они этапом прибыли к месту своей ссылки в Уил, собрались поехать к ним жена первого с малым ребенком и мать второго. Они отправились вместе. Их провожали, молились за них. Потом получили известие, что они благополучно прибыли к своим дорогим ссыльным. Они описывали все трудности пути и страшное далекое захолустье Казахстана - Уил.

Валю Алексееву выписали из туберкулезного диспансера. Теперь ей нужно было избирать место ссылки. Коля Иванов, не скрывая от нее всю тяжесть климата Уила, приглашал ее приехать и вместе отбывать ссылку. Валя согласилась. Это был большой риск с ее стороны, но любовь к ссыльным, особенно к Коле Иванову, с которым она столько лет трудилась для Господа, превозмогла все, и она решила ехать туда. Это были особые проводы. Валю Алексееву любили все: община верующих, бывшие члены студенческого христианского кружка, среди которых она уверовала, соседи и знакомые, сочувствующие ей.

Осунувшаяся от болезни и тюрьмы, с лихорадочным румянцем на щеках, с глазами, по-особенному блестящими от вдохновения, а может быть, от болезни, она прощалась со всеми. Последние пожелания, последние объятия, последние рукопожатия. Все надеялись, что пробегут эти годы ссылки и дорогая Валя опять будет в Самаре, опять будет жизнерадостная, трудолюбивая.

- Да будет воля Божия, - говорили многие. - Если не здесь, то там, Валя, встретимся.

Поезд отходил. Валя махала белым платочком из окна. И никто не знал - только Один Бог, что Валя отправлялась в свое последнее путешествие...

Прошло всего несколько дней. После вечернего собрания молодежь собралась на том месте, где сидел обычно первый хор, чтобы помолиться, попросить Господа об укреплении страдальцев в Соловках, в Сибири, в Казахстане. Молились, преклонив колени, просили сил свыше и для себя. Потом стоя пели.

Вдруг вбежал Шура Бондаренко. Лицо его было все в слезах. Он протянул руки кверху, как бы прося помощи у кого-то, и упал на колени.

- Коля, Коля Бондаренко умер, - кричал он.

Все словно остолбенели. Эта страшная новость была абсолютно непонятна, совершенно неожиданна. Как, этот молодой, полный энергии, талантливый, любящий брат - и вдруг мертв?! Ведь у него молодая жена, маленький ребенок; ведь у него все впереди... И вдруг его нет. Как? Что случилось?

На все расспросы Шура Бондаренко отвечал, что получена телеграмма от Веры с известием о смерти Коли.

Что было делать? Все склонились на колени и просили Бога, чтобы он укрепил, поддержал как старенькую мать умершего брата, так и молодую жену и его родственников, а также всех, которые скорбели об отшествии любимого друга и брата.

Дух Святой Утешитель, только Он мог успокоить скорбящие души, только Он мог дать веру, что эта смерть не бессмыслица, но дорога в очах Божиих и имеет свое значение.

Вскоре было получено письмо от Веры, в котором она описывала кончину своего дорогого спутника. "У него заболело горло, местные врачи определили у него просто ангину и лечили от ангины. Он лежал дома, дышать становилось все труднее и труднее. Он стал задыхаться, с трудом прошептал, чтобы она спела ему гимн об Отчизне и когда она пела: "Когда окончится труд мой земной, даст мне Спаситель на небе покой...", он отошел в радость Спасителя своего. После его смерти врачи выдали справку, что он умер от дифтерии.

Коля Бондаренко не любил говорить о смерти, он был полон стремления к жизни, к творчеству. Своему близкому брату Вите Орлову он говорил:

- Мы не должны думать о смерти, но о жизни и труде для Господа.

И для него смерть, конечно, не была смертью исчезновения, но перехода в другую жизнь, перехода в небо.

Стихи Коли Бондаренко много декламировались молодежью при его жизни и некоторые из них остались в памяти его друзей. Вот пример тому:

Роем Кругом ненастье, бури, бури!
Гневливо море, темно в лазури и
монотонно бушуют страсти.
И злобно вторят из буйной песне
людские волны вражды холодной,
холодной мести... Разврата полны
И в рабстве моды кричат: "Нет Бога!" А сами...
Тонут, тонут, тонут!... А жертв так много,
кругом лишь бури... Темно в лазури!
Смелее ж, братья! Погибшим руки скорей подайте,
Любви заботой лечите муки
и направляйте их в пристань мира И новой жизни,
Дабы они забыли кумира,
Рвались к Отчизне
Из темной гнили!!!
Покой же после,
Вдали лазури, покой от слез!

х х х

Роем Жизни цветы! Голубые, алые...
Распускайтесь, огнем горите!
В мир темноты, в солнечные дали
Светом радостным жгите, жгите!

Взором любви, улыбкою счастья
То, что темно, осветите снова!
Ширятся пусть голубого простора
Волны жизни, дыханье весны!

Высохнет грусть!
Пусть по-новому вторят все,
Кто жили в губительной тьме.
Вновь обнови мир зла и ненастья!

Юность жизни, твори лишь новое!..

Глава 18. На волнах

*"И ныне чего ожидать мне, Господи?
Надежда моя на Тебя".*

Пс. 38:8

Стояла непогода. Тучи шли за тучами. И верующим, открыто исповедующим Евангелие, становилось все труднее и труднее. Из техникума исключили Шуру Бондаренко. Из разных городов получали известия, что верующей молодежи закрыт путь для учебы, что трудно ей устроиться на хорошую работу. На страницах газет, в лекциях и беседах безбожники призывали верующих отречься от Бога, перестать молиться.

Ни у кого из молодежи в Самаре, кто шел за Христом, не было и мысли свернуть на широкую дорогу, отречься от Бога, но состояние было тяжелое: скорбь есть скорбь. Казалось, что все дороги в будущее закрыты. И невольно многие, даже совсем молодые, видели перед собой только один открытый путь - перейти в небо, к Господу и успокоиться у Него. Такие настроения глубоко возмущали Леву. В своих тетрадях он записал следующее: "То, что затронуло мою душу, это мы, современная баптистская молодежь Самары. Внешне, кажется, все спокойно, благополучно, несмотря на "бури", но когда поднимешь покрывало внешнего спокойствия, становится тяжело. Дело не в наших ошибках, недостатках, но в нашем отношении к битве за истину. Бойцов правды мало по сравнению с массами, погруженными в грех и неверие. Старых бойцов Христа становится меньше. Будущность борцов Христа здесь на земле определяется состоянием молодежи. Она призвана в грядущих десятилетиях нести свет Христов в мир. Но если мы спросим о ее стремлениях, то увидим, что молодежь не хочет здесь будущего. Вы услышите слова: "Умереть, скорее бы смерть". Разве это не ужасно? Живут желанием перейти в вечность. Ведь теперь наша весна в полном разгаре, все зеленеет, распустились цветы, наступило тепло, лунные ночи... И вдруг голос: "Хочется умереть". Вот брат молодой, развитый, поет, читает, проповедует, но на вопрос: "Каковы его перспективы?" отвечает: "Могила". И это не шутка... А вот другой пример. Сестра, известная всем, продолжающая трудиться среди молодежи, говорит, что хотела бы умереть, да жаль друзей, родных, которые будут скорбеть о ней.

И так говорят многие. Особенно звучно, искренне поют: "Хочу домой, хочу сейчас, хочу домой к Иисусу..."

Эти настроения глубоко тревожили Леву и некоторых его близких друзей. Они понимали, что все для них закрыто, что мир полон ненависти к искренне верующим. Знали также, что скоро собрания закроются, что Библии будут отбираться и нигде не услышишь ни Слова Божия, ни слова о Спасителе, но уходить, просить, чтобы Господь взял туда, на небо, разве можно? Ведь кругом такой мрак, столько гибнущих, и мы, может быть, последние искорки света, последние христиане в нашей стране, и мы должны быть здесь, - так думал Лева, и очень хотел, хотя бы немного быть светом Христовым.

В школе у Левы учеба шла хорошо, у него были самые лучшие отношения со всеми преподавателями и товарищами по классу. Не только Голованчик, но и многие другие одноклассники были его близкими товарищами. Педагоги ценили его за интерес к естественным наукам. Ничто, казалось, не предвещало никаких неприятностей. Оставалось всего несколько месяцев до окончания девятилетки, т.е. до получения среднего образования.

На переменах и по дороге из школы домой, выпускники часто говорили между собой о том, кто куда пойдет учиться, кто кем хотел бы стать. Многие уже сделали свой выбор. Но Лева еще точно не определился, быть ли ему геологом, химиком или кем-то еще.

Однажды преподавательница биологии предложила Леве сделать доклад для старших групп школы на тему: "Происхождение жизни с научной и религиозной точки зрения". Конечно, учительница знала, что Лева верующий. Возможно, она думала, что Лева, занявшись этой темой, отойдет от своих "религиозных предрассудков" и тогда ему откроется будущее в науке. Сначала Лева отказывался взять этот доклад, но потом согласился. Сама тема его очень интересовала. Он и раньше читал об этом немало книг, брошюр и был не прочь изучить этот вопрос поглубже.

Лева пошел в краевую библиотеку и взял там книги по вопросу происхождения жизни. В школьной библиотеке по этой теме были только отдельные брошюры.

Вечерами он внимательно читал и изучал литературу, делал выписки, сопоставлял различные теории и гипотезы о происхождении жизни. Через неделю он должен был делать доклад, на котором будут

присутствовать преподаватели и ученики старших классов. Особенно заинтересовала Лева книга Заварзина "Живая материя", автор которой старался проникнуть в тайну возникновения жизни на земле.

Итак, Лева собрал достаточно материала из литературы, чтобы ответить на вопрос о происхождении жизни с научной точки зрения. Но вот со второй половиной доклада было труднее.

Несмотря на то, что Лева хорошо знал библиотеку общины, он не нашел там ни одной статьи, лекции или проповеди, нужной ему. Ни Бетекс в своей книге "Песнь Творения", ни Иванов в своем труде "Наука и религия" не останавливались достаточно подробно на происхождении жизни на земле.

Открыв Библию, уже не в первый раз Лева прочел первую главу. Там утверждалось, что все было создано Богом - как неживое, так потом и живое. Евангелист Иоанн в первой главе Евангелия утверждал, что через Него все начало быть. Долго думал Лева, как обосновать то, что жизнь возникла по воле разумного Творца и что Он является первопричиной ее.

Пришло время делать доклад. Лева не знал, что думали преподаватели о нем. Все знали, что он - верующий. Возможно, полагали, что он, осветив вопрос с научной точки зрения, просто не станет касаться его с религиозной. Утром в день доклада Лева писал отцу в далекую ссылку: "Здравствуй дорогой папа! Мы все здоровы. Все идет своим чередом. В июне мы кончим школу. Учиться интересно: по математике повторяем логарифмы, по химии изучаем спирты; недавно были на экскурсии на Жигулевском заводе. Надеюсь, все будет хорошо. Ты знаешь, от Кого зависит наша судьба. Тебе, как медику, конечно, интересно знать, как я расту и развиваюсь. Все хорошо, но только школьный врач, послушав мои легкие, нашел там что-то нехорошее и направил в тубдиспансер. Там мне сделали рентген, удивились большой селезенке, которая увеличилась после малярии, и сказали, что нужно лечиться, хорошо питаться и ходить к ним. Эта болезнь меня не тревожит, и я думаю, что Любящий усмотрит все. Я не забуду твоих советов и знаю, из какой Книги их надо брать. В конце-концов все плохое должно быть побеждено. Мама трудится день и ночь. Все здоровы. Напиши, получил ли ты открытку".

Большой класс был переполнен. Лева, несколько стесняясь, вышел к столу, где сидели все учителя. Он положил на стол целую пачку книг, кроме того, принес с собой несколько схем.

- Тема моего доклада, - начал он, - должна интересовать всех разумно живущих: "Происхождение жизни с научной и религиозной точки зрения".

Вначале смущаясь и запинаясь, он стал излагать историю вопроса, представление древних о простом самозарождении жизни. Далее он подробно остановился на великих работах Луи Пастера, который многими опытами и исследованиями доказал, что в настоящее время самозарождение жизни на земле невозможно. Раскрасневшись и даже жестикулируя, он рассказал, какую борьбу пришлось выдержать Луи Пастеру со своими противниками. Потом он стал перечислять различные теории возникновения жизни на земле, начиная от заноса ее с других планет и кончая теориями, которые утверждали, что в прошлом из первичных углеводистых образований возникли молекулы, предшествующие живому белку, а потом они так организовались, что появилась живая материя. Изложив все и продемонстрировав ряд схем, Лева открыл только что вышедшую книгу Заварзина "Живая материя", в которой ученый, анализируя и критикуя современные теории происхождения жизни, утверждал, что они фантастичны, не имеют научного обоснования и наука еще не знает, как произошла жизнь на земле.

- Вот это последнее слово людей науки, - сказал Лева. - С религиозной же точкой зрения я никакой специальной литературы не нашел. Библия утверждает, что Бог сотворил все живущее. Так ли это или нет? - задал вопрос Лева. - Подумаем, если вся биосфера - все живое, в которое входит и человечество, возникло тем или иным путем вследствие тех или иных условий и реакций так, как например, появляется ржавчина, то она возникла не для чего и не имеет смысла и цели. Если мы предположим, что жизнь на земле, и в том числе человек, появились благодаря Разумной Причине и ее появление на земле имеет определенные смысл и цель, то мы, люди, имеем право искать смысл жизни. От кого же еще жизнь имеет ценность, если не от Бога, Который творит жизнь для определенного назначения то, мы, люди, появившиеся на нашей планете, не имеем никакого назначения и цели в своем бытии и исчезнем, когда изменятся условия, так же бессмысленно, как и появились.

Лева кончил. Встала преподавательница естествознания и сказала, что дело не в цели и смысле и что она не ищет в естествознании цели и смысла жизни. Лева на это ответил, что это очень плохо, что жить так нехорошо и пусто. Никто не стал ему возражать, не было порицаний, не было и аплодисментов. Все разошлись в каком-то тягостном недоумении.

А на следующий день Лева срочно вызвали с урока к заведующему учебной частью. Он всегда относился к Лева очень хорошо. Но тут этот человек казался неузнаваемым. Он нервно ходил по кабинету, бросая на

Леву раздраженные, злобные взгляды.

- Так вы против Дарвина, против Дарвина? - почти кричал он. Нет, нет. Я не против Дарвина, - отвечал Лева, - ведь он

объяснял развитие жизни, но не ее возникновение. Он сам верил в Бога и говорил, что Творец создал простейший организм.

Не говорите мне чепухи. Дарвин, конечно, не мог верить в Бога, - утверждал завуч. - А вот то, что вы сказали в докладе о цели и причинности, - это явный антидарвинизм. Вы - враг Дарвина.

Я никогда не думал быть его врагом, - сказал взволнованно Лева. - Я даже полагал, что Дарвин несколько приоткрывает то, каким образом Бог творил живое.

Завуч сел за стол, задумался, потом сказал:

- Отказывайтесь от Бога. Он совсем ни к чему. Иначе будет вам плохо.

Лева молчал. Завуч смотрел на него сердито и продолжал:

- Вы нарушаете школьную дисциплину: не посещаете уроки по военному делу. Вот вам срок - три дня. Оставьте ваши убеждения, одумайтесь, изучайте военное дело и оставьте все, что мешает вам идти в ногу со всеми. Идите.

На перемене учащиеся окружили Леву и спрашивали, как и что говорил завуч. Лева чистосердечно все рассказал. Класс был дружный, учащиеся любили и уважали друг друга, и переживали за Леву

- Да ты скажи, что не веришь, а верь в душе, - советовали одни.

- Ваша секта признает военную службу, так ходи же на уроки по военному делу, не губи себя, - говорили другие.

Когда Лева пришел домой, мать сразу поняла, что что-то случилось в школе. Лева все рассказал ей. Она забеспокоилась, расстроилась и стала умолять Леву посещать эти уроки, чтобы закончить школу:

- Ведь в этих уроках ничего нет плохого, только ознакомление; ты же никого не убиваешь, - говорила она.

Весь вечер размышлял Лева. Сердце болело, молился, читал Евангелие, читал знаменитую "Нагорную проповедь" Христа. Наконец, написал заявление военкому, в котором спрашивал:

"Прошу разъяснить мне, что означают уроки по военному делу: это просто ознакомление с оборонным делом или обучение, для того, чтобы уметь применять оружие? Если это обучение, то это значит, что я буду учиться, как на зло отвечать злом, и тогда, если мне по вашему уроку вы поставите хорошо - это будет значить, что я научился хорошо на зло отвечать злом. Это будет для меня, как христианина, стремящегося к любви, позором".

Военком прочитал заявление Левы и, улыбаясь, добродушно сказал, что военное дело, конечно, не игра, что на этих уроках учат, как с оружием в руках защищаться от врагов.

Из школы в тот же день Лева поехал в Краевой суд, который был в том здании, где В. И. Ленин в свое время выступал как адвокат. Там он решил обратиться к прокурору, с просьбой, чтобы его на основании закона освободили из-за его религиозных убеждений от уроков по военному делу.

Прокурор и находившиеся в его кабинете юристы, выслушав просьбу Левы, стали дружно смеяться над ним.

- Да ты что, еще несовершеннолетний, еще на губах молоко не обсохло, а уже убеждения какие-то имеешь. Вот чудак!

Посмеялись, а потом прокурор сказал, что ему нужно выбросить всякую дурь из головы. На все это Лева отвечал, что это не дурь и он твердо уверен в том, во что он верит. Прощаясь с ним, один из юристов сказал, что жизнь его исправит. Когда он увидит всю жизнь во всей полноте и красоте, то оставит Бога и всякие религиозные предрассудки.

Вечером на собрании те близкие, с которыми он поделился своими переживаниями, советовали ему посещать уроки по военному делу и быть потише. Придя домой, Лева сел под развесистым вязом и думал, думал... Было страшно тяжело. Казалось, что особенного в том, чтобы пойти завтра в школу и сказать, что он будет посещать уроки по военному делу, будет все изучать, но он не мог сделать этого. Было что-то внутри, что говорило: "Удерживайся от всякого рода зла". А всякую войну и подготовку к ней Лева искренне понимал только, как зло, причиняющее страдание и смерть.

- Боже мой, Боже, помоги мне, - молился он, из глаз капали слезы.

Войдя в дом, он записал в своей тетрадке: "Последние дни мая судьба в моих руках. Вот уже девятый год учусь, а теперь предложили выбирать в трехдневный срок, отказаться мне от своих убеждений или нет. Что чувствуешь ты, одинокий, среди людей? Они, твои близкие, не могут быть твоей опорой. В мучительном,

тяжелом раздумье идут минуты. Будущее в Его руках. Он не сомневается. Но даже те, которые выдержали ссылки за это, говорят "иди", товарищи советуют "иди". Тяжело. Ведь все образование рухнет, кажется. Ведь неразумно, ради убеждения терять все. Господи! Лишь Ты Один со мной. К людям не пойду, они не поймут. Еще несколько часов, минут - и оборвется школьная жизнь, начнется другая. И все сочтут это за глупость, за ошибку, но я не могу, не могу взять в руки то, что служит для убийства..."

На следующий день он поехал в краевой отдел народного образования. Войдя в кабинет заведующего, он рассказал ему все. Это был худощавый, высокий старик. Слушая Леву, он взъерошил свои седые волосы и напустился на него:

- Вот я выставил сейчас из кабинета девицу-ученицу, у нее на руках были кольца. Что это за мешанство? Я с ней и разговаривать не стал, но ты одурманен, я с тобой поговорю, я тебе докажу, что ты ошибаешься. Вот волк - это хищный зверь. Он все стадо овец растерзает, если не применить оружия. Верно?

- Верно, - соглашался Лева.

- Так вот, капиталисты - это хищные двери; империализм - это страшный волк с ужасными клыками, и его надо уничтожить, иначе он уничтожит тебя, сгноит всех трудящихся.

Лева стал доказывать, что Христос всемогущ. Он может из негодного человека сделать хорошего. Привел пример с Закхеем, который, изменился, когда Христос вошел в его дом, стал раздавать имение, делать людям добро.

- Ерунда! - Воскликнул старик. - У волка волчья натура и его в ягненка не превратишь, его надо убивать; для этого нужно оружие, нужно изучать военное дело.

Он остановился, подумал, потом сказал:

- Ты химию знаешь?

- Как же, это мой любимый предмет, - ответил Лева, и глаза его засияли. Он думал, что сейчас заведующий скажет что-нибудь хорошее.

- Так вот я тебе говорю: приготовь мне сто баллонов хлора. Сумеешь?

- Да, сумею, знаю, какие реакции, как хлор добывается.

- Ну вот, а я возьму этот хлор и выпущу его на врага. И ты окажешься убийцей многих и многих людей. Пойми, живя в обществе, будь ты химиком или кем угодно, ты участвуешь в общей борьбе и, так или иначе, участвуешь в убийстве. Тебе, может быть, это сразу не понять, надо оставить религиозную дурь. Вот я дам тебе почитать на две недели книгу Н.Бухарина "Теория исторического материализма", прочтешь, глаза откроются, потом приходи ко мне. Иди, читай, в школе пока тебя не тронут.

Каждую свободную минуту, каждый вечер просиживал Лева над книгой Бухарина, книга была мудреная. Бухарин был большим философом. Некоторые слова Лева были непонятны, но он добросовестно старался вникнуть в размышления автора.

Через две недели Лева опять был у заведующего. Все стены его кабинета были увешаны антирелигиозными лозунгами типа "Берегите детей от религиозного дурмана!"

- Ну, как, убедился теперь, понял? - сразу спросил старик, испытующе посмотрев на Леву.

- Кое-что понял, - отвечал Лева, - кое с чем согласен.

- А Бог есть? - спросил заведующий.

- Да, есть, несомненно, - отвечал Лева.

- Так значит ты ничего не понял, абсолютно ничего не понял! - Возмутился старик. - Мне с тобой больше не о чем разговаривать. Убирайся! Ко мне больше не являйся!

Грустный ушел Лева от этого высокопоставленного человека.

Он продолжал учиться дальше. В школе был создан антирелигиозный кружок, руководителем которого был назначен лектор из союза воинствующих безбожников. Это был еще молодой и энергичный брюнет, который сразу встретился слевой и сказал, что ему необходимо для его же пользы аккуратно посещать кружок. Лева поблагодарил и не отказался. На занятиях этого кружка лектор разъяснял, что понятие целесообразности условно, что в природе никакой целесообразности нет и никаких данных за разумность устройства природы тоже нет. Лева, не стесняясь, громко доказывал обратное. Когда коснулись вопросов, связанных с Библией, то обнаружилось, что руководитель кружка очень слабо знал Библию и даже не читал ее. Лева пригласил его на молитвенное собрание и пообещал ему помочь приобрести Библию. Лектор стал посещать собрания и купил себе Библию. Отношения у них были самые хорошие.

В будущем Лева больше не пришлось близко общаться с этим человеком. В 1934 году он ветре тал его очень несчастным: после неудачной операции по поводу внематочной беременности из-за халатности врачей умерла его жена. Лева глубоко в душе соболезнавал ему.

Собрания в молитвенном доме проходили по-прежнему. По субботам участвовала молодежь и руководили собранием молодые братья. Нужно отметить, что в это время принимали участие в духовной работе и сосланные из Саратова в январе 1929 года Миша Ильин со своей молодой женой Зиной. Миша, бывший регент Саратовского хора, токарь по специальности, очень любил музыку и книги. Среди его книг было много литературы по естествознанию, геологии, астрономии, его проповеди привлекали молодежь. Зина, его жена, была учительницей начальной школы и также принимала участие в общении молодежи. Высланная из Саратова сестра - учительница Угрюмова тоже в беседах радовала верующих своим упованием на Бога. Тогда Самару часто посещала Скакунова Полина Яковлевна, которая своими проповедями и стихотворениями (раньше она была атеисткой) делала много назиданий верующим. Посещение собраний, общение друг с другом ободряло верующих, они поддерживало и Леву в его переживаниях.

Дни шли. Было заседание школьного совета, на котором обсуждался вопрос о недисциплинированных учащихся. Некоторые хулиганили, ходили с финскими ножами, их решили перевоспитывать, а Леву, как самого недисциплинированного, решили исключить из школы. Классный руководитель официально известил об этом Леву, но сказал, что уроки он может посещать. Это было мучительно: учиться, посещать школу и знать, что ты исключен. Голованчик, друг Левы, и другие школьники всячески старались поддержать его. Они говорили, - что если ему больше не разрешать посещать уроки, то они будут приходить к нему на дом, передавать школьные задания, рассказывать, чтобы он не отстал от занятий и получил среднее образование.

Но вот настал день, когда его вызвал к себе заведующий учебной частью школы, пригласил сесть и передал ему выписку из решения школьного совета об его исключении.

- Больше школу не посещайте, - сказал он. - Вы не нужны нашему обществу. Никогда образования вы не получите, потому что вы враг науки и никогда не будете полезным человеком.

Лева ему ничего не ответил. Попрощался со всеми и ушел, чтобы больше никогда не возвращаться в эту школу. Но судьба распорядилась иначе. Много лет спустя в той же самой школе, стало плохо с сердцем у заведующей учебной частью, еще нестарой женщины. Около нее ходили взволнованные педагоги. Вызвали скорую помощь. Над больной склонился седовласый пожилой врач. Он осмотрел больную, расспросил о случившемся, сделал инъекции, назначил лечение. Больной стало легче. Она заговорила. А врач с грустью оглянулся вокруг себя. Он вспомнил эту школу, этот кабинет, свои юные стремления и мечты, бури и пережитую здесь жизненную катастрофу. А на сердце у него только любовь, любовь к людям. Это был Лева.

Тяжело, очень тяжело было ему тогда. Куда идти, работать или учиться? В доме нужда. Мать отдаст все силы, чтобы кормить семью. Нужно иметь хотя бы какую-нибудь специальность, чтобы работать. Открылись инструкторские курсы садоводства, пчеловодства, огородничества. Туда и поступил Лева. Это все его очень интересовало. Но он не забыл своих школьных товарищей и послал им письмо, в котором писал, что хотя он выброшен за борт школы и плывет по житейскому морю, он не тонет. Маяк его - Христос. Лева желал всем увидеть этот маяк и плыть по жизни в Его свете. Кроме того, в этот же конверт он вложил разные тексты из Библии, адресованные каждому из товарищей по классу.

Как рассказывали ему после, когда в классе получили это письмо и прочитали, некоторые расплакались, жалея его, но потом решили собрать эти тексты и вместе с письмом отнести директору школы, чтобы не было неприятностей у класса при окончании учебы. Директор собрал класс и прочел антирелигиозную лекцию, объяснив всем, что Лева несчастный, покалеченный человек, который сам себе отрезал все пути для исправления и образования.

Не прошло и недели, как мать Левы вызвали в ОГПУ. Все недоумевали и беспокоились, зачем вызвали ее. Вернулась она оттуда встревоженная и беседовала с Левой наедине.

- Ты что же мне ничего не сказал, что письма посылал в школу?

- Я думал этим прославить Господа и не хотел вмешивать тебя, - отвечал Лева.

- Ах, если бы ты знал, как они это поняли?! Они говорят, что ты ведешь себя безобразно и, что если так будет продолжаться, то тебя направят в детскую исправительную колонию. Я знаю твою искренность, я день и ночь молюсь, чтобы Господь сохранил тебя. Мы с папой, как только ты родился, отдали тебя Господу, но будь мудр, не лезь на рожон, нельзя так.

Мать и сын преклонили колени и горячо молились Тому, в руке Которого жизнь каждого Его дитя. Встали с колен успокоенными, в полном уповании на Отца Небесного.

В Самару приехал А.В. Луначарский. Он выступил с лекцией. Лева думал пробраться к нему и рассказать наркому просвещения о своем положении, но это ему не удалось.

На курсах садоводства пчеловодства, огородничества занимался также Шура Бондаренко, исключенный из техникума. Друзьям приятно было встречаться вместе на занятиях. И на лекциях, и на практике в садах

они могли не только заниматься, но и обмениваться переживаниями, беседовать.

Как-то, возвращаясь с занятий, Лева встретил преподавательницу русского языка своей школы. Он думал, что она с презрением отвернется от него, как от отверженного, исключенного, но учительница приветливо улыбнулась ему, поздоровалась.

- Как поживаешь, Смирнский? Где устроился?

- Занимаюсь на курсах садоводства, пчеловодства, огородничества, - отвечал Лева.

- А, как это удачно! - воскликнула учительница. - Это как раз для тебя подходящее дело.

- Да, пожалуй, самое подходящее, - сказал Лева. - Мои деды и прадеды занимались садоводством. Это хорошее, доброе дело.

- Да, Толстой тоже очень любил поле, сад, природу, труд, а вы, я помню, произведения Толстого знали хорошо.

- Я не толстовец, конечно, - сказал Лева, - но во многом этот великий художник слова и мыслитель близок моему сердцу.

- А в чем у вас с ним главные расхождения?

- В том, что он не признавал Христа как Спасителя, Сына Божия, - ответил Лева.

Глава 19. Гроза

*"Многими скорбями надлежит нам
войти в Царствие Божие".*

Деян. 14:22

Из далекой ссылки, из холодных суровых Соловков, куда был направлен вместе с другими председатель Волго-Камского союза баптистов брат К.Ф.Кливер, родные получали весточки, в которых изгнанники делились своими радостями и горестями, а главное упованием на Бога, Который хранил их в испытаниях.

Церковь Божия в Самаре прилежно молилась о них. И не только молилась, помогала родным собирать посылки, чтобы порадовать, поддержать силы гонимых. Никто не допускал и мысли, что они в чем-нибудь виновны перед кем-либо. Все верующие понимали, что это сбываются слова Христа: "Меня гнали, и вас будут гнать", "Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие".

Собрания проходили по-прежнему. Братья Ефим Сидорович Янченко и Яков Варфоломеевич Уклеин усиленно руководили собраниями. По субботам в собрании участвовала в Слове и пении только молодежь и руководила собранием тоже она. Доносились вести, что везде, по всей России, то там, то тут гремят грозы притеснений - отбирались молитвенные дома, арестовывались руководители общин, ревностные труженики Евангелия. В Самаре было какое-то затишье, но в воздухе чувствовалось приближение испытаний, приближение грозы. Многие верующие, в том числе и Лева, чувствовали, что грядет самое страшное, - громовой удар, - закрытие молитвенного дома и ликвидация общины. Лева в своих записках отмечал: "Сие нужно устроить, в особенности когда не будет молитвенного дома, объединиться в группы по два-три человека и, вооружившись различными духовными брошюрами, отдельными Евангелиями с выделенными местами призывного характера, ходить вечерами по городу. Ведь ни молитвенных собраний, ни спевков не будет. При благоприятных случаях, например, около пивной, беседовать с отдельными лицами и указывать им на Христа, как на Спасителя.

В свободное время по воскресеньям особое внимание уделять чтению Слова Божия. Группы могут раз в неделю тихо собираться в различных местах для обмена опытом работы о состоянии духовной жизни. И тогда, несмотря на отсутствие молитвенного дома, вся община, разделившись на мелкие семьи-группы, будет продолжать укрепляться духовно и спасать грешников".

Недели проходили за неделями, все было, казалось, тихо и спокойно. Но странно, вместо того, чтобы усилить молитвы, бодрствуя, на многих стал нападать какой-то сон, появлялся страх, равнодушие, боязнь пострадать за Христа.

- Ты как думаешь, Шура, - спросил как-то Лева своего товарища по учебе, - готовы ли мы страдать за Христа?

Шура задумался и сказал:

- Когда-то мы с таким огнем пели: "Ты готов ли на бой за Христа?.." и вторили: "За Него я, на битву готов, вижу я, как нужда велика, вижу гибнущий жалкий народ, от греха избавленья он ждет". Но сейчас это все погасло. И сказать откровенно, мне совершенно не хочется страдать, калечить свою юность. Нам нужно с

тобой окончить курсы, получить специальность, уметь зарабатывать кусок хлеба.

- Да, - сказал Лева, - конечно, лучше, может быть, было бы без скорбей, лучше, если была бы полная свобода и мы устраивали бы концерты, сыгровки и жили припеваючи. Но Господь для своего народа избрал другой путь, путь страданий, лишений, поношения, и мы не должны его чуждаться, это крест Христов.

- Боюсь, я не смогу нести этот крест, - сказал, качая головой и взъерошивая свой огромный черный чуб, Шура.

Молодые сестры Клавдия Кабанова, Люба Туркова, Клавдия Шадчнева и другие, когда думали о возможности страдать за Христа, тоже готовы были молиться: "Да минует чаша сия".

Можно ли было обвинять молодежь за такие настроения? Конечно, нет. И в проповедях, и в беседах старшие мало готовили их к подвигу, к жертве. И тогда молодежь часто громко пела: Не смущайся железной решетки и тяжелых засовов дверей. Христиане считали находкой пострадать за Христа от людей.

А сонливость нарастала. Всюду старики и старушки говорили:

- Тише, осторожней, не лезьте на рожон; нужно спасти молодежь, сохранить ее от страданий.

Покаяния грешников не было. По субботам Петя Львов проповедовал, громко пел, но плодов не было. Лева писал отцу в ссылку:

"Здравствуй дорогой папа! Мы духовно и физически здоровы. Слава Богу! Он хранит нас от зла. Дни идут и исчезают в вечности, и проходят так бесплодно. По-старому, как и всегда, продолжаются собрания, а плодов покаяния нет. Недавно я думал: когда были гонения на первых христиан, они поднимались духовно, сильнее разгорались, гонение, как ветер, раздувающий костер, еще больше усиливало их любовь, количество христиан увеличивалось; теперь же у нас ничего подобного нет. Страх, равнодушие, казалось, мы и зовем грешников, но в ответ - гробовое молчание. Что это показывает? Нет у нас силы, как будто что-то зачатое мешает проявлению силы Божией. Ведь мы чувствуем, что мы ни холодны, ни горячи. Нивы налились, жатва готова. Как будто бы и трудимся, но не видно ни одного снопа. Словно серпами по воздуху мы машем, и не задеваем ни одного колоса. Видимо, нужно нечто, что могло бы разбудить нас и зажечь огнем любви к Богу и ближним. Но, что это нечто и когда оно придет?.."

После собрания Яков Варфоломеевич подозвал к себе Леву и, смотря на него как-то встревожено, тихо сказал:

- Беда, надвигается беда.

Екнуло от этих слов сердце у Левы. Старик, поглаживая свои усы и седую бороду, продолжал:

Мне прислали повестку, через неделю будет суд над нами. По суду будут отбирать у нас молитвенный дом.

Не имеют права, - сказал Лева. - Ведь этот дом построен на трудовые деньги еще до революции, и он так дорог нам. Вот у православных, там собирают подписи, что население желает, чтобы закрыли церковь, и там закрывают. А ведь у нас ни один член общины не подпишется, что молитвенный дом не нужен.

- Это так, - сказал Яков Варфоломеевич, - но к нам они хотят подобрать другие ключи. Я уже ходил узнавать, говорят, что наш молитвенный дом не церковное здание, а обыкновенное, жилое, которое представляет из себя обычный дом. А так как в городе недостаток жилплощади, то решили его отобрать под жильё.

- Что же будем делать? - спросил, вздохнув, Лева.

Будем молиться, - ответил Яков Варфоломеевич. - Я вот общине-то не сообщил это сразу, боюсь, будет паника, а говорю отдельным братьям и сестрам, так что передай это твоей маме. Завтра я пойду к опытному адвокату, найдем его, пусть выступает за нас на суде. Когда вы пойдете? - спросил Лева.

- Завтра к шести часам, когда он придет с работы.

- Я пойду с вами.

- Ну, что же, приходи, пойдем вместе.

На следующий день они оба были у адвоката. Это был грузный большой старик. Вся его комната была переполнена книгами. На полках виднелись тома законов Российской империи. Он принял Якова Варфоломеевича очень приветливо. И когда тот изложил суть своего дела и просьбу, чтобы адвокат выступил на суде, юрист сразу же согласился.

- Это совершенно несправедливо - отнимать у вас молитвенный дом. Мне еще в старое время приходилось выступать на процессах в защиту сектантов. И мы добивались справедливости. Сектантов освобождали, молитвенные дома оставляли. А тем более теперь, когда свобода совести и свобода антирелигиозной пропаганды... Я уверен в том, что никакой несправедливости быть не может.

Он успокоил Якова Варфоломеевича и Леву, обещал подробно ознакомиться с делом и выступить на

суде.

Лето приближалось к концу, стояли жаркие ясные дни. Зрели в садах яблоки, поспевали на полях хлеба. Солнце светило ярко с безоблачного неба одинаково для всех. А над верующей общиной евангельских христиан в Самаре нависли черные свинцовые тучи. Настал день суда. Тот, кто не молился, тот, кто не посещал церковь, молитвенный дом и не испытал глубоких духовных переживаний в общении с верующими, тот не знает и никогда не поймет, что значит для верующего человека лишиться Дома Божия. Еще Давид в древности писал: "Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Божий"...

Лишиться радости богослужения, славословия Богу, совместных молитв - большое лишение для верующего человека.

Лева был на этом суде. Рассматривалось дело также и о молоканском молитвенном доме. Судья, судебные заседатели - все, казалось, также добродушные люди. Все происходило чинно, по закону, по порядку. Выступил адвокат. Леве не забыть его речи. Он нарисовал красочные картины страданий и гонений сектантов в царской России, доказал, что сектанты, в том числе и баптисты, и молокане, были лишены возможности возводить какие-либо здания в особом церковном стиле. Они не могли уделять архитектуре особого внимания и строили свои молитвенные дома по обычному жилому типу, стараясь всячески приспособить их для богослужения. Он доказал, что эти дома в Самаре возведены верующими для богослужебных целей и никак не могут рассматриваться, как жилой фонд. Он ясно, на основании законов доказал, что эти дома, отошедшие в собственность государства, по закону предоставляются государством обществу верующих для их богослужения.

Суд удалился на совещание. Народ, переполнявший зал суда, с трепетом, молясь в душе, ожидал решения. Неужели советский суд, вопреки здравому смыслу, конституции, допустит беззаконие, неужели у верующих отберут их молитвенные дома?

Суд вышел и объявил, что он не пришел ни к какому решению. А сейчас члены суда выезжают на место осматривать все молитвенные дома.

К зданию суда были поданы легковые автомашины (в то время это было редкостью), и суд в полном составе выехал на Крестьянскую улицу, дом № 173, чтобы осмотреть молитвенный дом баптистов, и на Садовую улицу, чтобы осмотреть дом молокан.

Верующие разошлись. Было сказано, что о решении суда будет объявлено особо. Некоторые надеялись: Бог не без милости. Если даже суд постановит отобрать, то высшие инстанции отменят несправедливое решение. Но многие думали иначе. Они видели, что воинствующие безбожники, сознавая, что никакие их диспуты и лекции не помогают, что их идеологическая борьба не приносит никаких плодов (Иудушка нашелся только один - Зуйков), примут другие меры, чтобы разгромить верующих. Арестами ревностных братьев и сестер они обезглавили общины; отбирая молитвенных дома, они прекращали там богослужения. Потоками лжи и клеветы действовали через печать на народ, чтобы он кричал: "Распни Его, распни".

Лева тоже не надеялся на хороший исход. И он с Клавдией Кабановой, не дожидаясь результата, решил вывезти из молитвенного дома библиотеку. Все эти книги, журналы в основном не уцелели. Последовали обыски за обысками; их отбирали вместе с другой литературой у верующих. Были годы, когда каждый листочек, где говорилось о Христе, Евангелии, Библии, "Гусли", сборники духовных песнопений отбирались, как страшная зараза, и уничтожались. Один Бог знает, сколько скорбей пережили верующие!

Руководящие братья отнеслись к этому беспечно. Ничего не вывезли. Это было последнее субботнее собрание. Последний раз молодежь громко пела, и юные сердца с кафедры возвещали Христа. А наутро все было кончено. На двери висел замок. Верующие приходили и уходили с грустной вестью, что молитвенный дом отобрали для жилья.

Все книги, песнопения хоров, все материалы Волго-Камского союза были куда-то вывезены и, видимо, уничтожены. Самое печальное и страшное было то, что рукописи по исследованию Слова Божия - труд всеми любимого пресвитера Всеволода Ивановича Петрова был также изъят из несгораемого шкафа, где его хранили братья. Лева видел, как груды этих рукописей лежали на столе, когда их забирали. Несколько лет писал их Всеволод Иванович. Там были его проповеди и записи, и разборы книг Библии. Петр Иванович Чекмарев все собирался это издать, но, увы! Так и не издал до революции и после революции тоже, а в эту страшную пору они погибли.

И когда все это произошло, когда многие братья и сестры оглянулись и посмотрели, как они творили дело Божие, в каком положении находилось наше братство, они поняли, что это было допущено Богом.

В те годы свободы проповеди Евангелия, съездов не хватало благовестников, потому что не было средств содержать их, не издавалось достаточно литературы по той же причине. Когда назначались съезды,

многие братья не находили времени для них, так как были заняты своими посевами, мельницами, ведением хозяйства. В свое время погребло большое хозяйство Мазаева. (Сколько бы он мог на эти миллионы сделать для дела Божия!). Но вот наступили годы нэпа и некоторые братья опять занялись хозяйством; не было времени служить Господу, на дело Его бросали крохи денег, средств.

Господь видел, Господь знал. В духовном отношении, как писал потом П. И. Чекмарев, Он усмотрел, что было заложено много гнилых бревен в Его постройку.

1929 год - год великого перелома в стране, и многие братья завопили, когда остались ни с чем. О, если бы наши средства, наши мешки пшеницы да на дело Божие! Но, увы! Все пропало. И сами они переживали величайшие скорби, чтобы быть очищенными и переплавленными в это грозу. Это уроки истории. К сожалению, эти уроки истории, коим скорбями надлежит войти в Царствие Божие, некоторые забывают и теперь. Забывают, что христианину, имеющему пропитание и одежду, надлежит довольствоваться этим. Стремятся приобретать одно и другое, ради чего оставляют собрания, не отдают себя жертвенно на великое дело евангелизации.

Закрывание общины, последующие обыски, аресты тяжело отразились на состоянии верующих. Многие замкнулись в своих семьях, перестали общаться друг с другом.

Глава 20. Путь в бурю

*"Если я пойду и долиною смертной тени,
не убоюсь зла, потому что Ты со мною:
Твой жезл и Твой посох - они
успокаивают меня".*

Пс. 22:4

Обычно летом и осенью верующая молодежь Самары любила бывать на природе. В воскресенье, между утренним и вечерним собраниями, бежали на Волгу и на "Пчелке", пароходе, который перевозил пассажиров через реку, переезжали на зеленый, песчаный берег, где можно было свободно отдыхать.

Несколько лет тому назад не только молодежь, но и вся община с пресвитером и проповедниками, старушками и старичками, ездили на Волгу и проводили день на природе, славя Господа и принимая пищу в простоте и веселии сердца. Верующие выезжали целыми семьями, с детьми, большими и маленькими, и все находили удовольствие, отдыхая у воды. Для самых маленьких детей организовывались игры: на веревочке вешали конфеты, потом завязывали глаза и предлагали малышу найти конфету. Его успех радовал всех окружающих. Более взрослые дети устраивали бега в мешках наперегонки. Некоторые падали, наиболее ловкие достигали цели. Взрослая молодежь устраивала игры в мяч или в горелки. Сестры устраивали на траве импровизированные столы, раскладывали на них угощения. Хористы пели, пожилые братья беседовали. Все это делалось с молитвой, чинно. Прежде чем принимать пищу, устраивали маленькое собрание, читали Слово Божие. Когда возвращались из-за Волги на пароходе открыто, громко пели:

ПоetryПо равнине океана
Мы домой, друзья, плывем;
Там за облаком тумана
Нам откроют вечный дом.

Скоро стихнет буря в море,
И мы якорь бросим вскоре...
По равнине океана
Мы домой, друзья, плывем;
Там за облаком тумана
Нам откроют вечный дом...

Любила молодежь вечерами в хорошую погоду кататься на лодках по реке Самарке. Отправлялись во главе с регентом Петром Ивановичем Кузнецовым и, сняв несколько лодок, тихо плавали при лунном сиянии по реке, пели гимны и, то приближаясь к берегу, то отдаляясь, наслаждались чудной природой. На душе у всех было спокойно и радостно. Грех, грязь мира были чужды юным сердцам. Когда разразилась гроза, когда закрыли молитвенный дом, молодежь уже не думала об этих прогулках. Да, верно написал Соломон: "Всему свое время".

Пришло время тяжелых испытаний. А буря крепчала, и не было, кажется, видно никакого проблеска впереди. Атеисты прямо ставили вопрос, что с религией нужно покончить, что верующим нет места в обществе, что жить по Христу несовременно.

Казалось, пришло то время, о чем писал Лева раньше, когда нужно собираться группами по два-три человека и мудро трудиться для Христа, но этого не произошло. Молодежь по-прежнему жаждала общения друг с другом, и туда, где собирались двое или трое, приходили все остальные. В итоге было человек двадцать-тридцать.

Дух горел, слова "осторожно", "тише", казались Лева и его близким друзьям чуть ли не предательством. Они решили теперь, поскольку нет собраний, все время использовать на посещение семей верующих, больных и престарелых. Группой, человек по тридцать, они ходили по городу.

Как бы кто испуган ни был, но все радовались этим посещениям. Молодые братья и сестры входили в дом, громко пели, читали Евангелие. Лева был один из тех, кто преуспевал в этом деле, отдавая этому все свободное время. Правда, певец он был очень плохой, но зато мог почитать Евангелие, побеседовать. У некоторых верующих, особенно тех, кто жил на окраинах города, были во дворах сады, и пришедшая молодежь, располагалась там, открыто пели, проповедовали. Такое общение молодежи друг с другом, а также посещение верующих дало еще больший подъем духа, и не чувствовалось остро отсутствие молитвенного дома. Но это только для молодежи. Пожилые братья и сестры, которые десятилетиями посещали собрания в молитвенном доме, имели там большие благословения, особенно тосковали и скорбели о его закрытии. Конечно, их духовная жизнь продолжалась. В своих домах они читали Слово Божие среди детей, родственников и проходящих, совершали молитвы и моления, но все-таки это было совсем не то, что общение в Господнем доме. Всем стало ясно, что Церковь Божия, создаваясь в домашних церквях, нуждается в полном единении, так как мы одно тело во Христе. Но продолжались обыски, допросы, и верующим дали понять, что искать помещение для молитвенного дома или оформлять вновь разогнанную общину, нет никаких надежд. Казалось, Церковь Христа - Тело Его было поругано, умерщвлено и навек положено в могилу небытия. И не приходится скрывать, что у некоторых верующих было такое состояние, как у учеников после похорон распятого Христа, - все кончено, привален тяжелый камень, стоит стража, все...

Как и у них, в то время появлялось желание разбежаться, прекратить все, верить только в душе, лишь бы не страдать. Церковь Божия вступила в долину тени смертной.

Из ссылок и из Соловков приходили добрые письма, но чувствовалось, что братьям очень нелегко. Тяжело страдала Валя Алексеева в ужасном климате Уила, здоровье ее резко ухудшилось. Миша Краснов, Петя Фомин писали из Соловков, что работают на лесоповале, целый день в воде под дождем, ноги не просыхают, тело покрылось фурункулами. Как-то вечером сидел Лева за столом, задумавшись. На сердце было грустно, но в то же время огонь жертвы горел в его душе. Он невольно вспоминал прошлые дни работы молодежи, когда было столько возможностей. Он вспоминал те большие вокально-музыкальные собрания, концерты, которые забирали много сил, времени. Правильно ли все это было? Ведь несмотря на то, что было много посетителей, покаяний-то не было, спасенных душ не было. И духовный уровень молодежи был невысок. Что-то нужно было иное. Он достал старые журналы и, просматривая их, нашел статью в пятом номере "Братского листка" за 1907 год, которая заставила его еще глубже задуматься. В ней он прочел: "Из многих мест России поступают известия о том, что хоры при многих общинах верующих устраивают публичные концерты с одобрения общин. Этими концертами увлекаются и опытные члены общин."

По поводу этих концертов возникает много вопросов. Прежде всего, какая цель этих концертов? Цель всего того, что делают христиане должна быть одна - прославить Господа! Как можно концертом прославить Господа? Конечно, только через обращение душ. Можно привести факты, указывающие на то, что во время собрания, после горячей проповеди и вдохновенной молитвы, пение производит сильное впечатление на сердца и окончательно расплавляет их, содействуя их обращению. Поэтому мы не только не отвергаем стройного пения, как элемента духовных собраний, но готовы всячески содействовать развитию и усовершенствованию хоров при собраниях".

Далее Лева читал, что когда увлекаются концертами, нет горячих молитв, и сами концерты не дают плодов покаяния. Автор писал: "Значение концертов-хоров сомнительного характера. Между тем на эти концерты и прочее тратится так много энергии и времени. Мы вообще ничего не имели бы против такой траты времени, если бы наша страна в настоящее время представляла ликующий Сион, если бы кругом не было бы пучины греха и несчастья. Тогда бы мы одобрили бы такие концерты как элемент разнообразия. Но когда мы знаем, что в городе Баку тюрьмы переполнены арестантами, к которым никто не придет и не скажет им слово о Спасителе Христе, когда мы знаем, что в том же городе в больницах стонут больные, гостиницы и

дома оглашаются звуками разврата - когда мы знаем, что туда никто не придет, чтобы занести словечко об Иисусе, никто не приносит светлой вести, а те, которые могли бы сделать это, проводят время в приятных упражнениях голосовых связок, то нам до глубины души становится жаль потерянного времени.

Нам невольно представляется картина, вообразите: Господь придет сейчас, во время нашего концерта, не скажет ли Он вам: "Я был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня" (Мтф. 25:43); а проводили это время на концертах... Как вы будете себя чувствовать? Если в общинах есть молодые силы, свободные и незанятые, то, конечно, они могут заниматься хоровым пением, но увлекаться этим до концертов в наше время не должно. Дорогие братья! Если у вас есть время, составляйте специальные кружки и дружины для посещения тюрем, больниц, бедных семейств, где бы вы могли сеять Слово Божие. Поверьте, одна протянутая рука сочувствия и помощи, одна молитва на коленях среди ужасов греха и страдания принесет для Господа больше плода, чем тысяча концертов. Она создает чудный концерт ангелов Божиих, радующихся о грешниках кающихся. И вы будете участниками этих Божиих концертов".

Лева не отвергал ни стройного пения, ни оркестров, ни тех или иных духовных постановок, но ему становилось все более ясно, что соль не в этом, что нужно было в те годы направить силы и время на духовную работу среди не знающих Господа. Ему невольно вспомнился гимн, который любил петь В. П. Степанов:

Поэту Где же, о, где вы, носители света?
Дети чертога и вечного дня.

Мы вас зовем и не слышим ответа,
Иль вы уснули, молчанье храня?

Нас покрывают лохмотья порока,
Нищи, убоги, мы помощи ждем.

Дней остается теперь уж немного.
Близится, близится страшный конец.

Взор наш тускнеет, и мучит тревога.
Где вы, о, где вы, спешите скорей!

В то же время Лева сознавал, как мало они сами работали над Словом Божиим. Много слышали проповедей, но теперь они кончились, а так мало навыков над личным углублением в Писание! Ему вспомнились рассказы о студенческом христианском движении, которое не отвергало ни хорового пения, ни лекций, ни концертов, но в основу было положено серьезное изучение Евангелия в кружках. Это способствовало глубокому познанию и духовному уровню, который он видел как в Петре Ивановиче Чекмареве, так и в своей маме. Но теперь все эти возможности ушли. Приближалась долина тени смертной...

16 сентября 1929 года он записал в своем дневнике следующее; "Утро, 9 часов. Небо оделось серым покрывалось мрачных осенних туч. Все хмурится. Брызгает мелкий дождик. И сердце как будто плачет о чем-то утерянном, дорогом. Слышатся звуки падающих капель с еще зеленеющих деревьев? Как жить? Все стараются скрыть перед окружающими, что они верующие. Вот какой компромисс! Не хочу оправдываться в этой постыдной действительности. Да, в моей жизни было стремление - жить как христианин. Но я, кажется, тоже иду на уступки. На курсах, где я учусь, никто не знает, что я христианин. Еще немного, и пусть все слышат, пусть все знают, что я последователь Презираемого, Поруганного. Другие как хотят... Болит сердце, так жить не могу. Вот мы пели:

Поэту Я не стыжуся возвещать
Умершего Христа,
Его веленья защищать...

Теперь я так петь не могу. Я ведь не возвещаю. Нужна иная жизнь. Погибну телом, стану нищим, но невзирая ни на что, с Библией в руках, зарабатывая на кусок хлеба, хотя бы тяжелым трудом, с Тобой, Господи, хочу поднять знамя Правды Вечной, буду возвещать Умершего Христа. Теперь выбираю такой путь, хотя завывают бури, пеняются волны. Хочу лишь воскликнуть: "Для Него от всего отказался, все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа".

Леву все останавливали, уговаривали быть потише, не ходить так с молодежью, но он не мог. Он готов был все отдать для Христа.

Неожиданно получил он по почте анонимное письмо. В нем кто-то из верующих писал: "Дорогой брат, я вас должен предупредить: вас не арестовывают только потому, что ждут вашего совершеннолетия. Как только вам исполнится 18 лет, вас привлекут к судебной ответственности и с вами расправятся. Оставьте всякую духовную работу, иначе вы погибнете".

Послание несколько не испугало Леву. Он готов был страдать за Христа. Когда он сказал об этом письме близким, то все родные, и даже сосланная из Саратова сестра - учительница Угрюмова, советовали хотя бы на время отойти от молодежи. Некоторые говорили, что просто надо уехать. Лева всем отвечал, что в Писании написано: "Огненного искушения для испытания вам посылаемого не чуждайтесь".

И он искренно был готов идти в тюрьму ради Христа. Ведь кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее. А кто потеряет ее ради Христа и Евангелия, тот сбережет ее. Проходя мимо тюрьмы, он смотрел на это огромное кирпичное здание, окруженное высокой стеной, как на место своего будущего пребывания. И он по-прежнему трудился среди молодежи: вместе посещали, беседовали, изучали Слово Божие.

Находясь на практике в садах, он брал с собой маленький Псалтирь и старался вникнуть в Псалмы, но странно, читая их, понимал, что они как бы не касались его сердца.

- Это, вероятно, потому, что я не страдаю, - думал он. Вечерами дома углублялся в Библию. И вдруг обратил внимание на слова: "Если вас гонят в одном городе, бегите в другой". Он читал о том, как Христос уходил от гонящих Его. Это все волновало его, заставляло задуматься. И вот опять слова в Писании о том, что и его беспокоит: "Павла спустили в корзинке, и он избежал преследования". Как быть? Что это? Может быть, уехать? Или остаться? Сердце волновалось, душа не находила покоя. Он поделился своими волнениями с матерью.

- Нет, лучше ты не уезжай, - сказала она. - Здесь хоть я буду тебе передачи носить, а уедешь - все равно найдут, арестуют.

Одни советовали одно, другие - другое. Перед Левой первый раз в жизни остро встал вопрос: как узнать волю Божию?

Этот вопрос может быть перед каждым верующим в самых серьезных случаях жизни: при избрании специальности, перед вступлением в брак, при переезде, в духовном служении. Да, действительно, как узнать волю Божию? Из Писания он знал, что иногда бросали жребий. Лева молился, спрашивал у Господа, а сердце словно раздваивалось. И Слово Божие тоже как бы говорило надвое: в одном случае - не чуждайся, в другом - беги. Лева решил, что он будет поститься и молиться, пока ему Господь ясно не скажет, чего Он хочет. Он молился и постился один день. Но в сердце ясного ответа не было. Постился второй день, продолжая в то же время заниматься. К вечеру второго дня на сердце стало спокойно. В душе, как яркий зеленый свет открытой дороги, горел текст: "Бегите в другой город".

- Мама, я уезжаю, - сказал Лева.

- Куда, как? - воскликнула мать и заплакала.

- Я не знаю куда, мама. Мне ясно одно, что Господь хочет, что бы я уехал. Теперь я несколько не сомневаюсь, что это Его воля, - сказал Лева.

- Как же ты узнал твердо, что это воля Божия? - спросила мать.

- Молился, постился, читал Слово Божие, и на сердце стало совершенно спокойно тогда, когда я решил исполнить текст: "Гонят вас в одном городе, бегите в другой".

- Но все ли ты взвесил? - спросила задумчиво мать. - Ведь подумай: ты заканчиваешь инструкторские курсы пчеловодства, садоводства, огородничества, все прошел, остались только одни экзамены, и ты получишь свидетельство и будешь иметь специальность, сможешь работать. Ведь сколько мы затратили на это сил, средств.

- Я об этом ничего не думал, - сказал Лева. - Мне важнее было знать: чего хочет Господь.

- Кроме того, твое здоровье, ты совсем не обращаешь внимания на него, тебя ведь направляли в туберкулезный диспансер. Надо все-таки вести нормальную жизнь, а не скитаться, чтобы не было вспышки в легких.

- Я все заботы возложил на Него, а мы знаем, что любящим Господа, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Вот представь себе: когда меня исключили из школы, казалось, все рухнуло, а Он открыл дверь на эти курсы, и я все лето провел в садах, огородах, на воздухе. Это, конечно, хорошо для легких, я и не переутомлялся чрезмерными занятиями, и в дальнейшем, верю, Он все усмотрит.

- Да, я верю, Он усмотрит, - сказала мать, и в голосе ее слышалась полная надежда, спокойствие и упование. - Когда ты родился, то мы с папой целиком отдали, посвятили тебя Господу, и Он тебя проведет.

Нужно было только ответить на вопрос: куда ехать? Туда, в Сибирь, где находился отец, где жить было

трудно? А, может быть, в Среднюю Азию, в края куда был сослан Петр Иванович Чекмарев и где работал чертежником двоюродный брат Левы - Юрий? Лева выбрал второе. Сборы были недолгими. Плетеную корзину с крышкой наполнили постельными принадлежностями, рубашками Левы. Старенькая тетя Паша сшила ему замечательную подстилку - одеяло из верблюжьего волоса с чехлом, имеющим дополнительный карман для полотенца и других принадлежностей.

Первый раз отправлялся Лева из дома в далекий путь. Вся молодежь жалела его, любила и пришла провожать. Шура Бондаренко, с которым он учился, также очень сожалел, но никто не отговаривал его. Все понимали, что это воля Божия. Последние молитвы в родном доме, последние пожелания из Слова Божия, последнее пение: "Бог с тобой, доколе свидимся. На Христа, иди взирая, всем любовь Его являя. Бог с тобой, доколе свидимся"... Попрощались с близкими, со своими сестрами и братом, поцеловались и пошли на вокзал.

Шли мимо тюрьмы. Лева невольно, как бы с сожалением посмотрел на это огромное, из красного кирпича, здание.

- Итак, мне, видимо, здесь не быть, - подумал он. - Не быть в этом месте страданий, где многие-многие близкие во Христе и родные проходили высшую духовную школу. (Лева ошибся. В этом месте, где столько было в прошлом страданий, пришлось быть позже и ему. Но неисповедимы пути Божий, он был там совсем не узником. Эта старая царская тюрьма была преобразована в Медицинский институт и его общежитие. И наступили дни, когда над Левой рассеялись тучи, и он после Великой Отечественной войны вновь стал студентом и продолжал высшее медицинское образование, занимаясь в аудиториях и лабораториях, которые были расположены в этом здании. То же внутреннее устройство, те же кресты переходных лестниц, с которых видны все этажи и двери комнат, расположенных на них. Камера, в которой сидел В. Куйбышев сохранена в неприкосновенности. И здесь Лева познавал высшую науку, занимался в студенческих кружках, оставаясь при этом все таким же пылким христианином).

Все это было потом, а пока ему предстояло ехать в поезде, который почему-то назывался "Максим Горький", и добираться до Ташкента неделю и более. Когда началась посадка, все взволнованно кинулись к вагонам, началась толкотня, невыразимая давка. С мешками, с чайниками ехали в основном крестьяне. Большинство ухитрилось залезть в вагон через окна. Лева помогали друзья. Один из них проник в вагон, и ему через окно передали багаж Левы, а потом и самого Леву с билетом.

Поезд тронулся. Лева выглянул в окно. Мать, родные, вся, дорогая его сердцу молодежь, прощаясь, махами руками и что-то кричали, некоторые вытирали слезы. Поезд уходил все дальше и дальше. Лева присел на свою корзинку, облокотился на узел, сидя в проходе вагона, о том, чтобы где-то лечь, нечего было думать. Пассажиры тревожно обменивались своими переживаниями. Многие были из деревень, уехали, бросив все свое хозяйство. Всех волновало, что ждет их впереди?

Лева был спокоен, совершенно спокоен. В кармане была только справка, что он прослушал курс садоводства, пчеловодства, огородничества. Но не на эту справку уповал он. Он уповал на Бога, любящего Отца, он верил Иисусу Христу, И Дух Святой - Утешитель был с ним, в его сердце. Лева было хорошо, хотя слышались бранные, непривычные, слова, а едкий, противный махорочный дым вызывал кашель.

Стемнело. Проводник зажег копящую свечку. Лева молился: "Господи, я иду за Тобою, по Твоей воле, верю: Ты сделаешь все, как хочешь. Дай только слушаться Тебя, храни, утешь маму, сестер, брата; благослови верующих в Самаре, храни дорогую молодежь; храни папу и всех ссыльных и заключенных, поддержи, помоги делать только добро, всех любить..."

Он не закончил молитву. Под шум колес и колыхание поезда он незаметно заснул. Проснулся ночью, кругом спали неизвестные люди.

Сердце не забилося тревогой, на душе было как-то по-особенному хорошо. Он знал: с ним Господь. Это по Его воле он в эту бурю находился в пути. Чего же ему бояться? Ему было хорошо, хотя и сидел он на своей корзине в прокуренном, душном вагоне.

Часть 2. ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ. 1929- 1930

"Отче, прославь имя Твое".

Иоан. 12:28

Глава 1. Накануне совершеннолетия (Катта-Курган)

"Это для того, чтобы на нем явились дела Божий".

Иоан. 9:3

- Больной, я вам говорила и еще раз повторяю: вставать с постели вам нельзя. Вы должны лежать и только лежать.

- Почему, доктор? Я уже чувствую себя гораздо лучше, - сказал Лева. - Мне уже лучше. Я так давно лежу...

- Поймите, молодой человек, болезнь дала осложнения на сердце. Вот вы только приподнимаетесь с постели, а сердце уже скачет. Если будете выполнять все наши предписания, то мы вас выпишем здоровым. А пока нужно лежать. Ваше здоровье в опасности.

Доктор ушла. Лева лежал в отдельной палате, изолированной от других больных.

В окна была вставлена решетка, сквозь нее виден небольшой садик, высокая каменная белая стена, небо... И все. Он был инфекционный больной, к которому никого не пускали; от него не принимали никаких писем, нельзя было передать даже самую маленькую записочку. Считалось, что через бумагу от больного можно заразиться.

Он лежал целыми днями и думал, думал. Мысли текли одна за другой непрерывно. Перед ним проходили картины детства, жизнь в родной семье и недавний неожиданный отъезд. Первый раз в жизни он уехал в Узбекистан, где все было иное, странное и непонятное. Он ни разу не плакал, ему даже не было грустно, несмотря на то, что он был неделями совершенно один в этой маленькой белой палате на чужбине. Казалось, никаких перспектив не будет. Однако он не унывал и чувствовал, что Тот, Которого он любил больше своей жизни, не оставил и не покинул его. В тот момент, когда он больной, разбитый, в глухую полночь сошел с поезда на маленькой станции, вошел в прокуренный, грязный вокзал, где, коптя, слабо горела керосиновая лампа, и сел на свою корзинку с вещами, он ясно увидел, что он приехал сюда не один. Болела, шумела голова, очень трудно было глотать, мелькали странные фигуры в халатах и белых чалмах. Он был не один! Его лучший Друг был рядом, он ощущал дыхание любви Его, и на душе его было так хорошо и спокойно. Если бы кто в этот момент спросил бы его: "Счастливы ли вы?", он мог бы без колебания ответить: "Да, счастлив, больше всех живущих!"

- Больной, вот вам бульон и хлеб, кушайте! - сказала няня, пожилая женщина, ставя на табуретку перед кроватью тарелку супа.

- Спасибо, - ответил он. Няня вышла, он повернулся, взял ложку и тихо прошептал: "Благодарю Тебя, Отец, что Ты посылаешь мне пищу. Аминь". Он съел несколько ложек бульона.

- Больной, вы опять ничего не едите, я буду жаловаться доктору. Я вам еще кисельку принесла, давайте я сама покормлю.

- Не хочется что-то.

- Да ты не расстраивайся, - успокаивала няня, приветливо смотря на больного. - Это ты с тоски по дому есть-то не хочешь. Жаль мне тебя, посидеть бы около тебя надо, да некогда. Там у нас сколько больных-то, и все - маленькие.

- Идите, я сам съем кисель, я не тоскую, просто нет аппетита. Кисель был кисло-сладкий, и Лева съел его.

Он просил сестру принести книгу почитать.

- Нет, больной, - улыбаясь, отвечала веселая краснощекая сестра. - Ты инфекционный, и после тебя книги можно только сжигать.

- Хоть бы что-нибудь...

- Ничего, ничего нельзя!

В этот день после обеда он задремал. Ему снился родной дом. Они с отцом в саду корчевали яблоню. Нужно было удалить с корнем старое дерево, чтобы на этом месте посадить новое. Отец перерубил большой корень, потом принесли длинную вагу и положили под самый корень, чтобы удалить его, но тут мать позвала их обедать. А в саду столько яблок: боровинка, хорошавка... Но вот будто ветка хлестнула по голове. Лева проснулся. Не было отца, а болело ухо, ныло и дергало.

- Что это? - подумал он. - Видно осложнение на уши. А если останусь глухим? Почему так сложилась жизнь? Где теперь отец? Как бьется сейчас мать в нужде с четырьмя детьми? И за что? За что?

Глядя в окно, он стал молиться. И будто само небо отвечало ему: за что? За свет, за правду, за любовь... И снова как-то спокойно, радостно стало на душе. "Радуйтесь и веселитесь", - вспомнил он слова заветной книги и улыбнулся.

Вечерело. На небе загорелись первые звезды. Любил эти минуты Лева. Он с напряжением всматривался в небесную даль.

Вечером сестра сказала, что у него температура. Он пожаловался на боль в ушах.

- Ничего, - успокоила она. - Доктор завтра посмотрит.

- Доктор, у меня ухо болит, - сказал он при обходе на следующий день врачу.

- Вызвать специалиста! - распорядился лечащий врач.

И дежурная медсестра вскоре привела пожилого мужчину. Ой осмотрел ухо, покачал головой и назначил лечение. Вскоре приступившая к дежурству медсестра пришла с огромным бинтом и сделала Лева компресс на горло.

- У меня ухо болит, - сказал Лева, - а не горло.

- Ничего, - улыбнулась сестра. - Врач лучше знает. При вашей болезни горло особенно страдает. Температура колебалась, сердце давало перебои, аппетит стал хуже. Лева все больше слабел. К окну иногда приходил проведать его дядя. Напрягая голос, Лева диктовал ему письма для родных, утешал мать, друзей, молодежь.

Вскоре ему передали маленькую тоненькую книжечку - Евангелие от Марка. Он, не отрываясь, с наслаждением читал ее. Дорогое, давно знакомое и вечное Слово!

Иногда врач во время обхода с удивлением смотрела на него, спрашивая: "О чем Вы думаете, больной? У вас такой вид, будто Вы решаете мировые проблемы", Лева молчал, блаженно улыбаясь.

Он думал о жизни Христа, о первых проповедниках Евангелия, приходя к мысли, что и ему надлежит пройти школу испытаний.

Глава 2. Подарок свыше

"Эта болезнь не к смерти, а к славе Божией".

Иоан. 11:4

На днях ему должно было исполниться восемнадцать лет. Появился аппетит. Лежать, в постели не вставая становилось все труднее. Дядя к нему больше не приходил, его отправили куда-то в глушь узбекских кишлаков. Посещал его двоюродный брат Юрий. Он недавно прибыл в этот город и поступил на работу чертежником. Он уговаривал Леву поскорее выписываться.

- Теперь Вам стало лучше, - сказала врач во время обхода, - с сегодняшнего дня можете ходить.

Она приветливо улыбнулась больному, радуясь, что ей удалось спасти его от смерти и инвалидности. Лева тоже обрадовался, он сел на кровати и попытался встать и идти, но увы! Ходить он не мог! Он разучился ходить. Не мог ходить не потому, что кружилась голова, просто ноги не подчинялись ему, и он не мог делать шаги, как это удается даже годовалому ребенку. Смущаясь, держась за стены, он начал учиться ходить. Через два-три дня он уже свободно передвигался по палате, силы прибавлялись с каждым днем. Радость возвращения к жизни наполняла его. Лева не беспокоился о том, где он будет жить, как питаться, где работать. Заботы свои он возложил на лучшего Друга, Который печется о нем. И врач, и медсестры, и няни привыкли к Лева, полюбили его и жалели.

- Где же ты будешь работать? - спрашивали они Леву.

- У меня есть хороший, верный Друг, Он все усмотрит, - отвечал, улыбаясь, Лева.

Настал день, когда его выписали. Он шел по улице бодрый, с интересом посматривал на узбекские постройки, дувалы, караваны верблюдов, несущих на себе тюки хлопка, узбеков, сидящих на осликах.

Глава 3. Внутренний рост

"Ему должно расти, а мне умяться".

Иоан. 4:30

Зима узбекская - сырая, с дождями, грязью. Лишь временами подмораживало и выпадал снег. Лева

поселился вместе с Юрием в большой комнате, снятой у узбеков. На работу устроиться было трудно. Масса безработных. Записался на биржу труда и каждый день ходил отмечаться, ожидая, не предложат ли работать садовником.

Но работы не было. Материально было трудно, однако ни уныния, ни отчаяния на душе не было. Питались в основном рисовым супом да традиционными узбекскими лепешками. Очень тяжело было с топливом. Комнату обогревала железная печка, но топить ее было нечем. Дрова продавались на вес и были очень дорогие. Сидеть в холоде было трудно, и Лева предложил Юрию изобрести какое ни будь отопление.

- Самое дешевое топливо - керосин, - сказал Юрий.

Братья недолго ломали голову и придумали. В аптекарском магазине купили стеклянную кружку Эсмарха с краном и резиновой трубкой. На примусе оттянули в виде конуса стеклянную трубку. В железную печку наложили кирпичей, в дверке пробили дырку, в нее вставили стеклянную трубку - получилась форсунка.

- Ну, теперь попробуем, - сказал Юрий. Лева налил в кружку Эсмарха керосин и чуть-чуть приоткрыл кран. Юрий поднес к печке горящие щепочки - к тонкой струе керосина, она вспыхнула. Скоро печка зашумела, раскалилась докрасна. Друзья ликовали, стало жарко, разделись.

- Вот теперь поживем! - потирая руки, сказал Юрий. Недостатком отопления было то, что помещение быстро остывало. А входившие в комнату гости всегда потягивали носом и спрашивали:

- Что у вас тут - жилище или керосиновая биржа?

Снег возле дома быстро покрывался черным налетом от сажи. Да и в носу у друзей бывало часто темно. Однако они не унывали. Благодарили Бога за все и, ложась спать, часто затевали жаркие споры.

- По-моему, - говорил Юрий, - совместить горячее служение Господу и семейную жизнь вполне возможно.

- Нет, - говорил Лева, не соглашаясь с Юрием, - Павел ясно сказал, что неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о том, как угодить жене.

- Так ты что же, Лева, дал обет не жениться?

- Никакого обета я не давал, - отвечал Лева. - И не видно из Писания, что на это нужно давать обет. Буду стремиться как можно дольше быть свободным, чтобы, подобно доброму воину, не связывать себя делами житейскими в угоду Небесному военачальнику.

Юрий все время убеждал, что можно жениться, иметь семью и быть настоящим христианином. Лева на примерах из жизни молодых пар старался доказать, сколько проблем имеют они. Если раньше они беспокоились о доме Господнем, то теперь весь интерес их сводится, в основном, к заботам о собственном доме.

Засыпали поздно. Утром, подкрепившись рисовой кашей или рисовым супом, расходились по разным местам. Юрий шел на работу, Лева - на биржу труда, где часами приходилось простаивать в ожидании. В это время Лева впервые осознал, что значит быть безработным. Потом он шел на квартиру, варил обед и изучал руководство по садоводству или чертил. Вечерами посещали верующих или ходили в молитвенный дом, на собрание. Верующих было немного, несколько семей. Небольшое собрание проходило на окраине, в холодной комнате с земляным полом. Юрий, любитель пения, старался организовать хор. Но голосов было мало, и у него ничего не получалось. Приближалось Рождество 1929 года.

- Ты тоже будешь непременно петь, - сказал Юрий Лева.

- Но у меня нет слуха, не умею, - ответил тот.

- Ну, ты понимаешь, нам нужен бас, чтобы рождественской ночью порадовать родных.

- Ну, хорошо. Я буду петь, - согласился, наконец, Лева, но только "Ночь перед Рождеством".

- Спасибо, - сказал Юрий и стал учить Леву петь басовую партию в псалме: "Иисус нам рожден, наш Спаситель, Спаситель, сильный Господь, наш Бог..."

Дело двигалось плохо.

- Какой ты бесталантный! - удивился Юрий. - И не поешь, и на инструментах не играешь...

- Уж какой есть, - смущенно заметил Лева. А про себя подумал: "Действительно, какой я бесталантный, на что я только годен в деле Его?"

Так или иначе, басовую партию он несколько усвоил, и когда рано утром на Рождество группа молодежи пошла возвещать о родившемся Христе, он изо всех сил подпевал низким голосом: "Хвалите и славьте, прославляйте!"

После даже старичок Прозоров сказал Юре:

- Откуда появился такой бас?

В дальнейшем с пением у Левы ничего так и не получилось. Он пел только для себя, не пытаясь больше участвовать в хоре.

Вскоре Юрий перевелся на новую работу в другой город. На квартиру к Леве попросились молодые верующие - муж и жена. Он пустил их, отгородив половину комнаты ширмой. Узнав, что коммунальному хозяйству города требуется садовник, подал заявление и через биржу труда устроился на работу.

Узбекская весна наступает рано, и, как только зазеленеет трава, закипает работа по пересаживанию деревьев на улицах города, в городском парке вблизи вокзала, около хлопкового завода. Леве выделили рабочих, кроме того, он, выступая на комсомольских собраниях различных организаций и предприятий, призывал молодежь принять участие в озеленении города. Устраивались субботники, воскресники, на которых узбекская и русская молодежь с пением народных песен сажала деревья.

Все теплее грело солнце, весело и радостно было Леве озеленять город. На месте большого пустыря красивыми квадратиками, треугольниками, кругами клумб и посадок был разбит новый парк. Лева прочел в узбекском училище лекции о значении растений для человека, и все учащиеся вышли озеленять старый город. Вечерами, возвратившись домой, усталый и довольный, он спешил к знакомым верующим, бывал на собраниях. Его любили и всегда встречали приветливо.

- Лева, как дела? - спрашивали его.

- Слава Богу! Хорошо, все хорошо, - отвечал он.

Он поправился, разругался, от болезни не осталось и следа, кожа рук и лица покрылась золотистым загаром. Из заработанных денег Лева мог уже немного посылать матери, которая нуждалась в его помощи.

- Вот поработаешь, - говорил ему черноволосый, кудрявый брат Соловьев, - а там дальше пойдешь учиться в сельскохозяйственный вуз, станешь специалистом.

- Да, хорошо бы! - говорил Лева, и у него загорались глаза. Хотя его образование оборвалось, но он так любил науку, что не представлял жизни без учения и совершенствования знания.

Соловьев особенно хорошо относился к Леве, часто приглашал его к себе домой, рассказывал ему о своей жизни. Он был старый работник ЧК, перенес на своих плечах всю тяжесть борьбы с басмачеством. Теперь нервы его не выдерживали, и ему приходилось, лечиться иногда в психиатрической больнице. Сейчас наступило улучшение, но он не находил покоя душе своей. И только когда познакомился с верующими во Христе, стал молиться и жить вместе с ними, тогда нашел успокоение.

- Но полностью христианином быть не могу, - говорил он иногда сокрушенно Леве. - Как увижу несправедливость, так нервы не выдерживают. Вот вчера иду, очередь у лавки, а какой-то гражданин лезет вне очереди. Подхожу ближе - вижу мой заведующий. Так я его прямо палкой огрел. За это мы боролись, за это кровь проливали?..

Часто Лева бывал и у пресвитера местной общины, низенького старичка столяра. Он все уговаривал Леву стать проповедником, но Лева не чувствовал ни силы, ни призвания к этому. Когда-то в родной общине на юношеских собраниях по субботам он не раз выступал с проповедями, но от своих проповедей не видел особенного благословения.

Была весна 1930 года. В местную общину Катта-Кургана, того городка, где жил Лева, поступали тревожные вести об усиливающейся буре над верующими в Евангелие. В России везде закрывали общины, отбирали молитвенные дома, а пресвитеров, проповедников объявляли врагами советской власти, арестовывали и сажали в тюрьмы.

Лева с детства вращался среди евангельских христиан, он знал их настроения и стремления, но никогда не слышал от них никаких антисоветских высказываний, никогда не встречал среди них политиков. Ему стало ясно, что атеисты, потеряв надежду победить верующих путем диспутов, пропаганды союза воинствующих безбожников, решили прибегнуть к клевете, лжи и под флагом борьбы с контрреволюцией, используя тюрьмы, ссылки, обезглавить общины, задушить христианство. Он знал, что и Христа причисляли к злодеям, и Его осудили на политической почве, и, глубоко скорбя за терзаемое братство, он вместе с другими молил Бога, чтобы Он заступился и защитил народ свой.

Часто, когда Лева оставался в своей комнате один, он молился и вспоминал о том, что ему надлежит сделать доброе дело, что именно для этого он и оставлен в живых. Но как прославить Господа, когда мрак все сгущается и слышно стало, что и в Средней Азии скоро закроют молитвенные дома?

Всюду нависли грозные тучи. Боролись с кулачеством, боролись с врагами, мнимыми и подлинными, и одновременно терзали ни в чем не повинных верующих христиан-сектантов.

Глава 4. Ключ к подарку найден

"Ищите и найдете..."

Мтф. 7:8

Чем больше молился Лева, чем больше он читал Библию, тем больше ощущал жажду подвига, жажду положить душу свою за друзей своих. Всякая радость покинула его. Он сознавал, что живет неправильно. Теперь, когда Христа презирают, гонят, можно ли спокойно жить, есть, пить? Перед ним была альтернатива: или застыть духовно, или идти за гонимыми, поруганными, оплеванными христианами, идти путем Христа, по Его стопам. Лева чувствовал, что ему нужно было идти. Но куда? Он этого совершенно не знал. Он делился своими мыслями с некоторыми братьями, что его не удовлетворяет просто "жить", что надо трудиться - на ниве, но его только успокаивали:

- Благодарю Бога, ты живешь неплохо. Написано: "Великое приобретение - быть благочестивым и довольным", - поучал его пресвитер. Сердце тосковало. Часто, находясь один, он вставал на колени, открывал свою Библию и читал, молил Бога, чтобы Он указал ему, что делать, чтобы не быть бесплодной смоковницей. Но ответа не было. Тот подарок, который он получил в день рождения в восемнадцать лет, по-прежнему был заперт. Не было ключа открыть его. В это время он получил телеграмму из родного города, от двоюродного брата: "Умерла моя мама, поезжай к папе, утешь его". Незамедлительно он сел в поезд и приехал в Зербулак, оттуда на арбе с огромными колесами добрался до кишлака Мирбазар, где находился в ссылке его дядя - инженер. Когда Лева приехал, он был на работе. Вызывав его, Лева сказал, что ему нужно передать нечто важное. Они остались одни в убогой комнатке с земляным полом, где жил дядя. Нужно было утешать, но слов не было. Горе разрывало сердце Левы. Не сказав ни слова, он зарыдал.

- Что, что случилось? - участливо спросил дядя.

- Большая скорбь постигла Вас, - наконец сказал Лева. - Будем молиться, чтобы Бог помог вам перенести эту скорбь. Они опустили на колени и оба просили Всемогущего о помощи - перенести всякую скорбь. Когда они встали, Лева подал телеграмму. Прочитав ее, дядя тяжело опустился на табуретку, склонил голову и тихо произнес:

- Это удар свыше сил, сверх сил...

Да, действительно это был страшный удар. Как вскоре выяснилось, жена его умерла, рожая двойню. Мать ушла в вечность, оставив двенадцать детей, из которых только один Юрий работал, живя вдали от семьи. Отец же был далеко в ссылке. Он просил у начальства разрешения съездить к детям на несколько дней, но ему отказали.

Этот случай с семьей дяди широко открыл глаза Леве на то горе, страдание, в котором находятся заключенные и ссыльные, оторванные от своих родных, брошенные, заклеянные позорной кличкой "мракобес". Он по-прежнему тосковал, не находил себе покоя и молил Отца Небесного указать, какое доброе дело он может сделать.

Однажды днем, вернувшись с работы, Лева открыл 25-ю главу Евангелия от Матфея стих 32-40 и стал читать место, которое он знал с детства, но теперь оно с особой ясностью стало перед ним. "И соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как Пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону Его: "придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо акал Я, и вы дали Мне есть, жаждал и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня, был наг и вы одели Меня; был болен и вы посетили Меня; в темнице был и вы пришли ко мне".

Тогда праведники скажут Ему в ответ: "Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? Когда видели мы Тебя больным, или в темнице и пришли к Тебе?" И Царь скажет им в ответ: "Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне".

Читая, Лева размышлял, какое из этих добрых дел надлежит сделать ему. Если кормить других нуждающихся, голодных, то он сам зарабатывал мало. Поить жаждущих - водою все обеспечены. Стать же благовестником, то есть поить водой живую Слова Божьего - он не имел зова внутри. Принимать странников было бы хорошо, он восхищался теми, кто это делает, но сознавал, что быть гостеприимным Гаем - не основное его дело. Одевать раздетых, нуждающихся - это великолепно, но у него нет для этого средств. Он сам был бедно одет. Посещать больных - это самое христианское дело, но к этому не лежало его душа...

Когда он вспомнил слова: "В темнице был и вы пришли ко Мне", - они зажглись в душе его ярким огнем, который охватил все его существо. - Да, да, посещать заключенных, ссыльных, в тюрьмах, в далеких

селениях - вот святое дело, к которому зовет его Господь.

Он упал на колени и благодарил Бога за чудное откровение. Нашелся ключ к тому подарку, который он получил от Господа в день рождения. Все ясно. Отрешиться от всего, пожертвовать собою, чтобы нести страдающим людям любовь и привет, утешение и надежду.

Лева несколько дней ходил погруженный в самого себя. Казалось, он совсем не замечал окружающих, механически исполнял работу, как обычно разговаривал с людьми. Сам же он жил тем откровением, которое было дано ему свыше. Он вполне сознавал всю опасность, всю трудность предстоящего пути, всю свою неопытность и молодость. Ведь он еще, в сущности, совсем молодой человек, у которого не росли еще ни усы, ни борода. Но огонь был в душе его и влек неудержимо.

Когда он сказал о своем намерении пресвитеру, тот строго посмотрел на него и сказал: "Ты брат возгордился! На такие дела может пойти только союз из Москвы, а тебя кто посылает? Это самозванство".

А Соловьев, узнав о его планах, покачал головой и сказал: "Жаль мне тебя. Доброе дело - подвиг, но быстро схватят тебя: не поймут органы, и пропадешь ни за что".

Все верующие стали отговаривать Леву. Они не без основания утверждали, что только скорбь и тюрьма ждут его на этом пути.

Он поехал к своему дяде и рассказал о том, что Господь зовет его посвятить себя делу посещения заключенных и ссыльных. Дядя внимательно выслушал его, задумался, потом сказал:

- Великое доброе дело! Но для тебя ли оно? Разве по силам твоим будет это? Поразмысли-ка! У тебя не будет удостоверения, что ты брат; куда ни придешь в общину, все с недоверием, с подозрением будут смотреть на тебя, а, возможно, и не примут. Это сразу поразит твое молодое сердце. А потом подумай о матери, разве ты не любишь ее? Ты должен помогать ей. Вспомни: "Кто не печется о домашних своих, тот хуже неверного". Встать на этот путь - означает идти на верную гибель, а тебе нужно учиться, у тебя еще все впереди. А на какие средства ты будешь путешествовать? Ведь в наше время, когда разбиты общины, когда все в страхе, этот твой путь почти нереален.

- Я обо всем этом подумал, - тихо сказал Лева. - Я чувствую, что Господь зовет меня. Ты твердо уверен в том, что это зов Божий? - спросил дядя, всматриваясь в открытое, спокойное лицо Левы.

- Да, вполне уверен. - ответил он.

- Тогда - да будет воля Божия! И он поцеловал племянника. Помолившись, они расстались...

Глава 5. Отрешение от всего

*"...Они стремились к лучшему, то есть к
небесному..."*

Евр. 11:16

Лева написал письмо Юрию, своему брату и другу. В нем он сообщал ему, что на днях оставляет все и, как говорили в старину, берет в руки страннический посох, то есть станет странником и пришельцем на земле с тем, чтобы посещать ссыльных и заключенных.

Юрий тут же ответил, что считает это невозможным. Христос писал, что Он всегда посылает учеников по двое, а поскольку у Левы не было спутника, он усомнился в том, что его посылает Христос. Но Лева знал, что хотя он неопытен и немощен, но сила у Бога, что идти вдвоем на это - значит двоим потерять жизнь. Лучше было одному стать жертвой.

Затем Лева написал прощальное письмо матери. "Дорогая мама, - писал он, - Господь позвал меня на дело, "был в темнице и посетили меня". Я оставляю все и знаю, что, потеряв жизнь ради Христа и Евангелия, я приобрету ее. Оставляю все свои интересы, оставляю тебя, мама, и родных. Я прошу тебя помолиться обо мне и верить, что Отец Небесный поведет так, как Ему угодно. У тебя было пятеро детей, считай, что осталось четверо. Считаю меня умершим для этой жизни..."

В горкомхозе Лева подал заявление об увольнении.

- Что ты? - удивился заведующий. - Все основные работы по озеленению сделал. Теперь будешь спокойно работать. Оставайся...

Но как ни уговаривал заведующий Леву, тот стоял на своем, чтобы ему дали расчет. Все имевшиеся личные вещи он постарался раздать. Себе оставил вещевой мешок, полевую сумку. Купил фляжку и приспособил ее носить на ремне через плечо.

После вечернего собрания он встал и сказал:

- До свидания, дорогие братья и сестры! Отъезжаю, чтобы исполнить волю Божию.

Пресвитер встал и прочел место из Деяния Апостолов 31 глава, 14 стих: "Когда же не могли уговорить его, то успокоившись, сказали: да будет воля Господня". - Мы знаем, дорогой брат, что тебя ожидают скорби и узы...

Некоторые заплакали. На это Лева ответил словами апостола Павла: "Что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов и умереть в Иерусалиме во имя Господа Иисуса". Попросил спеть гимн: "К неземной стране..." Дружно запели, и проникновенное пение как бы освещало Лева грядущий путь.

ПоetryК неземной стране путь указан мне,
И меня влечет, что-то все вперед.

Не растут цветы на пути моем,
Лишь шипов кусты вижу я кругом.

Соловьи зарей не ласкают слух,
Лишь шакалов вой слышу я вокруг.

Не сулит покой мне прохлады тень,
Но палящий зной жжет и ночь, и день.

Не в тиши идет путь кремнистый мой, -
Ураган ревет, проносясь над мной.

Не среди лугов, под шумом ручья,
По камням холмов пробираюсь я.

И встречаю я всюду крови след:
Кто-то шел скорбя, средь борьбы и бед.

В черной мгле сокрыт путь суровый мой,
Но вдали блестит огонек живой.

Огонек горит, и хоть вихрь шумит,
Но вдали влечет что-то все вперед...

В заключение спели ему еще: "Бог с тобой доколе свидимся..." Обнялись, поцеловались и расстались, обещая поддерживать его молитвами.

Ночь перед отъездом Лева спал так же, как всегда - спокойно. Он не думал о грядущем. В нем жила полная уверенность, что Отец поведет, проведет и прославится через него.

Глава 6. Клопиная ночь (Самарканд)

"Страдающий плотию перестанет грешить"

1 Петр. 4:1

Поздно ночью Лева прибыл в большой среднеазиатский город Самарканд, бывший в то время столицей Узбекистана. Здесь он надеялся увидеть своего двоюродного брата Юрия. Но придя по адресу, узнал, что тот уехал. Отыскав самаркандского пресвитера, решил переночевать у него. Пресвитер слышал о Лева от Юрия и принял его приветливо. Они пили чай и тихо разговаривали. Лева кратко рассказал ему, для чего и почему он тронулся в путь. Старик погладил свою бороду и едва слышно произнес: "Это удивительно! В наше время все пресвитеры, проповедники, кто только успел, бегут в Среднюю Азию, чтобы только избавиться от страданий, а ты идешь им навстречу!"

- Господь зовет, - ответил Лева - и идя за Ним, избежишь скорбей.

- Это конечно, - сказал пресвитер. - Ведь все мы немощные... - и, наклонившись к уху Лемы, он

прошептал:

- Признаюсь тебе, брат, тяжело мне, а иногда выхода нет. Вызвали меня туда и говорят: "Как только придет кто-то из верующих жить в Самарканд, так донеси нам, иначе арестуем тебя". Вот и приходится мне ходить к ним, на братьев доносить. А как же иначе? У меня семья, дети. Страдает душа, мучается, да нет выхода - подписку дал...

Леве было до глубины души жаль старика, он видел, что и жить-то ему осталось немного, но прославить Бога твердости у него не хватало.

- Ты переночуй у меня, - предложил пресвитер, - а завтра поедешь. Лева согласился. Хозяин уложил его на деревянном сундуке в передней, а сам ушел спать к себе. Эту ночь Лева никогда не забудет. Говорят, у каких-то индейцев есть такой обычай: прежде, чем юноша становится воином, ему надевают на руки рукавицы, наполненные москитами, и он должен спокойно выдержать миллионы укусов и этим показать свое терпение и выносливость. Нечто подобное случилось с Левой. Как только потушили керосиновую лампу и он после молитвы улегся на тюфячок на жестком сундуке в надежде хорошо отдохнуть после знойного дня, сотни клопов набросились на него. Он мужественно защищался, давил их на лице, шее, руках и ногах, отчего получалась нестерпимая вонь. Но как ни пытался Лева обороняться, новые и новые полчища тощих, больших и малых клопов с каким-то особым остервенением нападали на него. Все тело горело, как в огне. Он давно не ощущал клопных укусов, и этот неприятный сюрприз просто ошеломил его. Встать, зажечь свет и выйти - он не решился. Всю ночь он метался, но ни одного стога или звука ропота не сорвалось с его уст. Хотелось спать, но это было невозможно.

- Что это? Зачем я здесь? Зачем брат поместил меня сюда?

К утру полезли мысли, а не напрасно ли он оставил свою квартиру и пустился в путь, который начался так ужасно. И вдруг он понял, в чем дело. Это сатана искушает! Ведь Христос, выходя на служение, перенес муки голода, искушения сатанинские, а потом уже пошел дальше.

Лева стал молиться, и как будто укусы стали не так ощутимы. Начинало светать. С сильной головной болью встал он утром.

- Ну, как брат, хорошо отдохнул? - поинтересовался утром пресвитер.

- Хорошо, хорошо, -- сказал Лева. - Только знаете, у вас клопы покусывают...

- Да, есть немного, - сказал хозяин. - Но ничего, мы их уже не замечаем.

Позавтракали, и пресвитер проводил Леву на вокзал и посадил в поезд.

- До свидания, дорогой брат! - сказал он Леве, - Встретимся, если не здесь, то там, в доме Отца.

Здесь, на земле, они больше не встречались. Встретятся ли в вечности - Лева не знал. Ведь участь боязливых ужасна...

Глава 7. Лев бесстрашен (Станция Урсатьевская)

"Праведник смел,- как лев".

Пр.28:1

Он слез на станции Урсатьевская и стал отыскивать верующих. Быстро нашел их.

- Слава Богу, - сказала, улыбаясь, старушка. - Наконец-то нам Господь гостя прислал, а то про нас проповедники забыли.

- Я не проповедник, - сказал Лева. - Я к вам мимоходом, отсюда иду пешком в Ура-Тюбе.

- Зачем же туда, сынок? На работу устраиваться?

- Нет, не на работу. Там есть ссыльные, хочу их посетить.

- Что они, родственники или знакомые вам?

- Да, такие же родственники и Знакомые, как и вам - по крови Христа, - ответил Лева.

Скоро пришли еще другие верующие и стали жаловаться, что у них закрыли молитвенные собрания.

- Молиться надо! - сказал Лева и, открыв книгу "Есфирь", начал читать о том, какой героизм проявила Есфирь, пойдя хлопотать к царю о своем народе.

- Нам тоже говорят, - сказал пожилой брат, - что надо идти в ОГПУ хлопотать, да никто у нас не решается, все боимся.

- Давайте молиться! - сказал Лева.

После горячей молитвы у Левы появилась мысль: а почему бы не пойти ему в местное ОГПУ и не похлопотать? Ведь не ради себя, а ради доброго дела будет он подвергать себя риску.

- Братья и сестры! Молитесь обо мне горячо. Завтра утром я иду в ОГПУ.

И наутро он без страха и сомнения стоял перед начальником ОГПУ и просил разрешения собираться верующим для молитвы.

- Да мы им не запрещаем, - ответил он. - Пусть только антисоветскими делами не занимаются.

И, посмотрев на юношу, спросил:

- А ты тоже из них? Верующий?

- Да, верующий.

- Странно! Ну, иди. Молитесь, как там полагается вам.

Лева пришел к своим и передал им свой разговор с начальником местного отделения ОГПУ.

После этого верующие стали собираться для молитвы.

Глава 8. Принимают за больного (Ура-Тюбе)

"Сила Моя совершается в немощи".

2 Кор. 12:9

Он хотел выйти пораньше утром, когда туркестанское солнце еще не накалило землю. Но пока он прощался с родными, пока слушал пожелания в свой адрес, солнце поднялось высоко и с каждой минутой становилось все жарче и жарче. Предстояло пройти сорок километров пешком в пустыне, пока не начнутся горы Узбекистана и Таджикистана, где было курортное местечко Ура-Тюбе.

Лева имел самый походный вид. С одной стороны сбоку висела фляжка, вещевой мешок - за плечами и через плечо скатанное демисезонное пальто. Первые километры он прошел быстро, бодро и легко! Потом, по мере того как солнце поднималось все выше и выше, а сил становилось меньше, путь становился все труднее. Он не раз прикладывался к фляжке. Вода уменьшалась, нужно было дорожить каждой каплей. Как ни напрягал он силу воли экономить воду, жажда нарастала, и скоро фляжка опустела. Дорога шла ровная, укатанная, временами по ней проходили машины, но не было места присесть, отдохнуть: солнце все раскалило, и не было ни кустика, ни малейшей тени.

- Господи, помоги мне! - просил Лева, начиная терять силы. Вскоре он заметил, что дорога спускается в ложину, где около двух небольших деревьев была расположена хижина - видимо, чайхана. Напрягая силы, он дошел до нее и досыта напился чаю, закусил сухарями и, ободренный, двинулся дальше.

Солнце склонилось к западу, когда он подходил к горам. Снеговые вершины их казались совсем недалеко, но как он ни шел, они нисколько не приближались, лишь показалось зеленое предгорье, среди садов которого виднелись дома города Ура-Тюбе. Силы оставили его. После каждого километра он останавливался, отдыхал. Солнце спускалось ниже, палило меньше, становилось легче. Усталый, еле передвигая ноги, он вошел в город.

- Скажите, пожалуйста, где здесь больница? - спросил он у проходившего русского.

- Вот тут за угол заверните, за белой каменной стеной и будет больница, - ответил тот ему! Лева знал, что сосланный из Москвы сестра работает в больнице, и там он надеялся узнать что-нибудь о ней.

- Скажите, пожалуйста, - сказал он, заходя в приемный покой, - здесь работает медсестра Надя Иванова?

- Да, здесь, - ответила старушка няня, участливо глядя на Леву. - Сейчас я ее позову.

В комнату вошла среднего роста, бледненькая, худенькая молодая девушка.

- Проходите, больной, раздевайтесь. Что болит? Мы сейчас вас положим.

- Извините, я пришел не ложиться в больницу.

- Так вы на амбулаторный прием?

- Нет, мне нужно Надю Иванову.

- Это я и есть, - улыбнулась девушка. - Вы что, через меня хотите к врачу попасть?

В комнате никого не было, кроме них.

- Я ваш брат, - сказал Лева, приветливо, ласково глядя на девушку.

- Брат! - воскликнула девушка. - Вы из Москвы, от наших.

- Нет, я не из Москвы, я от Господа. Приехал специально братьев посетить и ободрить...

- О, как это чудесно! - почти закричала Надя, обрадовавшись. - Я сейчас на дежурстве. Идемте, я отведу вас туда, где можно покушать и отдохнуть.

Лева думал, что они идут в какую-нибудь санаторную столовую, но ошибся. Выйдя на улицу и пройдя немного, они остановились перед небольшим зданием с вывеской: столовая "Свой труд".

- Посидите за столиком, а я закажу.

Очень скоро к нему подошла молодая официантка, поставила перед ним зеленые щи со сметаной и, протягивая руку, с улыбкой сказал: "Приветствую, брат!" Лева крепко пожал руку, обрадовавшись, что здесь оказалась не одна сестра. Дверь кухни отворилась, и в зал столовой вошла повар - пожилая женщина в белом халате и большом колпаке. Она подошла к столику, где сидел Лева и разговаривал с официанткой, и, подавая ему руку, сказала:

- Приветствую, брат!

.- А вот идет и наша заведующая, - сказала официантка. К столику подошла невысокая полная женщина в черном и, протягивая руку Леве, сказала:

- Приветствую, брат!

От удивления и радости у Левы пропал аппетит. Он вскочил, не зная, что делать. Между тем к нему подходили новые повара, официанты и все приветствовали его. Заметив его удивленный взгляд, заведующая столовой сказала:

- Вся это столовая принадлежит артели верующих и обслуживается ими. Мы содержали эту столовую в Москве. Когда начались гонения на христиан, мы все выехали сюда, к нашей ссыльной сестре Наде. Ну, пока, дорогой брат, кушайте, а потом поговорим. И они оставили Леву одного. К нему вернулся аппетит, и он хорошо поел.

Теперь идите отдохните, - сказала молодая официантка, которая подавала ему обед. Она проводила его через двор, где в двухэтажном доме среднеазиатского типа они жили.

- Вот вода, освежитесь, вымойте ноги.

В небольшой комнатке ему была приготовлена постель, и он уже собрался ложиться, как вдруг в его комнату вошел средних лет человек, с умным интеллигентным лицом, и, вопросительно глядя на Леву, зашел: "Оружие долой, солдаты все домой!"

Но тут же появилась сестра заведующая и позвала:

- Алексей, Алексей, идите, не мешайте гостю отдыхать! Незнакомец покорно удалился, чему-то усмехаясь.

Сколько времени прошло Лева не знал, но проснулся от какого-то внимательного взгляда. Действительно, рядом с его кроватью на стуле сидела Надя и всматривалась в его лицо, словно изучая.

- Вы не болеете? - участливо спросила она, как только Лева открыл глаза.

- Нет, не болею, - бодро ответил Лева и быстро приподнялся.

- А у вас был такой утомленный, болезненный вид, когда вы пришли в больницу, что я подумала - вы тяжелобольной.

- Я переутомился с дороги, - сказал Лева, - шел пешком. До этого была бессонная ночь с клопами...

Потом появилась заведующая.

- Знаете что, - сказала она, - если у вас скудно со средствами, вы можете остаться у нас, рубить дрова для столовой вместе с Алексеем.

- Господь усмотрит, - ответил юноша.

Глава 9. Простые русские люди

"Вот великое множество людей..."

Откр. 7:9

- Идемте, выйдем в сад, побеседуем, - предложила Надя. Они прошли в небольшой тенистый сад и сели на скамейку. Смотря на проникающие лучи солнца, Лева догадался, что он проспал всю ночь и было уже утро.

- Во-первых, я хочу спросить вас, брат, давно ли вы стали трезвенником, - спросила Надя.

- Трезвенником я стал с детства своего, - сказал, улыбаясь, Лева. - Я никогда не употреблял никаких спиртных напитков и надеюсь на Бога, что Он сохранит меня от этого зла. Но я не называюсь трезвенником. Да? А мы все думали, что вы - трезвенник, - сказала Надя.

- Кто же вы?

- Я принадлежу к Братству евангельских христиан-баптистов.

- Да? А ведь у нас в Москве баптисты с трезвенниками не сообщаются.

- Дорогая сестра, - ответил Лева, - Господь мне открыл, когда я встал на путь посещения заключенных,

чтобы я, не пренебрегал никакими искренно верующими, навещал заключенных в тюрьмах и ссылках - всех, независимо от их веры. Вы страдаете за Господа, я могу только восхищаться вами и нести вам привет и любовь. Написано: "Во всяком народе боящийся Бога приятен Ему".

- У нас после завтрака будет собрание в столовой, побудьте с нами, - сказала Надя.

Лева думал, что будет производственное совещание членов артели, но ошибся. Как только последние посетители ушли и в зале столовой убрали, весь коллектив артели собрался там. Окна занавесили, и началось молитвенное собрание. И гимны, и чтение Слова Божия - все было так же, как у евангельских христиан. Лева горячо молился, благодаря Бога, что Он встретил родных по вере. Его полюбили. Он остался работать у них дровосеком.

Из бесед со всеми он познакомился с историей движения трезвенников в Московской области. С особой любовью рассказывали верующие о брате Иванушке Колоскове, основателе их движения. Из их рассказов Лева узнал, что это был простой русский православный мужичок, который еще до революции поднял знамя борьбы с алкоголизмом, привлек к себе массу сторонников, жаждущих светлой, лучшей жизни.

Сначала он работал в контакте с православной церковью, но, распознав ложь и обман православия, оставил его. Он соприкоснулся с последователями Л. Н. Толстого. Мысль об общинной жизни, о братстве, о любви на земле захватила Колоскова и его последователей. Тогда же трезвенники все, как один, оставили убийство животных для употребления их в пищу, а многие из них по своим убеждениям стали отказываться от участия в войне. Ими за короткий срок были организованы в Москве вегетарианские столовые, различные общества по совместной обработке земли на христианских началах, учреждено народное издательство "Трезвая жизнь".

Виднейшие толстовцы, войдя в среду трезвенников, воспитывали их в духе учения Льва Николаевича. Они почитали Христа только великим Учителем, но не Спасителем. Скоро члены общества, да и сам Колосков, осознали недостаточность учения Толстого. Было великое покаяние среди них, и они приняли Христа. Не только их проповедники-мужчины, но и простые девушки-сестры двинулись в народ, возвещая Христа Спасителя. Большое влияние на движение трезвенников оказали евангельские христиане. Они уже хотели присоединиться к их союзу, но встретили некоего Воронаева, приехавшего из Амерки. Он начал насаждать дух "трясунства". Восприняв от него учение о крещении Духом Святым, трезвенники стали смешиваться с так называемыми пятидесятниками. Как рассказывали Лева, Колосков понял, что Воронаев - грозный и нечестный человек и прямо сказал ему: "Ты работаешь не Духом Святым, а гипнозом".

После этого Колосков откололся от пятидесятников. Он решил вести дело Божие самостоятельно, не присоединяясь ни к какому союзу верующих. Когда началась борьба с религией, страшный удар обрушился на трезвенников. Их ссылали, общины закрывали, столовые тоже. Тогда они, ища аналогии в истории Древнего Рима, в один день и час разбросали по всем правительственным учреждениям Москвы брошюру под названием "Рим горит, а христиане виноваты". Это вызвало новую волну репрессий против них. Пытались арестовать Колоскова, но он скрылся и только по телефону разговаривал с ОГПУ, убеждая прекратить преследования. Тогда, чтобы найти его, преследовали его родных, и он был вынужден явиться в "органы".

Чем больше Лева знакомился с трезвенниками, тем больше становились понятны ему эти простые народные души, стремящиеся к свету. Вечером, после работы, Лева с некоторыми из них направлялся в горы, где с вершины открывалась изумительная панорама. С одной стороны - дикие громады скал, уходящие вверх, к снеговым вершинам, с другой стороны - необъятный горизонт пустынь и степей Туркестана, а внизу под ними - утопающий в зелени городок, орошаемый горной рекой, текущей с ледников. Особенно красиво было, когда всходила луна и освещала все своим торжественным спокойным светом, а внизу светлячками горели огни города.

- Ну, расскажите, Лева, какие у вас планы дальше? Наша заведующая, сестра Катя, до сих пор не верит, что вы действительно посвятили себя посещению заключенных. Говорит: "Может быть, он просто домой на Волгу пробирается".

Лева улыбнулся и, подняв руку, указал на небо:

- Да, я пробираюсь домой, но дом мой не на Волге, а там...

На небе горели первые звезды. Сестры запели сначала тихо, потом все громче:

ПоetryК небесам нас путь ведет...

Мы к родной стране стремимся,

Жребий чудный нас там ждет...

...Я отказался от матери, сестер, брата, отрешился от всего. Все, исполнившие волю Отца нашего

Небесного, - мне брат, и сестра, и мать, как сказал Христос.

Одна уже немолодая девушка, сидевшая среди них, сказала:

- Какой вы счастливый, Лева, какой счастливый! Я вполне понимаю. Среди нас было движение странников и странниц. Я тоже была странницей. Это была лучшая пора моей жизни.

- Как это так? - заинтересовался Лева.

- Зимой я работала в столовой официанткой, а как только наступала весна и начинались сельскохозяйственные работы, я уходила в деревню. Прихожу, узнаю, где многодетная семья, где работник нужен, и работаю у них как батрачка, А вечером читаю Евангелие, народ собирается, думают - монашка какая или святая. А я про Христа Спасителя им рассказываю, как Он меня, трешницу, спас. Бывало, полна изба народу, люди плачут, а я молюсь. Поработаю так с недельку и иду в следующее село. Тржусь и Христа проповедую. Странницей тогда я называлась. Счастливое время было!

Рассказчица вытерла глаза платком от катившихся слез.

- А теперь мы как бы застываем. Нет того огня, - сказала сидящая рядом с ней подруга.

На проходивших собраниях трезвенников Лева читал Евангелие и горячо призвал всех бодрствовать и сохранить то, над чем трудились. Несколько вечеров он провел с Надей, делясь с ней теми откровениями, которые послал ему Госродь в болезни, советуя и ей не искать своего, но целиком и полностью посвятить себя делу Христа. Надя благодарила, они вместе молились.

С Алексеем он пилил и колол дрова. Это был муж заведующей столовой. Смелый толстовец, открыто исповедующий свои убеждения, за что попал в тюрьму и был выпущен оттуда с поврежденным рассудком.

Как ни уговаривали работники столовой Леву пожить и поработать у них подольше, Господь звал его дальше. Рано утром, в понедельник, после воскресного дня и чудных сердечных собраний, он стал прощаться.

Глава 10. Расставание

"Смотрите, какую любовь дал нам Отец..."

1Иоан. 3:1

Было раннее утро, но жаркое туркестанское солнце уже давно встало, и в воздухе не чувствовалось той утренней свежести, какая бывает здесь весной или осенью. Ожидая знойный летний день, все работники столовой "Свой труд" вышли провожать Леву.

- Пешком вы не пойдете, - сказала, улыбаясь, заведующая столовой. - Мы в награду за колку дров купили билет на автобус.

- Спасибо, спасибо-, - сказал Лева. - Я больше привык пешком. К нему подошла сестра Катя и протянула узелок: "Это вам на дорогу пирожки. Конечно, не мясные. Мы строгие вегетарианцы и не желаем другим того, чего сами не хотим".

Лева всем пожал руки, благодарил за их любовь.

- Не благодарите нас! - воскликнула Надя. - Мы благодарим Бога и вас, что вы посетили меня, ссыльную, и были для нас, трезвенников, родным братом, хотя вы и баптист. - Я все более и более понимаю, - сказал Лева, что во Христе и Его любви мы родные и название не имеет значения для тех, кто искренно любит Господа.

К нему подошел Алексей подергал его за руку и вдруг, не стесняясь посторонней публики, громко зашел: "Оружье все долой, солдаты все домой..."

Жена пыталась его остановить, но бедный толстовец, тронувшийся рассудком в тяжелых переживаниях, не понимал, что от него хотят и что происходит, и продолжал петь.

Лева сел в автобус.

- Приезжайте еще к нам! - слышались голоса. - Мы словно проснулись, ожили...

Лева долго махал кепкой, высунувшись из окна автобуса.

- Это все ваши родные? - спрашивали его соседи.

- Да, родные, очень родные! - ответил Лева.

Набирая скорость, автобус несся по пустынной дороге. Степи, безводные степи, камни, песок... А на душе у Левы - словно цветущий сад. Ему близки эти люди, он близок им, и все это через веру во Христа.

Глава 11. Семьи узников

"Плачьте с плачущими..."

Рим. 12:15

Когда Лева прибыл в Урсатьевскую и хотел брать билет на Ташкент, чтобы там узнать побольше адресов заключенных, брат местной общины сказал, что недалеко отсюда находится небольшой Орловский поселок. Там в местной общине одних верующих арестовывают, а другим угрожают.

- Вам необходимо побывать там, обязательно нужно! - убеждал он Леву.

- Да зачем же? - спросил Лева. - Моя обязанность одна. Я не проповедник, я просто самый меньший, только позван Господом посещать заключенных.

Но брат все-таки уговорил его, сказав, что он сможет утешить семьи, остающиеся без отцов. И Лева поехал в этот поселок. Там действительно оказалось много верующих. Узнав о его приезде, в молитвенном доме собралось много людей. Лева много не говорил, только вместе с ними, встав на колени, со слезами молился Богу, чтобы заступился, чтобы защитил народ свой. Дух говорил Лева: "Не бойся, возвещай!"

И он, открыв Библию, громко прочел историю Есфири, о верности Мардохея, о молитве народа.

- Мы верны, - говорил Лева. - Мы никогда не будем врагами советской власти, мы самые верные, преданные граждане, как Мардохей. Но поклоняемся мы только одному Богу. Злой Аман неверия решил, что вера не нужна, мы обречены на уничтожение; Выход один: вопиять, молиться Богу и не роптать, зная, что за грех нам послана скорбь для у беления и очищения...

Вопли горячих слезных молитв вознеслись к небу, прося дать силы быть верными, чтобы не исчез народ Божий, чтобы сохранилась вера на земле.

Глава 12. Диотреф (Ташкент)

В Ташкенте был огромный молитвенный дом. Собрания проходили по воскресениям и в будни, и всегда дом был переполнен. Большой стройный хор пел чудесно. Проповедников было более, чем достаточно: пресвитеры, благовестники из разных мест России бросали свои "стада" и бежали в Среднюю Азию, где тогда верующих почти не преследовали. Когда Лева приехал в Ташкент, он встретил там многих братьев, которые, оставив дело Божие, покинули Поволжье. Здесь редко приходилось им проповедовать хватало и местных проповедников и, как выразился один брат, они стоят в очереди перед кафедрой, как в магазине за хлебом.

- Почему вы оставили свое дело, покинули Поволжье? - спросил Лева виднейшего благовестника Волге-Камского союза Кудюрова, которого он уважал за его сильные, красноречивые проповеди.

- Не о спасении душ человеческих сейчас приходится заботиться, - сказал "благовестник", - плетью обуха не перешибешь...

Больно стало Лева слышать эти слова, ведь написано: "Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее". Впоследствии Лева узнал, что эти слова подтвердились в жизни многих, в том числе и Кудюроза, которого оставил Дух Божий, и он стал пьянствовать. Правда, пришел момент, когда он горько раскаялся в своем падении, но стать благословенным тружеником уже не смог.

Встретил Лева и других благовестников с Поволжья, которые горели огнем служения Господу и скоро пошли на страдания, и, как слышно, многие из них в узах почили.

- А, брат Лева, маленький Лев! - приветствовал его словами и поцелуем брат Крыжановский, пресвитер местной общины, он же председатель Среднеазиатского союза баптистов. Это был весьма благообразный старичок, полный, среднего роста, с огромной белой бородой, расходящейся направо и налево. Он бывал в Самаре проездом, бывал и в доме родителей Левы и там видел его. Лева знал, это го пресвитера и сначала слушал его проповеди, восхищался им. Но когда увидел его действия, разочаровался в нем. Лева не признавал лжи, а во время пребывания Крыжановского в Самаре искали какого-то человека с длинной бородой. Крыжановский поспешил скрыться, уговаривал братьев в случае чего указать, что он уехал в противоположную сторону. Это был обычный принцип, усвоенный многими, в том числе и старообрядцами, - "ложь во спасение". Однако большею частью искренно верующих людей этот принцип отвергается, как не соответствующий внутренней установке безусловной праведности.

В кабинете при молитвенном доме сидели двое: благообразный старец с длинной бородой, очень хорошо одетый - Крыжановский и худенький невзрачный юноша, восемнадцати лет, в синей, с белыми полосками

рубашке, подпоясанный узким ремнем - Лева. Пресвитер участливо расспрашивал его о жизни. Лева рассказывал ему о том, что он посвятил себя посещению заключенных, желая исполнить слова Христа: "В темнице был, и вы посетили меня". Рассказывал о том, как много теперь братьев находится в горе, нужде. Лева видел, как лицо председателя Среднеазиатского союза становилось все менее приветливым. Он беспокойно заерзал на стуле, глаза его выражали страх. И наклонившись почти к самому уху Левы, он старчески зашептал:

- Я понимаю, что братья страдают, понимаю, что они в нужде, но дело Божие дороже всего. У нас каждое собрание собирает тысячи рублей, но я ни копейки не дам для заключенных.

- Да я у вас и не прошу ни копейки, - нахмурившись, сказал Лева.

- Нет, ты, брат, пойми, не огорчайся, - и он отечески положил руку на плечо Левы. - Ведь если я помогу заключенным, власть узнает, молитвенный дом закроют, а сколько жаждущих Слова Божия, какой хор поет! Что с ними будет?

Лева ничего ни отвечал. Ему было страшно больно от этих рассуждений, он чуть не плакал. Нет, не понимаешь, - продолжал пресвитер кротким голосом, - ведь узнают, что я помог заключенным да еще и меня посадят. А я ведь нужный человек делу Божию, председатель, понимаешь?

- Понимаю, - прошептал Лева и смахнул пальцем набежавшую на глаза слезу.

Вечером, находясь в одиночестве на квартире Лышенкова. Лева стоял перед Богом и изливал перед Ним свою скорбь. Он не видел героев веры, жертвенно идущих на страдания за дело Христа и Евангелия. Все говорили о какой-то "осторожности", никто не хотел страдать ради дела, за которое лилась кровь Спасителя. Лева и не мечтал, что он соберет большую материальную помощь заключенным верующим: личных средств не было, а только жизнь, и все, что он мог сделать, - это отдать свою юность, чтобы как-то утешить, порадовать скорбящих.

- Иисус, - молился он, ;~~ помоги мне не смотреть ни на кого, не смущаться ничем, идти за Тобою, по Твоим следам. Держи меня за руку, я так одинок... И нужно сказать, что как в то время, так и впоследствии, неблагоприятные поступки столпов церкви не поколебали веру Левы, Он смотрел только на Христа, верил только Ему.

Скитаясь, он скоро узнал, что молитвенный дом в Ташкенте закрыли и что Крыжановский влачит жалкое существование, торгуя на базаре и в киоске... антирелигиозной литературой.

Глава 13. "Подумай, парень!"

"...И не введи нас во искушение".

Мтф. 6:13

Поезд двигался из Ташкента в Россию по пустынным, песчаным местам. Это был просто пассажирский поезд, переполненный людьми, известный в народе под названием "Максимка". В вагонах было душно, жарко. Несмотря на то, что окна были открыты, табачный дым от множества курящих наполнял воздух.

Лева стоял у окна и всматривался в песчаные безводные дали, думая о тяжести жизни в глуши, на которую были обречены ссыльные. Теперь он ехал в заброшенный среди степей и пустынь казахский городок У ил, где находились в ссылке лучшие представители самарской христианской молодежи. Это место еще во времена царствования князя Голицина называли помойной ямой. Туда теперь ссылались преступники. И там недавно находились близкие сердцу - Валя Алексеева, Коля Иванов, Коля Бондаренко. А теперь из письма Лева узнал, что Коля Бондаренко уже отошел в вечность, Валя Алексеева больна туберкулезом и находится при смерти. Лева надеялся застать ее в живых, а также хотел посетить могилу Коли.

В Ташкенте у Левы созрел план издания журнала "Вестник изгнанника". Он уже закупил бумагу и сложил ее у Лышенкова. В общих чертах он нарисовал и обложку будущего журнала, где изображался вестник, который с котомкой за спиной, опираясь на палку, идет по дороге к изгнанникам. В этом журнале он намерен был осветить вопросы страдания ссыльных и заключенных, состояние общин и чудную руку Божьей помощи, оказываемой всем верным Его.

Об этом журнале он хотел посоветоваться с Колей Ивановым, бывшим студентом Самарского педагогического института, тоже сосланным за веру.

- Что-то ты задумался, парень! - сказал сидящий на мешке бородатый старичок. - Куда едешь?

- Да, вот до станции Ак-Булак.

- Что, родные там?

- Нет, никого родных...

- Так что же ты в такую пыльную дыру направился? Работать, что ли? Я в этих местах бывал.

- Да нет, я туда проездом, потом поеду в Уил.

- В Уил? - на лице старика отобразилось удивление. - Какая нелегкая тебя туда несет?

Лева взглянул на открытое лицо старика, его добрые спокойные глаза, и ему захотелось поделиться с ним.

- Да вот там родные мои по вере, - сказал Лева.

- Да ты кто будешь? Уж не баптист ли?

- Баптист, - спокойно ответил Лева.

- Знаю я этих людей, у нас в Тамбовской области их много. Хорошие люди. Только зачем ты едешь к ним, в Уил - то?

- Они сосланы туда, посетить хочу.

- Доброе дело, - сказал старик. - Но невозможное. Добраться туда в такую жару - смерть. Дорогой хлеба не найдешь ни крошки. Кругом разные разбойники, киргизы грабят, убивают.

Сидевший на соседней лавке молодой человек кивнул головой, как бы соглашаясь со стариком, и сказал:

- Я недавно был в тех местах. Хлеб вывезли подчистую, люди уезжают оттуда, иначе - голодная смерть.

- Ты, парень, вот что, - сказал старик, закуривая трубку, поезжай-ка к нам, в Тамбовскую область, там братья твои живут неплохо и хлеб есть, будешь жить припеваючи.

- Я не хочу жить припеваючи, - улыбнулся Лева.

- Как - не хочешь? Рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше. Ага, - засмеялся старичок, - так ты на небе ищешь теплого местечка! Царство Божие хочешь заработать себе добрыми делами? Ведь я знаю Писание-то.

- Нет, нет, - сказал Лева. - Мною движет желание выполнить волю Божию, любовь к людям. И я знаю: Царство Божие мы получаем только по милости Голгофской жертвы Христа...

В это время поезд остановился и пассажиры высыпали из вагонов, чтобы немного поразмяться. Вышел и Лева со стариком. Стоя у двери вагона, старик наставлял Леву:

- Подумай, парень! Подумай! Вот как здесь солнце печет, и ветер какой жаркий, песок и пыль бросает, точно так и в Ак-Булаке, а к У илу еще хуже будет. Подумай, парень, не губи себя, поезжай-ка в Тамбов.

Когда подъезжали к Ак-Булаку, вошли новые пассажиры. Узнав о намерении Левы, они все согласно утверждали, что это невозможно.

- Хлеба-то нет, - доказывали они ему. - Воды и то, не всегда найдешь.

Но Лева нисколько не колебался. Он твердо верил, что Бог, пославший его, силен помочь ему во всех трудностях. Он слез с поезда на станции Ак-Булак и пошел по адресу искать брата по вере. На улицах было безлюдно из-за зноя, пыли, поднятой ветром. Вот и дом, который он ищет. Постучался.

- Войдите! - послышался голос. Лева вошел и сказал: "Мир вам!"

Сидевший за низеньким столом человек с колодкой в руках, видимо, сапожник, встал и обнял гостя:

- С миром принимаем! С миром принимаем!

Помолились. Лева изложил брату свое желание - попасть в Уил для посещения ссыльных.

- Не знаю, что и сказать, - промолвил брат, - убирая работу. Дело трудное очень. Сам я не ездил туда, но, говорят, дорога трудная. А сейчас и хлеба нигде нет. Мы тут на станции едва достали.

- Подумай, брат, может быть, не пойдешь? Слишком опасно.

- Нет, - сказал Лева. - Все уже обдумано. Он Сам сказал, что не оставит и не покинет меня, и Он силен провести меня и через пустыню.

Глава 14. Хождение по мукам (В пустыне Туркестана)

"Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся..."

2 Кор. 4:8

Видя непреклонность Левы, брат-сапожник, взялся ему помогать. Он послал жену купить хлеба и сказал ей, чтобы немедленно затопила печь - сушить сухари. Сам пошел к знакомому, который когда-то бывал в Уиле, и вернулся от него с целым списком деревушек, аулов, через которые нужно пробираться, чтобы достигнуть Уила.

Жена брата была истинная христианка. Узнав о предстоящем трудном пути Левы, она с восхищением смотрела на него и поспешила, достав хлеб, пересушить его на сухари. Большой мешок привязали Леве на спину, но брат утешил, что с каждым днем он будет все легче.

- Ведь этими сухарями угостишь и ссыльных, у них тоже, верно, хлеба нет.

Свой вещевой мешок Лева оставил у брата. Рано утром сапожник разбудил его. Было решено отправиться пораньше, пока солнце не так печет. Помолитесь. Позавтракали. Попрощались.

Лева имел вид довольно-таки странный. С фляжкой и полевой сумкой через плечо, в которой была Библия, со скаткой пальто, перекинутой через другое плечо, он напоминал воина, а с огромным мешком с сухарями был похож на пилигрима с мешком грехов за спиной, по Джону Буньяну.

Километр за километром он шагал бойко и бодро. Солнце поднималось все выше и выше. Жгло. Вперед, несмотря ни на какие преграды! Там ждут его ссыльные!

Местность была холмистая, пустынная, ни дерева, ни кустика. И вдруг он заметил, что эта местность не совсем совпадает с рассказом брата. Давно уже должна быть деревушка, но ничего нет. На его счастье вдали показалась лошадь, запряженная в телегу.

Проезжавший мужичок объяснил ему, что он вышел не на ту дорогу, что нужно идти гораздо левее. Там будет дорога, которая приведет к названному Левою селу. Шагая по бездорожью, обливаясь потом, он молил Бога укрепить силы его нести этот тяжелый мешок. Болели плечи. К вечеру он добрался до села, в котором по плану должен был переночевать.

Когда он развязал мешок и стал пить чай с сухарями, подошли дети хозяина дома. Они с жадностью смотрели, как он ел сухари.

- У вас нет хлеба? - спросил он.

- Давно не видим, - сказала хозяйка постоялого двора. Лева угостил детишек сухарями. По их худеньким лицам он видел, что они недоедают.

Переночевав на дощатом диване и наполнив фляжку холодной водой, рано утром он двинулся дальше. Болели ноги, непривычные к большим переходам. Болели плечи от тяжелого мешка. Лева не унывал, он шел, шел... Как трут плечи эти лямки! Он посмотрел на правое плечо и увидел, что лямка перетерла рубаху. Жарко. Душно. Все время потеешь, пить хочется. Рубаха пропиталась солью от пота. Лопнула одна лямка, он связал ее. Лопнула другая. Он связывал их, но материал, оказался непрочным, распозался. Можно было прийти в отчаяние, но Лева не унывал. Он вытащил два носовых платка, которые у него были, и очень удобно их приспособил. Платки раздвигались, облегли все плечи и не так резали. Он еще засветло дошел до следующего села, где хотел переночевать.

От зноя и напряженной ходьбы щеки у Левы ввалились, лицо потемнело. А постоялого явора в селе не было, пришлось проситься на ночлег. У избытки сидела пожилая женщина. Подошел:

- Здравствуйте! Разрешите переночевать...

- Проходи дальше. Много вас здесь шатается...

Видимо, вид Левы не внушал доверия. И не мудрено. Штаны на коленях потерлись, зияли дыры. Подошел к другой избе:

- Проходи дальше, - послышалось там,

Горько, больно, обидно стало, Но он вспомнил Спасителя, Который скитался по земле и не имел места, где преклонить голову. Вспомнил, что также не принимали и Христа, и ему стало легче.

Наконец, в одной избе ему разрешили переночевать в сенях.

И опять с раннего утра он встал и пошел. Питался он лишь сухарями и водой. Силы уменьшались, а впереди был еще длинный путь,

Русских селений становилось меньше, появились казахские. Однажды он остановился отдохнуть в небольшом поселке, Одна добрая женщина разрешила ему посидеть в ее избе. Лева немного задремал. Она разбудила его: "Вот я напекла лепешек, покушайте немножко".

- Спасибо, спасибо, - говорил он, - у меня сухари есть.

- Ну, что на сухарях... Покушайте лепешки, они -- не на свином сале. Лева все же отказывался.

- Да я вам правду говорю, что они - не на свином сале.

Лева съел две лепешки и поблагодарил Бога и женщину, а затем спросил:

- А почему вы мне сказали, что они - не на свином сале?

- Да я вижу, вы татарин, а татары свинину не едят.

- Нет, я русский, - сказал Лева.

И он понял, как обожгло его солнцем и ветром.

Всего ему нужно было пройти от железной дороги до Уила, как говорят, 250 километров, но в сущности, дорогу никто точно не измерял. Спрашивает он казаха, сколько до Уила?

- Если на хорошем верблюде поедешь, то тридцать верст, а на плохом - сорок.

А пешком, с грустью подумал Лева, все пятьдесят будет.

Местность стала каменистой, дорога вилась узкой, серой лентой, сливаясь с горизонтом. Это был, как говорили казахи, самый трудный участок дороги. Лева экономил каждую каплю воды в фляжке. Солнце поднималось все выше и выше, невыносимо пекло. А он шел и шел.

Вокруг ни одного человека, ни единого кустика. Как будто царство смерти. Силы покидали его. Пройдет версту и ляжет на раскаленную землю, от жгучих лучей солнца пальто накинёт на голову. Потом привалы стали все чаще. Страшно хотелось пить. И вдруг он увидел высоко над собой четырех горных орлов. Они увидели жертву. Вот все ниже и ниже спускаются хищники, кружатся. Лева собирает последние силы, идет... И падает Хищники все ниже! Вот один из них, словно камень, падает и, шумя крыльями, пронесется над ним. Лева слышал, что они прежде всего выклеивают жертве глаза. Он в ужасе закрывает голову пальто и зовет к Тому, Кому покорны все стихии... И орлы поднимаются все выше и выше и улетают от него.

Но идти сил, кажется, уже нет. Зной нестерпимый. Так страшно хочется пить! Он уже несколько раз открывает фляжку и смотрит, не осталось ли там хоть капли воды. Волы нет. Хотя бы смочить губы, хотя бы каплю воды! Но кругом лишь безжизненное пространство каменистой пустыни! Где взять воду? Солнце еще высоко и ужасно палит! В голосе проносятся вихрем мысли о смерти.

- Господи! Неужели погибнуть здесь, в безводной пустыне? Но ведь Ты можешь из скалы высечь воду. Кругом дали, десятки километров, и никаких признаков воды.

Лева вспомнил из прочитанных книг, как умирали путешественники в пустыне без воды. Видимо, такова и его участь. Запекшиеся губы прошептали еще раз:

- Господи!!!

Он встал и сделал несколько шагов, сам понимая, что они бесполезны. И вдруг увидел за бугром в овраге казахскую кибитку, человека.

Собрав последние силы, он направился туда. Казахи заметили его, они сразу поняли, что ему плохо.

- Пить, пить! - кричал он, что есть силы. Они вынесли ему навстречу ведро с водою. Он сел на землю, обхватил ведро руками и пил, пил, пил...

Бог дал ему воду в пустыне. Он был спасен.

Глава 15. Облегчение

"Благодать для благовременной помощи".

Евр. 4:16

С каждым глотком выпитой воды к Леве возвращалась сила. В тени юрты он хорошо отдохнул. Казахи понимали и говорили по-русски. Они сказали ему, что недалеко отсюда находится селение, где живут русские немцы, и иногда они ездят в Уил. Поблагодарив казахов и поделившись с ними сухарями, Лева на другой день направился к этому селению.

Когда он пришел туда, то был очень удивлен. Окна домов были заколочены. Никаких признаков жизни. Он шел, не встречая ни одного человека, не слыша собачьего лая. Все как будто вымерло.

В конце села он увидел толпу людей. Стояли повозки с разным домашним скарбом. Видимо, люди уезжали. Тут же шел и торг-базар. Он подошел ближе. Продавали корову. "Почем?" - спросил он. - "Три рубля", - ответил юноше высокий крестьянин.

- Ого! - подумал Лева. - Если купить корову и сесть на нее верхом, то можно доехать до Уила. Но тут же сообразил, что кормить корову дорогой будет абсолютно нечем, и эта идея передвижения на корове, разумеется, неосуществима.

Поодаль стояло несколько человек. По их акценту Лева догадался, что это немцы.

- Пойду, спрошу их о дороге в Уил, - подумал он.

- Вы не знаете, как добраться до Уила? - спросил он.

- Это трудно, - сказал один из них. - Дальше начнутся пески, и можно пробраться только на верблюде или арбе. А зачем вы хотите туда, молодой человек?

- Там у меня есть родные, ссыльные.

- Кто они такие?
- Верующие. Евангельские христиане-баптисты.
- Так вы брат будете?
- Да, да, - ответил Лева.

Стоявшие бросились обнимать и целовать его.

- Брат, дорогой, а как вы сюда-то попали? Как доехали?
- С Божьей помощью пешком из Ак-Булака.

Подошли женщины и стали говорить что-то по-немецки. Тут же он увидел, как одна из них сняла с повозки маленькую мельницу и стала молотить зерно. "Это они для меня стараются", - подумал Лева. И действительно, скоро его угощали кофе с молоком и лепешками.

Хорошо говоривший по-русски пожилой брат сказал: Мы сегодня собираемся уезжать отсюда; здесь страшный голод, русские уже уехали. Еще бы день, и ты бы нас не застал. Сейчас у нас будет молитвенное собрание, и ты будешь говорить слово с переводчиком: у нас мало кто понимает по-русски.

В большом, хорошо сделанном доме, увешанном текстами на немецком языке, собрались верующие. Раздалось стройное пение торжественного гимна. Потом их проповедник прочитал что-то из Библии. Предложили выступить Лева. Он открыл книгу "Есфирь" и говорил о необходимости молиться и уповать на Бога. Переводчик сразу же переводил его слова. После все горячо, со слезами молились. По окончании собрания к нему подошел один из немцев и на ломаном русском языке объяснил, что у него есть знакомый казах, который сегодня на арбе будет ехать в У ил и согласился взять его с собой. Это было большой радостью для Левы, Пospешно простившись с братьями и сестрами, которые вышли провожать его, он влез на арбу. Казах, весь закутанный в несколько ватных халатов, с огромной меховой шапкой на голове, повязанной белым платком, дружелюбно кивнул ему, и арба покатила. Понукаемая окриками степная лошаденка бежала бодро. К закату солнца они добрались до какой-то речушки, которая, как ручей, текла среди песков. Кругом не было растений и никаких признаков жилья. Отдыхали под открытым небом. И тут, среди этой безжизненной природы, наблюдая закат солнца, Лева почувствовал красоту пустыни.

- Как у вас хорошо здесь! - сказал Лева.

- О, у нас самый лучший край! - воскликнул казах. - Овца, баран, есть кумыс, джаксы! Хорошо!

С молитвой к своему лучшему Другу, Который так дивно облегчил его путь. Лева заснул, Утром казах вскипятил чай. достал овечий пузырь, наполненный сливочным маслом, вылил часть масла в чай и с наслаждением стал пить.

- Попробуй, - сказал он Лева, - Очень хорошо Лева попробовал и хотел сказать, что "очень плохо", но воздержался. Он пил чай с сухарями и находил это вкусным. Потом он достал свою неизменную спутницу - Библию и стал читать чудесную главу пророка Исаяи, где говорится, что пустыня будет, как сад. Лева молился о бедных казахах, сердца которых были пустыни. Они не знали Христа и так нуждались в том, чтобы свет Евангелия озарил их.

Лева и казах поехали дальше, по песку дорога была трудная. Солнце жгло. Лева расстегнул рубашку и изнывал от жары. Казах, укутанный в халаты и шапку, посмотрел на него и сказал:

- Что ты не оденешься, неужели тебе нежарко?

Лева надел пальто и, действительно, ему стало прохладней, К вечеру вдали на одном из холмов показались очертания каких-то построек.

- Уил, - сказал казах, указывая кнутом вперед.

Словно затерянный, забытый, стоял на берегу речки Уила одинокий казахский городишко У ил, начинающийся и исчезающий в песках. С давних пор он был местом казахских ярмарок. Сюда кочевники сгоняли для продажи свои стада, здесь же торговали кожей, мясом.

Сердце Левы лиховато, цель была достигнута. Он тихо пел:

РoetryИ когда от болей жгучих

Я устану на пути,

На руках Твоих могучих,

Верю, будешь Ты нести...

Глава 16. Что стало с Вале́й

"Мы надеемся, что вы в лучшем"

Простившись с казахом, Лева медленно шел по незнакомым улицам. Непривычно низкие дома. В глаза бьет поднятая ветром пыль. Почти никого не видно. Однако Лева не замечал всего этого убожества. Сейчас он увидит Колю Иванова, этого чудесного юношу, который самоотверженно пошел за Христом и, не закончив образования, попал в узы. Сейчас он увидит Валю Алексееву. Ведь именно она привлекала его к работе среди молодежи. Ее самоотверженный труд среди больных, ссыльных всегда вызывал восхищение у Левы. Нужно сказать, что он любил и уважал ее больше всех из молодежи. Он знал, что Коля Иванов и Валя Алексеева с тех пор, как начались страдания, особенно полюбили друг друга. Некоторым, в том числе и Лева, было известно, что их сердца принадлежат друг другу. И вот они попали в ссылку вместе. Некоторые писали им, чтобы они поженились, дабы не было искушения. Коля Иванов отвечал, что это невозможно, потому что Валя больна, почти при смерти. И вот теперь он увидит их, утешит, порадует. Из дома вышел какой-то парень.

- Послушайте, товарищ, вы не знаете, где живет Валя Алексеева?

- Знаю.

- Скажите, пожалуйста, ее адрес.

Парень усмехнулся, сказал:

- Можно. Я с ней дружу, хорошая деваха!

Этот тон и слова насторожили Леву, Какая может быть у Вали дружба с этим человеком? Что-то странное!

- А хотите, я вам ее фотографию покажу? - спросил незнакомец и вытащил из кармана портмоне. - Вот, посмотрите.

Снимок был неважный, черты лица трудно различить, но то, что увидел Лева, ужаснуло его. У Вали были прекрасные длинные косы, а тут он увидел лицо с обрезанными волосами.

- Что стало с Валей? - чуть не воскликнул он. - Неужели эти испытания так ее изменили? Неужто Валя теперь другая?

Было больно, горько сознавать это. Между тем парень объяснял:

- Пойдете прямо, потом налево, там во дворе большой дом, в нем она живет.

Лева быстро нашел этот дом. Постучал.

- Войдите! - раздался голос. Он вошел и остолбенел. Перед ним на больших длинных нарах лежали и сидели полуобнаженные девушки. Кто причесывался, кто шил, кто готовил.

- Мне бы Валю Алексееву, - сказал Лева.

- Эй, Валько, вставай! - крикнула какая-то толстуха.

В углу комнаты кто-то, зашевелился, сердце Левы совсем упало. К нему подбежала какая-то стриженная, низкого роста девушка и сказала:

- Я - Валя Алексеева, - что вы хотите?

- Нет, вы - не Валя Алексеева, - сказал обрадованный Лева.

- А-а, протянула девушка, - есть другая Валя Алексеева. Она живет на следующей улице с Колей Ивановым. Могу проводить вас к ней.

Впоследствии Лева узнал, что он попал в дом, где жили девушки, высланные из Ленинграда за аморальное поведение. Та, которую называли Валей Алексеевой, решила проводить Леву до квартиры, где жила ее тетка. Дорогой она жаловалась Лева:

- Ну и жизнь тут! Могила тут! Хлеба нет и зелени нет, и мужчин очень мало.

- Что же, что мужчин мало? - спросил Лева.

- Да мы из Ленинграда, там их много, хорошо нам жилось. А тут тоска: ни выпить, ни погулять. Голод. Так вот одна за другой и умрем. Проклятье! - сквозь зубы произнесла она, зло и уныло смотря на песок дороги. Налетел ветер, бросил пыль в глаза идущим. Девушка, протирая глаза, произнесла какую-то ругань.

- Эх, очки забыла полевые, тут без них невозможно. Где же ты родной, любимый Ленинград? Вы не бывали в Ленинграде?

- Нет, не бывал.

- Побывайте, там хорошо можно заработать...

Она остановилась возле небольшого полуразрушенного деревянного дома.

- Вот тут она живет. Идите один, я уж не пойду. Не могу смотреть, как мучается, бедняжка. Ведь у нее туберкулез, скоро помрет. Да, забыла спросить, вы кто ей - родственник?

И она с некоторым пренебрежением посмотрела на Леву.
Его истощенный, потрепанный вид не был привлекателен.

- Брат ей, - сказал Лева.

- А, брат! Я слышала, она говорила нашим мошенницам, что брат ее тоже жулик, так вы видно из заключения бежали?

- Нет, я не тот брат, другой, - сказал Лева. Распрощавшись с девушкой, он тревожно вошел во двор и постучал в низкую дощатую дверь, ведущую в дом.

Глава 17. Живые мощи

*"Те, которых весь мир не был достоин,
скитались по пустыням..."*

Евр. 11:38

Ответа не было. Он потянул за щеколду. Дверь отворилась. Вошел в сени. Постучал в следующую дверь. Послышался кашель:

- Войдите!

Это был родной, близкий голос. Да, там, за дверью, была Валя, Валя, с которой он имел столько радостей в служении Господу. Она отдала Богу все, что имела. И сейчас он увидит ее. Он открыл дверь, шагнул и замер на пороге. Там у стола, на кровати, сидела она, или вернее, то, что осталось от нее. Когда-то он знал ее энергичной, сильной, с пухлыми румяными щеками. Теперь на него смотрело до боли знакомое, но худое лицо, казалось, обтянутое кожей, губы и щеки были другие, не ее...

Она протянула навстречу ему руки, худые, изможденные. Лишь волосы прежние - длинные, заплетенные в одну косу, украшали ее голову. А на плечи, несмотря на страшную духоту и жар в комнате, была наброшена та же серая пуховая шаль, которую он видел на ней в прежние годы.

- Лева, Лева! - воскликнула она, - какими судьбами? Не сон ли это?

Она встала, попыталась пойти ему навстречу, но мучительный кашель остановил ее. Она оперлась о стол рукою, прикрыла рот платком и долго надрывно кашляла. Лева смотрел на нее, на эту мученицу христианку и глубокое восхищение и почти благоговение наполняло его сердце.

- Да, да, - подумал он, - она отдала все, что имела. Ведь он так хорошо знал и сам был свидетелем того, как самоотверженно трудилась на Волге. И не только там. Ведь она ездила даже в далекую Сибирь, сопровождала семью ссыльных. И вот теперь догорала. Когда-то люди ходили, посещали святые места, их обманывали фальшивыми мощами, и народ слепо верил обману и восхищался "подвижниками". Теперь же перед Левою была сама истина жизни. Валя пожертвовала собой ради светлого, самого лучшего, что знает человек, - учения Христа.

И только один вид этой мученицы, этих живых мощей, поднял в душе его еще большее стремление следовать ее примеру ради ближних, как учил Христос. Он подошел к Вале и пожал ей руку. "Лишь бы кровь не пошла", - тихо прошептала она. Лева опустил на колени и, смотря в окно, через которое сквозь разбитое стекло виднелось жаркое безоблачно небо пустыни, произнес:

- Господи, благодарю, благодарю Тебя, что Ты помог мне добраться до этого места и увидеть Валу в ее горе и болезни. Благослови увидеть и остальных и порадовать их. Будь с нами, ибо Ты видишь желание мое исполнить слово Твое: "Был в темнице, и посетили меня", "был болен, пришли ко Мне". Голос его задрожал и он окончил молитву словами: "О, Господи, если бы Ты мог исцелить Валу!"

Валя тихо произнесла несколько слов благодарности Богу за их свидание и прилегла. Она приняла какие-то порошки, что были на столе, и ей стало легче.

- Ну, где же Коля? - с беспокойством спросил Лева.

- Коля на работе, - ответила, покашливая, Валя. - Господь помог ему устроиться счетоводом туда, где принимают кожи. Теперь мы имеем немного денег и можем покупать мясо.

- А как же с хлебом? - спросил Лева.

- Не видим давно,

- Совсем не видите?

- Совсем не видим.

- А сухари?

- Сухарей тоже давно нет.

- Так вот, - сказал, улыбнувшись, Лева, - в этом мешке сухари. Я все-таки почти полмешка принес.

- Спасибо, спасибо, - сказала Валя и тоже улыбнулась. - А вид-то у тебя, Лева, неряшливый. Видно, ты штаны не умеешь чинить.

- Заплаток не было, - смущенно сказал Лева.

- Ну, я почию тебе все. Как ты вырос, большой стал! Да и голос какой-то другой, медленный, степенный.

- Это от переутомления, - сказал Лева.

- Ну, а теперь, ты видишь, я устала, хозяйничай сам. Тут моя посуда стоит, а вон там - Колина. Так вот, бери Колину и чайник на таганке, разогрей чай и пей.

Лева быстро приготовил чай, но сказал, что один пить не будет. Они вместе пили чай с сухарями, но как Лева ни угощал Валю, она ела мало, едва дотрагиваясь до всего.

- У меня аппетит плохой, ничего не поделаю с собой, - оправдывалась она.

- Вы что же здесь, без хозяев живете?

- Да, хозяйева в соседнем доме, а этот нам отдали.

Валя предлагала Лева лечь отдохнуть в соседней комнате на кровати Коли, но он категорически отказался:

- Не привык днем отдыхать, сплю только ночью.

Тихо, спокойно, как ручей, текущий по равнине, лилась их беседа. Валя больше расспрашивала, как Лева живет, и он рассказывал о своих путешествиях, встречах, стремлениях.

- Да, чуть не забыла! - сказала Валя, слушая его, - ты неправильно в молитве упомянул, что я в горе. То, что я - в болезни, это так, но не - в горе. Хочу сказать тебе, Лева, все, все, откровенно. Ты знаешь меня, я от души полюбила Господа. Как мы работали, ты знаешь. Хотя ты моложе нас, совсем еще мальчик и недавно присоединился к нам, но ты видел, что наша молодежь была как дружная, любящая семья.

- Да, такой молодежи не найти! - сказал с восхищением Лева. - Вы полюбили только Господа. И какой бы грязью вас ни поливали, она к вам не пристанет.

- Так вот, Лева, я хочу открыть тебе всю душу, - сказала Валя. - Ты помнишь, меня: я была энергичная, здоровая девушка. Когда я вступила в союз студенческой христианской молодежи, а потом пришла к баптистам, идеи Христа захватили меня. Я жила мыслью о помощи ближним, больным. Некогда было даже есть: после работы перехвачу кусок хлеба и бегу посещать больных или еще что...

- Валя, Валя! - воскликнул Лева. - Когда я отдался Христу, ты была для меня примером, образцом.

- Так, вот, хочу сказать тебе, - продолжала Валя, - что я - плохой пример для подражания. Я пренебрегла питанием, отдыхом, и вот развился туберкулез. Теперь уже нет надежды на выздоровление... Но не об этом я думала с тобой поговорить. Я хочу сказать, что я совсем не в горе. Когда разразилась гроза и наших стали направлять в Сибирь, в Соловки, я молила Господа об одном: чтобы мне быть с Колей. Ведь ты знаешь, как я полюбила его и как он меня...

- Да, я знаю, - сказал Лева и несколько потупился. Ему совершенно не нравилось это. Он считал, что не время теперь заниматься любовью, не время думать о семейных гнездах. Нужно все, все отдать на алтарь служения Христу...

- И вот, - продолжала Валя, - Господь услышал. Получилось так, что мы оказались вместе в этой далекой ссылке в Уиле. Кто мы? Жених и невеста, как многие думают? Нельзя так сказать, ведь я - умирающая, мы не имеем надежды на совместную жизнь, на семью. Но любовь Коли делает закат моей жизни таким лучезарным...

- Валя, - ответил Лева, - Бог милостив, выздоровеешь.

Она отрицательно покачала головой, закашлялась и протянула ему бумажку. То было заключение местных врачей о том, что пребывание ее в условиях Уила смертельно, и ходатайство их о переводе ее в иное место ссылки с лучшим климатом.

- Так вот, - сказал, оживляясь, Лева, - тебя переведут и ты поправишься.

- Ответ уже получен, - сказала Валя, и в ее голосе не было ни грусти, ни сожаления. - ОГПУ запретило переводить меня отсюда. А я сказала: "Слава Богу", ведь куда я поеду от Коли? Он мне заменяет и отца, и мать, он самый близкий друг, посланный от Бога. Вот жду, когда придет он с работы. Правда, теперь уж я не могу ничего сама готовить, он все делает. Он такой любящий, такой хороший. Все время говорит, что я для него не бремя, а радость в жизни.

Лева слушал и думал, что если к любви Божией присоединяется любовь человека к человеку, то, возможно, это не так плохо. Как ни предлагал Лева Вале перестать разговаривать и отдохнуть, она не могла

этого сделать. Ее впалые щеки покрылись лихорадочным румянцем, видно было, что ее тело горит в туберкулезной лихорадке, но душа горит в другом огне, огне любви к Богу и ближним. К вечеру пришел Коля. Он вошел в комнату теми же быстрыми шагами, как делал это раньше, и, не замечая Левы, обратился к Вале:

- Вот смотри, удачно сегодня получил без очереди, не задержался. - И он положил на стол два кулечка - "фунтика" с пшеном. Это то, что ГПУ ежедневно выдавало ссыльным, чтобы они не умерли с голода.

Заметив стоявшего в углу Леву, Коля бросился к нему:

- Вот друг, вот друг! - воскликнул он, обнимая Леву. - Доходили до нас слухи, что ты посещаешь ссыльных и заключенных, но не думали видеть тебя в наших краях. Молодец!

- Какое "молодец"! - возразил Лева. - Просто меньший ученик Христа" ничего не стоящий, делающий то, что должно делать.

- Да, - сказал Коля. - Если бы все делали то, что должно делать, то давно бы земной шар был цветущим садом.

Лева с большой радостью смотрел на Колю. Он и духовно, и физически был тот же. Полный сил, бодрости, верящий в то, что в жизни главное - вера, надежда, любовь. Друзья провели чудный вечер. На столе горела керосиновая лампа, лежала открытая Библия. Коля и Лева, сидя друг против друга, открывали места Священного Писания и с жаром рассказывали о своих надеждах, стремлениях. Валя лежала в постели, не сводя глаз с друзей, и лишь иногда вставляла свои замечания. В этот вечер они особенно много читали послание Петра, радуясь, что детям Божиим приходится страдать, как христианам. Они даже спели известные гимны:

РодуЗа евангельскую веру,
За Христа мы постоим,
Следуя Его примеру,
Все вперед, вперед за Ним...

Затем еще спели

РодуЯ не стыжусь возвещать умершего Христа,
Его веленья защищать и мощь Его креста...

Пел в основном Коля, Лева подпевал. Валя же просто слушала. В заключение Коля прочел слова: "Время начаться суду с дома Божия" (1 Петра 4:17). Он подчеркнул мысль, что все события, которые произошли с разными общинами верующих, эти гонения, которые обрушились на христианскую молодежь Поволжья, имеют исключительное значение. Это суды Божий.

- Не так мы вели дело Божие, - говорил Коля. - Много набралось мякины в сердцах наших. И вот суд Божий над нами. Лопата Его в руке Его. Лопата - это власть, которая есть слуга Бога, через которую Господь испытывает детей своих. Он очистит гумно свое, пшеницу соберет в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым. Слушая Колю, Лева думал: Никогда ведь у нашей молодежи не было ничего, против власти, никогда плохого слова я не слышал ни от кого из них, но почему, почему так их оклеветали?

И словно голос свыше ответил ему: "К злодеям прирчен был", "меня гнали, и вас будут гнать". В сознании вновь прозвучали слова, пропетые Колей:

РодуРадуясь, носим бесчестие мира,
Чтобы исповедывать имя Христа.
Лишь на Него мы глядим с упованьем, -
Славят хвалой Его наши уста.

- А скажи, Коля откровенно, - обратился к нему Лева - не жаль тебе, что ты бросил учебу в педагогическом институте?

Коля задумался и тихо ответил:

- Да, очень жаль. Я так люблю детей, мечтал со школьной скамьи стать хорошим педагогом, и говорят, имел к этому способности. Ну, что же сказать?

"Отче, прости им, ибо не знают, что делают" Да, прости им! - сказал в душе Лева. И перед его глазами невольно предстала картина: десятки, сотни лучших представителей молодежи изгоняются из жизни за имя Христа, и все они покорно идут, взирая на небо со словами: "Отче, прости им, ибо не знают, что делают". О, Русь! Если бы ты знала, как любят тебя твои сыны и дочери - христиане, которых изгоняют, лишают образования, свободы, а сколько добра, счастья, мира несут они тебе!

Но, увы! Это сокрыто ныне от очей твоих...

Глава 18. На могиле

"...Если умрет, то принесет много плода..."

Иван. 12:24

Была душная летняя ночь. В доме, раскаленном от солнца, было особенно жарко. Коля предложил Леве идти отдыхать в сарай, где было чуть прохладнее. Но это был плохой отдых. Тысячи, нет десятки тысяч блох напали на них. Они водились и в доме, но меньше. Все же усталость после перенесенной дороги быстро взяла свое, и Лева уснул.

Наутро он обнаружил на ногах какую-то сыпь, не исчезающую при надавливании. Коля успокоил его, сказав, что это укусы блох.

- Ну и край у вас тут! - сказал Лева.

- Да ты еще не видел здешних метелей. Как подует, так пыль везде и повсюду, глаз не откроешь...

В это утро они встали пораньше, поели пшеничной каши и попили чаю с сухарями. Коля по просьбе Левы перед работой проводил его на кладбище. Леве очень хотелось посетить могилу Коли Бондаренко - любимого молодого поэта волжской христианской молодежи. Еще вчера в беседе с друзьями Лева узнал подробности жизни и страданий Коли Бондаренко в этих местах. Это был в высшей степени жаждущий истины, полный искания юноша. Крепко преданный делу Евангелия, он посвятил свой чудный дар поэта Господу. Как говорили специалисты, он был восходящей звездой. Но разразилась "непогода", и поэт, как и все, открыто исповедующие Христа, попал в немилость. Его арестовали, он пел, шумел, требовал справедливости и в итоге был сослан в Уил. Самоотверженная жена с маленьким ребенком приехала к нему в далекое место ссылки. Она застала его еще живым.

Преждевременная, преждевременная смерть, - сказал Лева, когда они приблизились к кладбищу, расположенному вблизи протекавшей здесь речки Уила. Это было безжизненное, мертвое место. Ни кустика, ни единой травки. Камни, песок, надмогильные холмики.

- Вот здесь мы похоронили друга, - сказал Коля.

- Какая преждевременная утрата! - со скорбью сказал Лева и на глазах его навернулись слезы. - Я мало дружил с ним, он был гораздо старше меня, но мне не забыть, как он учил меня декламировать. Не забыть его смелые, энергичные, проповеди.

- Ты, наверное, побудешь здесь, - сказал Коля, а я поспешу на работу. Только давай вместе помолимся. Перед молитвой Коля подумал вслух: "Ты возвращаешь человека в тление". И поделился тем, как он это понимает: преждевременной смерти быть не может, только Всемогущий Бог решает конец жизни человека и число дней его. Нет случайностей в вопросе смерти.

Когда Коля ушел, Лева опустился на могильный холм и стал размышлять. Восходящее солнце начало припекать, и он покрыл голову белым платком.

- Хорошо, или плохо, что поэт ушел от нас? Горько, больно терять было такого друга. Ведь если его брат написал столько произведений, то, говорят, Коля имел еще больший талант. Но, увы, все оборвалось. Только теперь, находясь в Уиле и зная некоторые подробности, Лева понимал и внутренне уже соглашался, что нелепости тут не было и Коля отошел вовремя, ушел еще не испачканный, не сломленный жизнью.

Дело в том, что, как рассказал ему вчера Коля, поэт начал дружить с неверующими ссыльными и больше времени проводил с ними, нежели с Колей или другими верующими. Незадолго до смерти он поделился мыслью, что "Гусли" - сборник духовных песен - нужно переработать, перестроив все в современном стиле. Он даже выразил мысль, что Библию нужно переиздать, устранив из нее всякие устаревшие славянские выражения. Видно, сознание его катилось не по гладкому духовному руслу, и Господь взял его, когда еще горели в нем, вера, надежда и любовь и он не растерял драгоценностей. Взял его, видя его искренность и преданность Ему. От этой могилы, похоронив мужа, его спутница с маленькой дочкой на руках, едва не умершая здесь от дизентерии, возвратилась в Россию.

Лева поднялся с могилы, посмотрел вокруг. Пустыня, пустыня. Скоро сюда ляжет и тело Вали. Эта жертва не пропадет. Как семя, падшее в землю, умирая, даст росток и потом обильный плод, так и смерть дорогих друзей не бесполезна. Она дает свои плоды. Смерть первомученика Стефана родила Павла. Кто знает, какие плоды принесет жертва нашей молодежи. Один Бог знает, и не страх, не робость перед грядущим родило в душе Левы это кладбище. Он верил в вечность. Он знал, что все это лишь этапы большого пути. Он знал, что, только жертвуя собой, зерно пшеничное не останется одно. И ему вспомнилась строка из стиха

Коли Бондаренко, которое было известно в то время: "И на узористое жизни полотно узористым полетом я отвечу". Полет Коли здесь кончился, продолжается в надзвездных пространствах. Мы же летим здесь. Помоги, Боже!

Впоследствии' мать все силы отдала воспитанию своей дочери. В это время особенно сгустился мрак нетерпимости и неверия, в порыве слепого страха вдова Бондаренко сожгла произведения своего мужа. У дочери оказался недюжинный музыкальный талант. После многих лет скитаний Лева посетил их. Девушка сидела за пианино. "Вы любите Господа?" - спросил ее Лева. Она снисходительно улыбнулась: "Никакого Господа не знаю. Бога нет". Лева посмотрел на мать. - "Идет новым путем, к прошлому возврата больше нет", - сказала она. "Вспомните Колю, - сказал Лева, - его надежды, стремления!" - "Да, и он погиб. Я не хочу такого несчастья дочери. Она получит музыкальное образование, выйдет в общество и будет счастлива". - Прошли годы. Господь постучал в сердце матери. Дочь, ее кумир, сошла с ума. Рухнули надежды, лучшее лечение не помогало. И тогда вдова вспомнила, что есть над людьми Всевышний, у Которого всякая власть, Который милует и наказывает. Она покаялась, помолилась. "Через большие страдания Бог нашел меня..." - заявила вдова.

Жара усиливалась. Лева направился к реке. Она текла среди каменистых обрывов, песка. Лева разделся и бросился в воду. Брр... как хорошо, свежо! Эх, Волга, Волга, и ты за горами! Он вышел из воды и прилег на песке. Как чудесно, как прекрасно, что и здесь протекает речка. Правда, она никуда не впадает, а исчезает в песках, но все-таки, это - река.

И кто знает, может быть, со временем люди найдут здесь воду, устроят плотину, и оживет пустыня зеленым оазисом. Он вынул из полевой сумки Библию и прочел 35 главу Исая: "Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс. Великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать... Укрепите ослабевшие руки и утвердите колена дрожащие; скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; Вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас... И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля - в источники вод..." Лева смотрел на эту медленно текущую воду и думал: "Придет время, и на этой реке будет крещение, местные жители и казахи из районов будут приезжать и в этой воде, будут давать обещание Богу доброй совести служить. Новая, будущая лучшая жизнь будет". К берегу подошли две девушки. Громко смеясь, нисколько не стесняясь, они разделлись и бросились в воду. "Это из Ленинграда", - подумал Лева. И эти бедные души во тьме. Они отверженные, изгнанные, презираемые, и за них тоже умер Христос, и им нужно сказать о спасении. Однако он им ничего не сказал. Поспешно оделся и ушел.

Глава 19. Оазис

"Вникай в себя и в учение".

1Тим. 4:16

Несмотря на то, что Лева не работал, а Валя была больна, у них не было ни минуты свободной. Валя дала Лева литературу, какая у них сохранилась со студенческих времен: рефераты, журналы. Лева с интересом их читал, знакомясь ближе с христианским студенческим движением начала 20-х годов. Кроме того, у нее была литература по туберкулезу, и Лева с интересом читал об этом биче человечества.

Вечером возвращался Коля, и они вместе ходили посещать ссыльных верующих. Особенно запомнился среди них один старичок, пресвитер из Рыбинска. Если Коля и Валя никому не писали о своих нуждах и терпели страшные трудности с питанием, то старичок писал: "Хлеба нет!" и получал часто посылки с сухарями. Когда появились сухари, то он поделился с Левой..

- Кушайте, кушайте, - говорил он. - Я вот только удивляюсь, почему ваши братья не могут прислать вам сухарей?

- Да мы им не пишем о наших нуждах, - ответил Коля.

- Напрасно! Такая скромность Господу неугодна!

Скоро Коля получил жалованье, купил баранины и приготовил исключительное кушанье, которое Лева не ел с тех пор больше никогда. Он насыпал в горшок пшена, положил баранины, потом засыпал опять пшеном и снова баранины, снова пшено и поставил вариться. Это кушанье с удовольствием ела и Валя

Быстро бежали дни за днями. Находясь в Уиле, Лева разработал анкету для ссыльных и заключенных, в которой ставились вопросы о вере каждого, о причинах репрессий, о перспективе дела Божия в России. Можно отметить и теперь, что эти анкеты окончательно показали, что верующие, евангельские

христиане-баптисты твердо придерживались Евангелия, принимали и повиновались власти во всем и считали, что воздвигнутые гонения на них допущены Богом для очищения церкви. Все без исключения верующие на последний вопрос анкеты отвечали, что верят в необыкновенно великое будущее дела Божия в России.

Поднялись песчаные бураны. Да, действительно, без очков, защищающих от пыли, невозможно было выходить из дома. Каждый вечер Коля и Лева ходили купаться на Уил. Там, лежа на песке под лучами заходящего солнца они строили планы на будущее.

- Вот, что я думаю, - говорил Лева. - Посещу ссыльных, соберу статистический материал о гонениях в России и представлю высшей власти, чтобы они увидели, что сектанты - не враги, а такие же честные трудовые люди, как и весь народ.

- Да, - говорил Коля. - был бы жив Ленин! Как он относился к верующим сектантам, вот я читал его книгу "Что делать" и другие. А возьми декрет, подписанный им. об освобождении по религиозным убеждениям от военной службы. Ведь он говорил: "С религией мы должны бороться идейно, и только идейно". При нем пользовались полной свободой, были и юношеские кружки и детские собрания...

- Да, Господь руководит сердцами их, - сказал Лева.

С помощью Вали и Коли Лева сделал несколько диаграмм о самарской христианской молодежи, по которым четко можно было определить их возраст, образование, занятие, годы уверования и т.д., а также процент ссыльных, гонимых за них. Из этих диаграмм было видно, что верующая молодежь - это не представители каких-то "буржуев", а рабочие, крестьяне, служащие, которые, проповедуя имя Христа, преследуются за это. Лева с помощью Вали написал также статью о христианском воспитании детей в данных условиях.

Незаметно летели часы, и они так счастливы были во взаимном общении, что не заметили, как пробежали две недели.

Глава 20. Просили и получили

"Все возможно Богу".

Марк. 10:27

Лева стал собираться в путь. Оказалось, что выехать из Уила гораздо труднее, чем добраться до него. Имелся ряд трудностей: если идти пешком, можно легко заблудиться, дороги расходились веером во все стороны, можно попасть и на Ак-Булак, и на Джурум, и на Актюбинск, или совсем сбиться в сторону. И никто из местных жителей, узнав о том, что Лева добирался сюда пешком, не советовал ему возвращаться этим же путем.

Вторая трудность - это питание. Друзья могли снабдить его провизией на день, на два - не более: они сами нуждались. Что делать? Как быть? И Коля, и Валя советовали ему остаться с ними.

- Глядишь, устройтесь на какую-нибудь работу, и так проживем. Нет, - отвечал Лева. - Меня ждут еще многие и многие места тюрем и ссылок. Я должен идти дальше.

- Ну, подумай, - говорила Валя. - Господь закрыл путь. Как ты выберешься?

- Он закрыл, Он и откроет, - твердо отвечал Лева. - Просите, и дано будет вам.

Молились, думали, ломали головы и в конце концов решили, что единственный выход - это обратиться в ОГПУ с просьбой, чтобы его вывезли. Дело в том, что у органов ОГПУ имелся транспорт - лошади, на которых возили почту и привозили ссыльных. Рано утром, помолившись, сопровождаемый добрыми пожеланиями Вали, Лева отправился в ОГПУ.

Когда он постучал и открыл дверь, с койки вскочил заспанный дежурный и, схватившись за наган, закричал: "Чего надо?"

Лева просто сказал, что приехал навестить родных и теперь просит разрешения на попутных лошадях выехать обратно.

- Ваши документы! - потребовал дежурный. Лева подал паспорт, справку с последнего места работы.

- Это оставьте, у меня, - сказал дежурный, записав его еще на отдельном листке. - Завтра придете за результатом.

- Можно идти?

- Идите.

Когда Лева, вернувшись, рассказал Вале, она очень забеспокоилась:

- Вот как бы они не начали чего, да схватят тебя! Чуюло мое сердце, не надо было к ним обращаться,

оставайся, живи с нами.

Пришедший вечером Коля покачал головой:

- Ну-ну! Одним словом, в пасть ко льву!

- Лев льва не обидит, - улыбнулся Лева. - Глядишь, завтра и уеду.

- Только зачем же они паспорт-то взяли?

- Паспорт-то чистый, и я чист перед Богом и перед ними, так что все будет хорошо.

С тревогой в сердце они обратились к Небесному Отцу, прося, чтобы все послужило ко благу и чтобы, если возможно, Лева благополучно выехать.

На следующий день Лева был опять перед тем же дежурным.

- На, возьми паспорт и справки, - сказал тот. - Докладывал начальству. Как добрался, так и выбирайся.

Нечего нам развозить праздно шатающихся.

Лева взял документы и поспешно побежал к Вале, которая ждала его с нетерпением.

- Ну, вот, - сказала она, покашливая, - видно, твоя судьба жить с нами.

- Нет, нет, - говорил Лева. - Для Господа нет ничего невозможного, и Он выведет меня.

На другой день рано утром Лева бродил по пустынным улицам Уила, внутренне молясь, чтобы Господь его вывел. Как-то незаметно оказался на окраине города. Вдруг он увидел идущего ему навстречу казаха, очень хорошо одетого, не похожего на здешних. В белой войлочной шляпе, в белом новом халате, он производил очень хорошее впечатление своим приветливым выражением лица.

- Вы, кажется, нездешний? - спросил его Лева, когда тот поравнялся с ним.

- Да, - ответил казах, - я курсант Эмба-Нефть. Едем на машине с Каспия.

- Куда едете?

- Едем в родные места, отдохнуть, по направлению на Джурум.

- А где ваша машина?

- А вон там, за бугром.

- А ваш шофер не возьмет меня до Джурума?

- Поговори, может и возьмет.

Лева бегом бросился к бугру, за которым стояла автомашина. Шофер охотно согласился взять его. Через полчаса машина отправится. Лева побежал к Вале.

- Вот, видишь, Господь устроил невозможное, и как удачно!

- По вере твоей да будет тебе! - сказала она, грустно смотря на него. - Доколе жива, буду молиться о тебе. Встретимся теперь уже там, на небесах. Да воздаст тебе Бог, что ты посетил нас, это не забудется и в вечности. Попросив благословения Божия на путь, Лева поспешно стал одеваться. Перекинул через плечо флягу с водой, через другое - полевую сумку и скатку из пальто, повесил за спину вещевой мешок. Починенные штаны с заплатками выглядели довольно прилично. Валя, собрав все силы, вышла из дому проводить его. Хотя тело ее было, как мощи, но дух был полон бодрости.

- Здравья желаю, - сказал Лева. Валя наклонила голову и сказала:

Если внешний человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.

- С Господом, дорогой брат! - были ее последние слова.

Вот он уже в кузове, среди казахов - курсантов Эмба-Нефть. Зашумел мотор, дрогнула машина и понеслась. Ветер свистел в лицо, машина набирала скорость. А душа у Левы пела. Эта быстрая езда вдохновляла его. Наконец, песнь, звучавшая внутри, переполнила его, и он запел:

Poetry
На крыльях могучих орлиных,
Над морем житейским несусь,
Несут меня мощные крылья,
Я к вечности сердцем стремлюсь.

Тот путь, который Лева проходил томительными днями, идя в Уил, теперь они проехали за несколько часов. Наконец, среди пустыни показались кибитки кочующих казахов. Машина круто повернула по направлению к ним. Курсанты оживились: здесь были их родные. Навстречу подъезжающей машины высыпали все жители кочующего села. Тут были и старики, и маленькие, голые дети. Мигом соскочили казахи с машины, бросились обнимать родных, раздались радостные крики приветствий. Близкие приветствовали друг друга не поцелуями, а терлись носами друг о друга. Лева с интересом наблюдал этот обычай. Затем старик с длинной бородой предложил и Лева слезть с машины и зайти к ним в юрту. В огромной юрте все сели кружком, поджав ноги калачиком. Принесли кумыс и стали угощать. Усадили и Леву, и он вместе с ними пил кумыс. Приятный, кислый, холодный напиток действовал освежающе. Часть

курсантов приехали домой, к родным, и оставались здесь.

- Мы уже дома! - сказал казах, которого Лева встретил первым в Уиле. - Как хорошо! Отец, мать, сестры, дома очень хорошо.

Лева слушал и думал:

- А мне уже не видать такой встречи! Я оставил все, отрекся от родных, от матери и уже не мечтаю вернуться в тот дом, где родился. Дом мой там! Там, у источника спасения, будут меня встречать! Но тут же он вспомнил слова Спасителя: "Нет никого, кто оставил бы дом или братьев, или сестер, или мать, или жену, или детей, или земли - ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне во время сие, среди гонений, во сто крат более домов и братьев, и сестер и отцов и матерей и детей и земель, а в веке грядущем и жизни вечной" (Марк 16:29-30). И грядущее полностью подтвердило в его жизни эту истину.

Они ехали дальше. К вечеру, когда уже стемнело и стали светить звезды, показались и огни железнодорожной станции и послышались паровозные гудки.

Расспрашивая в поселке, прилегающем к станции, о том, есть ли тут верующие, Лева вскоре подошел к избушке, в которой, как было слышно, живет брат.

Глава 21. Предательство

"... Предаст же брат брата..."

Мтф. 10:21

Хотя было поздно, но на стук Левы дверь тотчас же отворилась. В дверях стоял плотный высокий мужчина.

- Мир вам! - сказал Лева.

- С миром принимаем! - ответил басом хозяин и попросил проходить в дом. Прошли темные сени, и он отворил перед Левою дверь в ярко освещенную комнату. Множество детворы сидело за столом, на который мать, высокая, полная женщина, ставила ужин.

И слова "с миром принимаем", и плакаты на стене с текстами, - все говорило о том, что Лева попал к брату. Поприветствовались.

- Ты что-то вроде военного, - сказал хозяин, рассматривая гостя.

- Да, добрый воин Иисуса Христа, - сказал Лева, снимая вещевой мешок и все свои доспехи.

- Откуда же Господь направил?

- Сейчас из Уила.

- Из Уила? - изумился хозяин. - Далекий путь! Лева кратко рассказал о себе.

- Ну и рискованный же вы человек! - сказал брат, усаживая гостя за стол. - Разве можно...

Он не договорил, о чем думал, и предложил помолиться, предполагая, что гость сильно проголодался. Действительно, скрывать было нечего: у Левы аппетит был прекраснейший. Сестра поставила на стол горячие щи. Они были очень вкусные, и Лева, не стесняясь, как в родном доме, стал их есть.

- А у меня здесь домашняя церковь, - сказал хозяин. - Все дети поют, а жена хористка была.

- А что теперь? - спросил Лева.

- А теперь у нас все разрушено, ни молитвенного дома, ни хора.

После ужина спели семейным хором: "Мой дом и я служить хотим, Тебе, Господь, лишь одному, но дай мне силы самому, примером быть..."

Когда дети улеглись спать, Лева долго беседовал с братом.

- Я известен тут как сын старика; ведь мой отец - пресвитер здешний общины Иванов. Он не раз бывал у вас, в Самаре, бывал и в вашем доме, рассказывал про вашего папашу. Ведь у нас здесь такая община была: и молокане здесь были, и трясуны начинались. Но главное дело Божие было среди нашей общины. Сколько радости было, какие съезды, пение! А теперь... камня на камне не осталось. Многих арестовали. Отец мой уехал, и остался я один, как сын старика. И моей души ищут...

- Как же это так все получилось? - спросил Лева. - Ведь не могут же так, без всякого, закрывать, арестовывать. Откуда же Иуды взялись?

- Да, гостеприимством мы обладали широким. Бывало, кто ни придет, всех привекали. Были всякие люди. Вот, например, приехал один, сидит на собрании. Спрашиваем: "Брат?" - отвечает "Брат"... "Из проповедующих?" - Говорит: "Из проповедующих". Ну, пошептались между собой, решили дать ему слово. Уж так он сказал, так сказал, всех растрогал, у всех на глазах слезы... Вот мы и обрадовались: "Вот брат

приехал, так брат". А он обобрал верующих и исчез. Слышим дальше, он у молокан. Те спрашивают на собрании:

"Брат?" - он говорит: "Брат". Ну, говорят ему, спой псалом. А он так запел, так запел псалмы! Молокане говорят: "Вот уж брат приехал, так брат!" А он и их обобрал и скрылся. Слышим, попал к трясунам, как начали молиться, он как крикнет: "Дай дух! Дай дух!" Да притопнет, да заговорил на языках, трясуны говорят: "Вот брат, так брат!...", а он оказался обманщик.

- Так он и навредил вам? Общину закрыли? - спросил Лева.

- Нет, не совсем он.

- Да кто же?

- А вот, у Христа было много учеников, а самые близкие, неразлучные - двенадцать, и один среди них оказался... Иуда. Так и тут...

- Да кто же? - снова спросил Лева.

- Ваш, ваш, с Волги. Самый лучший друг, благовестник большой, поэт. С какой любовью мы принимали его, как одаривали... Вот он и погубил братьев.

- Уж не Филадельфийский ли? - с ужасом спросил Лева, широко открыв глаза.

- Он самый, благовестник всесоюзный. Он у нас здесь жил перед арестом братьев, и ничего плохого не было, ни слова. Не знаю: или его заставили написать на братьев, или из-за денег, только видел я, и его захватили, а он тут же им какую-то бумажечку показал, и его сразу освободили. И уехал. А у нас и дом молитвенный отобрали, и много сирот, вдов оставили...

- Да, понимаю, - сказал Лева. - Все это началось с малого. Раньше хороший брат был, потом полюбил роскошь. Бывало, на собрание в пролетке подъезжает... Костюмы за костюмами... А потом слышно было, в Сибири не святая жизнь у него была. Не было сил при искушении, вот и превратился в Иуду.

- Так, так, - сказал, брат. - "Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет ее ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее". Надеюсь, тебя, Лева не смутило то, что ты узнал о земляке?

- Нисколько! Только очень, очень жаль его. Ведь такой труженик был! А теперь, как соляной столб, - предупреждение для нас. Избави нас Бог искать уюта, роскоши в жизни... Это путь гибели.

Они преклонили колени и умоляли Бога дать им силы быть твердыми и верными до конца. Молились о многих ссыльных, заключенных, и о тех, кто, как Петр, отреклись от Него.

Леве долго не спалось. Ему было больно. Но что же сделаешь, если этот предатель был внутри гнилой. Поэтому и убрал был из Церкви Божией.

Глава 22. Духовный семафор

"Стоя на башне, наблюдаю, что скажет Он мне".

Лев. 2:1

Утром Лева проснулся свежий, бодрый. Брат уже ушел на работу. Сестра пригласила гостя к столу. Когда он ел, она говорила:

- Я все думаю о вас, брат, какой вы на себя тяжелый крест взяли. Ведь вас непременно в конце концов арестуют.

- Я не хочу сказать, сестра, что тяжелый, - сказал Лева. - Ведь Господь дает силы и с Ним все не так трудно. Я вот думаю про вас: сколько у вас детей, вот их родить, воспитать, накормить - вот это крест.

- Конечно, - улыбнулась сестра, - нелегко. Но дети - моя жизнь. Не будь их, было бы пусто. Ох, хорошие они у меня! Только вот старший - непослушный немного. Но отец умеет с ним разговаривать.

- Да, ваш крест, - сказал Лева, - как раз по вас. А мой, видимо, по мне. Нам нужно только благодарить Господа, что Он каждому дает то, что нужно.

Он поблагодарил сестру за хлеб и молоко, которыми она его угостила и собрался на станцию.

Целый день Лева простоял за билетом. Народу было много. На станции, как говорится, яблоку некуда было упасть. Поезда шли переполненные. Массы крестьян хлынули в Среднюю Азию.

- Господи! Пошли мне билет! Ведь мне нужно ехать! - говорил в душе Лева. Но билета не было. Вечером он опять вернулся к брату.

- Да, - сказал тот. - Сейчас уехать очень трудно. Многие едут в Среднюю Азию. Поезда забиты, В Россию куда легче уехать, билетов сколько хочешь.

На следующий день Лева снова был на станции. Но, увы, не было никакой надежды получить билет. Стояли огромные очереди уже много дней.

К вечеру Лева пошел на гору, которая виднелась вблизи Джурума, одиноко возвышаясь над равниной. Всякий, кто проезжает мимо станции Джурум, и сейчас может видеть вблизи поселка эту одиноко возвышающуюся гору-холм. На нее взобрал Лева, и перед ним раскрылись широкие горизонты далеких степей и маленькие села. Джурум с колеей железной дороги, лежащей как на ладони. Там он стал размышлять. Он как бы видел перед собой пройденный путь.

Небольшое начало и дальнейшее, которое уходило в неизвестную даль, как уходила далеко-далеко эта виднеющаяся железная дорога. Один конец ее шел в направлении Средней Азии, другой - в Россию. Теперь семафор в Среднюю Азию был как бы закрыт, думал Лева, -- билета не достать, может быть, неделями; семафор на Россию словно открыт: бери билет и поезжай. Тут ведь совсем не так далеко: через Актюбинск, Оренбург, Бузулук и родной город. А там друзья, родные, мать, брат, сестра. Но возвращаться к ним назад Лева даже в голову не приходило. Он отлично знал, что взявшийся за плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия.

Опустившись на колени на вершине горы; Лева начал молиться Тому, Кто послал его посещать заключенных:

- Господи! Тебе ничего не трудно. Для Тебя нет невозможного, так почему Ты не даешь билет? Что Ты хочешь от меня?

Он больше не говорил, а как бы ожидал ответа, оставаясь на коленях, прислушивался к своему сердцу.

- А что, может быть, здесь вблизи есть ссыльные, которых ты мелькнуло в сознании.

Он встал, поспешно сошел с горы и направился в дому брата. Тот как раз умывался, придя с работы.

- Ну, как с билетом? - спросил он Леву.

- Никакого результата, - сказал Лева, улыбнувшись. - Здесь вблизи ссыльные есть?

- Есть. Я совсем забыл тебе сказать. В городе Темире. Это будет километров тридцать от железной дороги, - старушка -благовестница Курского отдела евангельских христиан.

-Так вот, - сказал Лева, радостно улыбаясь, я потому и билет не достал, что сейчас же отправляюсь в Темир.

- Да уж, поздновато, пожалуй, - сказал брат, смотря в окно. - Наш сосед собирается на подводе ехать в Темир. Пойду ка, узнаю.

Через несколько минут он вернулся и сообщил, что лошадь уже запряжена и сосед согласился подвезти Леву. Они горячо поблагодарили Господа, что Он все так дивно устраивает, и Лева двинулся в путь.

Глава 23. Старушка изгнания (Темир)

"Кто Мне служит, Мне да последует".

Иоан.12:26

Дни были летние, длинные, и Лева с соседом брата основной путь проехали засветло. Путь был однообразный: выжженная солнцем степь, овраги, маленькие холмы. Дорогой разговорились:

- Ты, молодой человек, к кому в Темир - то?

- К сестре, - ответил Лева.

- А я смотрю на тебя: уж ты не ихней ли веры, как мой сосед?

- Ихней, - отвечал Лева.

- Ну, что же, вера неплохая. Бывал я на ваших собраниях. И сам чуть не уверовал. Но только эта вера не для нашего времени,

- Почему не для нашего? - спросил Лева. - Хорошая вера всегда хороша.

- Так-то, оно так, - заметил возница, погоняя лошадь, - но только этих верующих не любят сейчас крепко. Чуть что - сразу гонят. Вот сколько тут было вашей веры бедных мужиков, так всех объявили кулацкими подпевалами и отправили... А они испокон веку - самые трудовые батраки.

- Господь испытывает людей, - сказал Лева, - и все может быть ко благу.

- Это по-вашему вроде: "Господь терпел и нам велел?" Но я с этим не согласен. Лучше подальше от всяких молельных домов, лишь бы тебя не трогали...

- Мы стараемся идти по пути Христа, - сказал Лева.

- А я тебе скажу, молодой человек: к добру этот путь не приведет, только погубишь себя. Теперича живи

не как Бог велит, а как люди приказывают. И будет тебе хорошо. Говорят: "Нет Бога", и ты говори: "Нет!" А там в душе - верь.

- А вы-то зачем в Темир едете? - спросил Лева.

- Вот везу тут кое-что продать там. Одним словом, деньгу зашибаю. Деньги-то - это самое важное в жизни. Понимаешь?

- Нет, не понимаю, - нахмурился Лева. Ему вдруг вспомнился рассказ Максима Горького "Челкаш", где художник слова развернул напоказ эгоистическую душу мужика, способного ради денег на все. Похожий ехал теперь и с ним. И таких много. У них нет ни руля, ни ветрил. Они верят в то, что повыгоднее. Плывут по течению, как мертвая рыба.

Лева стало грустно. Таких много... есть они и в братстве. Из них вербуются Иуды. Но как сделать, чтобы таких людей стало меньше? Как? Он не знал.

Стемнело. Дело было к полночи, когда они подъехали к окраине города, где лишь в некоторых местах мерцали огни. Распростившись с мужиком и поблагодарив его, Лева стал искать улицу. Это не сразу удалось. Наконец, он нашел ее. Пошел в дом, в котором, по всей вероятности, проживала ссыльная.

Избушка было во дворе. В окне горел свет. Лева постучал.

- Войдите! - послышался старческий голос. Он вошел, и то, что увидел, навсегда врезалось в его память.

Это была небольшая чисто выбеленная комната. Перед окном стоял стол, за которым сидела седая старушка. Она что-то писала на больших листах бумаги. Освещенные керосиновой лампой перед ней лежали на столе две открытые книги. Лева сразу сообразил: Библия и "Симфония". Слева на стене висела простая картина. На ней была нарисована голова Христа в терновом венке, а ниже - крупным четким шрифтом текст: "Кто Мне служит, Мне да последует".

- Мир вам! - сказал Лева,

Старушка с недоумением посмотрела на него. Видимо его вид, напоминающий военного, не совсем соответствовал словам: "Мир вам".

- С миром принимаем, - сказала она, вопросительно уставившись на него.

- Я брат ваш, пришел посетить вас, - сказал, улыбаясь, Лева.

- О, как приятно! - воскликнула старушка. - Слава Богу, наконец-то! Я здесь уже больше года и никто не посетил меня.

- Садитесь, раздевайтесь! - засуетилась она. - Так вас, значит, курские братья направили, вы из Курска?

- Нет, не из Курска, - сказал Лева, снимая свои доспехи.

- Так вы из Ленинграда, от Союза евангельских христиан?

- Нет, - ответил Лева.

- Так, может быть, из Москвы?

- И не из Москвы. Я послан Богом. Он побудил мое сердце исполнить слова Христа: "Был в темнице, и посетили Меня".

- Как это дивно! - сказала старушка и опустилась на колени. И она, и Лева со слезами на глазах благодарили Бога за эту встречу и просили, чтобы Он сам был среди них.

После молитвы старушка сказала:

- А к какой общине евангельских христиан вы принадлежите?

- Ни к какой, - ответил Лева. - Я - баптист.

- Баптист? - протянула старушка. - А вы знаете, я работница Союза евангельских христиан.

- Знаю, знаю, дорогая сестра! - сказал Лева, с искренней любовью глядя на нее. - Ведь мы дети одного Отца. И если были ссоры между нашими братствами, теперь, в горниле испытаний, Господь переплавляет все.

- Да, да! - воскликнула старушка. - Я так счастлива, что вы ко мне пришли. Я долго думала, почему в России два братства, и пришла к выводу, что это план Божий. Чтоб две руки шире, больше сделали для Господа. А теперь пришло время, и мы должны слиться в одно.

Они провели в беседе почти всю ночь. Старушка рассказала, как она отдала свою жизнь Господу и теперь живет только Им.

- И знаете, брат, - говорила она, - хотя я здесь совсем одна, но я много тружусь. Я исследую Слово Божие, и предо мною открывается бездна богатства Его. Я пишу на определенные темы и направляю в общины Курской области. Эти статьи там читают, передают другим.

Она показала копии имеющихся у нее работ: "О святости", "О тайне Христовой". Одну из них подарила Лева. На его вопрос при заполнении анкеты, как она смотрит на будущность дела Божия в России, старушка

воскликнула:

- Великое, необыкновенное! - и глаза ее засияли, - не знаю, доживу ли я до того времени, когда Евангелие будет проповедоваться везде и всюду, но я теперь готовлюсь к участию в этом. Я знаю твердо - это будет. И теперь зима, время подготовки к большой работе.

Лева радовался. Разве, не чудо, что где бы он ни спрашивал гонимых, все были они убеждены и верили в великое грядущее России?! Да, не напрасно вселял Бог эту твердую уверенность во многие, многие сердца. Великое утро любви и мира среди народа нашей страны - впереди.

Уже светало, когда старушка уговорила Леву отдохнуть, так как на следующее утро он собирался назад. Она предложила прилечь на ее постель, но он категорически отказался, сказав, что привык спать только на твердом, и после молитвы, расстелив свое одеяло, быстро уснул.

Было совсем светло, когда она разбудила его, приглашая подкрепиться горячим чаем.

- Как жаль, что вы так быстро покидаете меня! - говорила старушка. - Вы не были и суток.

- Но эти краткие часы, - сказал Лева, - незабвенны. У Господа ведь и один день, как тысяча лет. И я за эти краткие часы получил от вас очень многое. Ваша вера и надежда особенно дороги.

Обратную дорогу он проделал пешком. Было легко идти, пока солнце не сильно пекло. Но когда настал полдень и оно висело над головой, двигаться становилось все труднее и труднее. Однако путь уже кончался, слышался паровозный гудок, и он бодрым вошел в Джурум.

- Как теперь будет с билетом? - подумал он, подходя к дому брата. - Теоретически семафор должен быть открыт теперь и на Среднюю Азию.

Встретивший брат радостно приветствовал его и сказал, что есть надежда купить билет.

В этот же вечер билет был куплен, и Лева, горячо простившись с дорогой семьей, так радушно принявшей его, опять поехал в жаркий Ташкент.

Глава 24. Суды Божий

"Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия?"

Рим. 2:3

В вагоне было набито битком. Ехали крестьяне с мешками, с сундучками. Все они лавиной устремились в Ташкент. Это были те, которые боялись устройства новой жизни - коллективизации, или же кулаки, убегавшие от принудительного выселения. Все они страшно курили, плевались, ругались, рассказывали разные смешные истории, но больше толковали о том, как заживут они в Ташкенте, сытно и привольно.

Несмотря на то, что окна были открыты, воздух был пропитан табаком, махорочным дымом. От него у Левы заболела голова, а от всех разговоров, в которых сытая еда и богатая жизнь занимали первое место, щемило тоскою сердце. Ведь это были люди. Люди, созданные по образу и подобию Божию и совершенно забывшие о Боге. Они не имели Бога ни в сердце, ни в уме, хотя спроси их, и каждый скажет, что он - православный христианин. Но эта была тьма, не имеющая никакого понятия о христианстве. Лева слышал, что они произносили имя Бога лишь как клятву "ей-богу", чтобы убедить собеседника в справедливости своих слов.

Пугливо озираясь кругом, седой старик с пожелтевшими от махорки усами, сердито сверкая глазами, говорил соседу, мужику с длинной серной бородой:

- А сколько у меня лошадей, коров-то было! А хлеба-то в амбаре!... А теперь вот пролетарием стал...

- Ничего, - отвечал ему мужик с черной бородой. - В Ташкенте, говорят, сарты просты, из них деньгу можно выколлотить - заживем.

- А ты, паренек, что в Ташкент едешь? - обратился он к Леве. - аль сын богатея, тоже счастье ищешь?

- Я не сын богатея, мой папа - старый фельдшер, а счастье я уже нашел.

- Не видать, что нашел, - усмехнулся старик с усами. - По одежде да по хлебу с огурцами видно, что нужду терпишь.

- Счастье не в одежде, и не хлебом одним будет жив человек, - сказал Лева.

- А ты, видать, божественный, что ли? - спросил он.

- Нет, я просто человек, только верующий.

- А специальность какая?

- Садовник.

- Это хорошо. В ташкентских землях сады большие, подработать можно хорошо.
- Я не ищущ возможности хорошо подработать, - сказал, улыбаясь, Лева.
- Так зачем же ты едешь, как не за длинным рублем, в Ташкент?

Лева видел, что эти люди не поймут его, и то драгоценное, чем он жил, совершенно чуждо им. Он хотел прекратить разговор с ними, но все-таки не выдержал и сказал:

- Я последователь учения Христа, счастье в том, чтобы нести его окружающим. Отдать ближнему, что имеешь, послужить нуждающемуся, - вот хорошо.

Мужики захохотали.

- Ну, так не пойдет, - сказал мужик с длинной черной бородой. - Я вот мельницу построил, а как? Все деньги копил, с другим все больше хотел получить и старался никому ничего не дать, вот и зажил припеваючи, и в уважении был, - сказал он, поглаживая бороду. Всякий кланялся: "Иван Павлыч, Иван Павлыч..." Бывало иду, шапки снимали предо мной, а самогонка рекой лилась...

Лева слушал и думал: "Велики суды Божий. Жили эти люди, с других каждую крошку обирали и теперь еще не поймут, что так жить нельзя".

- Да, - сказал мужик. - Бог-то Бог, а сам-то не будь плох. В Писании сказано одно, а ты изворачивайся. Вот попы-то тоже жили припеваючи.

- Да, и вот пришел суд Божий, - твердо сказал Лева, нахмурившись. - И беда в том, что вы не каетесь, не молитесь Богу. Если не покаетесь - все погибнете.

- Рано тебе учить нас, - резко сказал старик с прокуренными усами. - Молокосос, материнское молоко на губах не обсохло...

Поезд остановился на станции Кзыл-Орда. Сотни пассажиров высыпали из вагонов и смешались с пестрой толпой местных жителей. Шла бойкая торговля дынями, арбузами. Лева ничего не покупал. Ему казалось преступлением купить и съесть арбуз, когда там столько узников несут лишения и часто не имеют даже хлеба. Он смотрел на весь этот люд, слышал их возгласы, крики, перебранки, и ему становилось больно за них: их ждет гибель.

Оно так в основном и получилось. Те тысячи крестьян, которые хлынули в Среднюю Азию в разгаре жаркого лета, в большинстве своем заболели: одни дизентерией, другие малярией, и сколько их легко костями там, - знает Бог да мать - сыра земля.

Глава 25. Женатые

"Я женился и потому не могу прийти".

Лук. 14:20

В Ташкенте Лева увидел братьев. Он не пошел к Крыжановскому - председателю братского союза, но отправился к простым братьям. Некоторых он знал по берегам Волги. И когда он рассказывал о жизни ссыльных, о пыльном знойном Уиле, где умирала Валя Алексеева, многие брали у него адреса, обещая помочь в нужде и горе изгнанникам.

Его пригласил к себе в гости отдохнуть Петр Ананьевич, токарь из Самары. Он давно уже жил в Ташкенте, и домик его был окружен чудесным фруктовым садом,

Рано утром, сидя в тени разросшихся деревьев у тихо текущего арыка, они оживленно беседовали. Петр Ананьевич рассказывал про свою раннюю юность и стремления. Это было прямой, открытый человек, который, уверовав во Христа, бесстрашно исповедовал Его учение во всем. В первые годы революции он со своими юными друзьями открыто, на площадях и улицах, устраивал митинги, посвященные теме спасения души от греха. Лева с восхищением слушал его.

- Ну, а теперь? Теперь как вы трудитесь? - спросил он его.

- Теперь не то, - вздохнул Петр Ананьевич. - Пою в хоре, иногда участвую в слове на собраниях, но все что-то не то. Теперь семья, жена, сын, нужно им уделять внимание. Но, в общем, жду, жду лучшего времени, когда можно будет широко возвещать о Христе. (Лучшего времени он не дождался. В 1937 году был взят органами Ежова, и исчез бесследно. Погиб без вины.)

Петр Ананьевич предлагал Лева пожить у него, отдохнуть, поправиться.

- Ты уж очень похудел в этом Уиле, а впереди у тебя еще более трудная дорога.

Но отдохнуть Лева отказался. Посетив в окрестностях Ташкента ссыльных, он стал собираться в дальнейший путь. Масса репрессированных была в Сибири.

Помолясь Богу какое-то время и при этом соблюдая пост, Лева решил направиться туда по Турксибу через Алма-Ату. Он пошел на станцию узнать насчет билета. Но, увы, билет достать было невозможно. Стояли огромные очереди. Многие, поняв, что климат Ташкента не для них, спешили уехать в Алма-Ату, где, как слышно было, жилось "привольно". Да и не так там жарко. С личными деньгами у Левы также было не совсем хорошо. Нужно было получить какую-нибудь работу. То, что давали верующие, он не считал своим, и все берег для ссыльных и заключенных. И он решил завербоваться.

Вербовали как раз молодежь для сбора урожая в садах Алма-Аты. Лева предъявил свои документы садовника, и его приняли. Вербовщик сам заботился о билетах, об отправке, а Лева вместе с другими завербованными, веселыми ребятами и девушками, нужно было прийти на вокзал за час до отправления поезда. Багаж Левы немного увеличился. Ему удалось приобрести несколько пачек хорошей бумаги, больших блокнотов, что необходимо было для издания журнала "Вестник изгнанника".

На вокзал его провожал брат Лыщиков. Это был сапожник, с юности уверовавший во Христа. У него была интересная история жизни с полной отдачей себя делу евангелизации Поволжья. Как-то на большом собрании верующих в Самаре приехавший благовестник предлагал каждому пожертвовать то, что у него есть с собой самого дорогого. Между собравшимися проносили тарелку, на которую те клали для дела Божия деньги, золотые кольца, часы и т.д. У Лыщекова ничего с собою не было, ни рубля. Он написал записочку и положил на тарелку: "Жертвую собою целиком на один год для Господа".

Когда называли собранную сумму и вещи, то зачитали его записку и сказали: "И это Господь принимает".

Лыщиков пошел по деревням и селам Волги, он сапожничал и проповедывал о Христе. Он так думал прожить год, но когда уже глубоко увидел тьму народную и жажду слышания Слова Божия, то отдался полностью делу благовестия.

Теперь на вокзале, провожая Леву, он как всегда спокойный, тихий, с радостью смотрел на Леву и говорил, что путь, на который встал Лева, самый лучший, но и самый опасный.

- Почему же вы не решились идти этим путем? - спросил Лева.

- Да вот, женился.

- Но у вас детей-то нет?

- Это так, - сказал задумчиво Лыщиков, но обязанности есть перед женой, она у меня слабая да хвора.

С грустью смотрел Лева на брата. Ему вспомнились слова Павла: "Неженатый заботиться о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене".

Но в тоже время пред ним в душе зажглись слова Христа: "Кто оставит ради Меня и Евангелия..."

Прощаясь, Лыщиков протянул что-то Лева:

- Это брат, тебе немного на дорогу, на арбузы. Купи арбузы, они дешевые.

Лева взял деньги, но арбуз не купил. Он все копил для заключенных и ссыльных. Сидя в вагоне, он думал о них.

Глава 26. Завербованный

"И скитаемся..."

1Кор. 4:11

Поезд тронулся. Вагон был полон молодежи. Зазвучали гитары, заиграла гармонь. Некоторые подвыпившие молодые люди начали песню, которую подхватили девушки, и она широко полилась из окон, приковывая к вагону взоры провожавших на перроне. Среди ехавших Лева был, пожалуй, самый молодой. Ему было восемнадцать лет, а большинству завербованных свыше двадцати.

Это была веселая, беззаботная молодежь, жившая в свое удовольствие. Между девушками и ребятами быстро завязалась дружба, а некоторые из них, как потом узнал дорогой Лева, были уже мужьями и женами. Их шутки, громкий смех, анекдоты и двусмысленные разговоры были чужды для души Левы. Он молчал присматриваясь к ним. Впервые он был в компании такой молодежи, и ему хотелось понять, чем они живут, к чему стремятся. На него не обращали внимания, как бы не замечали. Каждый старался чем-нибудь похвастаться, показать себя, некоторые даже пытались, несмотря на тесноту в вагоне, плясать. Большинство из них были крепкие, красивые загорелые юноши. От девушек также веяло красотой и здоровьем. Лева, пожалуй, был самый невзрачный из них. "Вот, если бы эту молодежь, - думал Лева, - познакомить со Христом, сколько хорошего, прекрасного они могли бы иметь в жизни и принести другим! Какие чудные

гимны они могли бы петь! А сейчас, что они поют?" - "Эх, чай пила, самоварничала, всю посуду перебила, накухарничала..." Леве хотелось сказать им лучшее, хорошее. Но они были так далеки от него, что он так и не решился это сделать.

Ему представилась родная христианская молодежь Самары. Это была совсем другая молодежь. Она пела больше, лучше. Она любила чище, жила краше. И ему захотелось хоть на один день вернуться в родной город, в родную семью, побыть среди друзей. Он поймал себя на этом чувстве и постарался больше не возвращаться к нему. Он вновь вспомнил, что взявшийся за плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия. Ему надлежало идти, идти, не зная жизни с близкими, друзьями. Идти в самые темные, глухие места, где томятся вместе с преступным миром братья и сестры. Идти, не останавливаясь, не отдыхая, чтобы в конце концов самому попасть в тюрьму и, возможно, в юности умереть за решеткой, умереть одиноко на чужбине...

Казалось, это была ужасная перспектива. Ведь он был еще так молод, но иного пути теперь, когда он познал Слово Христа, что самая большая любовь - это положить душу свою за друзей своих, для него не было. Он смотрел, как пили, ели, веселились, любили друг друга эти молодые люди. Он знал это из множества художественных произведений, в которых описывается такая любовь. На него большое впечатление в самой ранней юности произвела повесть Тургенева "Первая любовь". И теперь, когда он наблюдал, как Ваня, словно голубь, воркует над Таней и Таня, краснощекая, полногрудая девушка, поблескивает счастливыми глазами, он все понимал, но для него все это было совершенно чуждо, мертво.

Он вышел в тамбур и, стоя у полуоткрытой двери вагона, запел, смотря на сухую, выжженную солнцем местность:

ПоetryВ пустыне греховной земной,
Где неправды гнетущий обман,
Я к Отчизне иду неземной,
По кровавым следам христиан...

В край родной, неземной,
От обмана мирской суеты,
Я иду и приду,
К незакатному солнцу любви.

Стучали колеса вагонов, свистел знойный ветер, и Леве казалось, что он не один. Что с ним незримо поет хор многих и многих страдальцев Христа, которые ради имени Его идут узкой, тернистой тропой.

Не грусть, не тоска, а какая-то особая жертвенная бодрость, стремление вперед ради любви к людям, наполняли душу Левы.

Когда он вошел в вагон, соседи пили водку и стали угощать его.

- Спасибо, - сказал Лева. - Я никогда не пил и не буду пить.

- Ну, как хочешь, нам больше достанется, - сказал веселый Ваня. И заиграл на гитаре, напевая: "Ешь, пей, веселись, умрешь - не убыток".

Поезда ходили с продолжительными остановками, и время нахождения в пути до Алма-Аты - около недели.

Глава 27. Отдых у Голгофы

"Ядущий хлеб сей жить будет вовек".

Иоан. 6:58

Поздно ночью поезд остановился у станции Алма-Ата, недалеко от города.

Вышедшие пассажиры спешили к автомашинам, чтобы ехать в город, одни завербованные не спешили, они спокойно расположились около станционного здания, сложив вещи в кучу и предоставив вербовщику хлопотать о дальнейшей отправке их в город.

Скоро тот достал большую грузовую машину, в которую все и забралось. Мотор загудел, вспыхнули яркие фары и, освещая путь, машина понеслась. Ехали по аллеям пирамидальных тополей. Стройные, ухожащие ввысь, они стояли, словно почетный караул, принимающий гостей.

Быстрая езда на машине взбадривала. Все чувствовали себя крепкими, сильными, хотя и устали с дороги. Лева любил скорость. Да и кто из русских не любит быстрой езды, как писал Гоголь. И теперь, в эту ночь,

въезжая в Алма-Ату, Лева, полный юношеских стремлений к хорошему, смотрел ввысь на звездное небо и в душе просил Всевышнего, чтобы Он благословил его въезд в этот большой, неизвестный город.

Здесь были ссыльные, заключенные. Сюда был сослан из Москвы известный юрист Иванов-Клышников. Здесь предстояло Лева работать для того, чтобы иметь пропитание и необходимые средства для дальнейшего пути.

Машина выехала на одну из площадей города и их высадили. Оказалось, что "Союзплодоовощ" был закрыт, гостиницы и дома крестьянина поблизости нет и ночевать было абсолютно негде. Но молодежь не унывала. Кто-то пошел на разведку и обнаружил вблизи сад. Предложили переночевать в саду. И все, перебравшись через забор, расположились на сухой земле и, утомленные дорогой, быстро уснули.

Наутро, умывшись в арыке и подкрепившись каждый тем, что у кого было, направились в контору, где должны были оформляться на работу.

В основном предстояла работа по сбору в садах урожая яблок сорта апорт, известного своим вкусом, величиной и ароматом.

Часть завербованных должны были направить на фабрику, где изготавливались ящики для яблок, других - непосредственно в сады. Когда посмотрели документы Левы о его образовании, то предложили обратиться в высшие инстанции, чтобы получить работу не простого упаковщика, а в соответствии с его знаниями. Была суббота, и Лева не удалось попасть в те учреждения, которые могли бы разрешить его вопрос. Нужно найти своих братьев, но где и как? Адреса в Ташкенте получить не удалось. Вечером он спрашивал по городу, но увыв, никто не знал, где собираются баптисты.

Эту ночь провел вместе со всеми вербованными в большом доме "Союзплодоовоща". Коек не было, постелей тоже. Все расположились, кто как мог. Нужно сказать, что Лева в Ташкенте прихватил с собой оставленную им там подстилку-тюфячок, которую сшила ему тетя Паша, когда он уезжал из Самары. Подстилка была плотная, но Лева так привык спать на твердом, на досках, что иной постели себе и не представлял.

Рядом с ним, прикрывшись тонкой простышкой, спали Ваня и Таня. Они долго шептались между собой. "Счастливы ли они? - думал Лева. - Да, все было бы хорошо, если бы они знали истину".

Он спал, как всегда, спокойно и безмятежно. Встав рано утром, Лева тихо, чтобы не разбудить других, вышел, умылся и обратился с просьбой к Отцу Небесному, чтобы Он помог ему найти друзей. Эта жизнь в дороге в течение недели вместе с завербованными, их шутки, анекдоты - утомили Леву, и он жаждал свидания с другими людьми, живущими по - Божьи. Открыв любимую Книгу, он прочитал из Псалма: "К дивным Твоим, к святым Твоим все желание мое".

Он вошел в помещение. Ваня и Таня, обнявшись, все так же крепко спали. Без зависти, равнодушно посмотрел на них Лева. Он отрешился от всего, он не ждет ласки, уюта в жизни. Для него радость - это исполнить волю Пославшего его.

Долго бродил Лева по городу, спрашивал о верующих. Наконец, одна старушка сказала, что их можно встретить в ближайшем поселке, если перейти парк и овраг. Он вышел из города, прошел сад и стал спускаться в овраг. Не зная дороги, он опускался по такой крутизне, что в одном месте сорвался вниз. Хорошо, что там была глина, и он не ушибся. Вышел в поле. Показался поселок. Усталый, измученный, вошел в него.

- Господи, Ты видишь, я устал, я не знаю, как найти своих родных, но помоги мне! - мысленно молился он.

Идя по улице, он увидел вдали избу, окруженную народом. Он направился туда. Было уже за полдень, и солнце жарко пекло. Лева хотелось пить и хотя бы немного отдохнуть, присесть.

Чу, слышится родное пенье! Он подошел ближе и до слуха его из этого дома донеслось:

ПоетруВзойдем на Голгофу, мой брат!

Посмотрим, как нашей греховности яд

В страданиях горьких Христа истомил,

Как дорого Он нам спасенье купил...

Падем перед Ним!

- Да, сегодня воскресенье, первое в этом месяце, - вспомнил Лева. - Сегодня совершается вечеря Господня в память Его Голгофских страданий. Неужели я попал на хлебопреломление? Какое счастье? Но, может быть, я уже опоздал и все кончено?..

Он подошел к толпе, положил свои вещи у стены дома и стал пробираться к двери. Дверь была открыта, кругом стоял народ. Справа на скамьях сидели пожилые братья-труженики. Среди них он увидел человека с

небольшой светлой бородой, открытым лбом и каким-то сияющим взором. Он видел его только на фото, но теперь узнал сразу. Это был ссыльный из Москвы Иванов-Клышников. Народ пел:

Речью Ручьем святая кровь течет

В- омытие грехов.

Покой в ней страждущий найдет

И отдых от трудов...

Лева сел на порог двери, из глаз его полились слезы. Это были слезы не печали, не горя, а слезы глубокой благодарности Тому, Кто дал ему возможность прийти сюда в то время, когда вспоминалась великая жертва Христа для спасения человечества. Лева не чувствовал уже ни жажды, ни усталости. Душа отдыхала, слушая великую повесть о том, как отдал Христос все, был поруган, убит, чтобы принести людям мир и вечную жизнь.

Когда проносили мимо него тарелку с хлебом, то спросили, брат ли он? Он ответил: "Да" - и ему протянули хлеб. Взявши кусочек хлеба с особым благоговением, он вкушал его, вспоминая о жертве Христа и Телу Его. Своею жизнью, отдав юность Иисусу, он уже приобщился к этому Телу Христа, и теперь в этом воспоминании он еще более соединился всем существом со Христом. И капли вина в память о пролитой Крови Спасителя влили в него, усталого, новые потоки бодрости и сил. Тихо, от души и сердца, он благодарил Господа за всю помощь и просил сил идти дальше.

После собрания все горячо приветствовались, все были полны какой-то особой любви и кротости. Его здесь никто не знал, и о нем не слыхали. Он видел этих людей первый раз. Но все они были такими близкими, родными, как будто с ними прожита целая жизнь.

Он подошел и поприветствовался с Ивановым-Клышниковым.

- Откуда, брат? - спросил тот, приветливо глядя на юношу.

- Сейчас из Ташкента, завербованный приехал на работу по садоводству, а в общем-то... - Лева улыбнулся. - Посещаю ссыльных, приехал вас посетить...

Лицо брата оживилось.

- Так прошу к себе в гости, у меня жена, дети, живу тут недалеко.

Глава 28. Наставник братства

"Подражайте весе их..."

Евр. 13:7

Жена Иванова-Клышникова приветливо встретила гостя. За большим широким столом сидели маленькие дети. Леву посадили среди них. Он в этот же день подружился с ними. Иванов-Клышников был все время занят: к нему приходили братья, и он беседовал с ними. Лишь вечером он смог уделить время Лева, и они, уединившись в сад, повели тихую беседу. Солнце скрылось, и в саду наступили сумерки. Аромат зреющих яблок наполнял воздух. Вдали виднелись снеговые вершины Тянь-Шаньских гор. Было тихо. Лишь издали доносился шум реки Алматинки, бегущей с гор.

Лева рассказал брату о том, как Господь призвал его посещать ссыльных, о встречах, о состоянии общин, в которых он был. Брат молча слушал, не прерывая рассказ вопросами. Когда Лева закончил свое повествование, они встали, и брат поблагодарил Бога за то, что он выслал юношу на этот путь.

- Задача собрать сведения о наших страдающих братьях особенно интересна, - сказал он, - ведь никто не ведает, о том, сколько их, и никто не ведет статистики, как пошли на страдания ради Господа наши братья и сестры. Несомненно, многие оказались наемниками и побросали свои стада. Но особенно важно знать героев веры, которые бесстрашно пошли на страдания ради дела Божия.

Лева поделился своими анкетами и особенно вопросами, за что страдают верующие.

Он сказал, что на основании собранных данных, он приходит к выводу, что верующие - никакие не враги советской власти и не ведут борьбу с нею.

- Да, - сказал Иванов-Клышников, - мы возглавляли союз нашего братства, я руководил библейскими курсами, и мы твердо держались принципа, который исповедуется баптистами всех поколений: отделение церкви от государства. Не дело христиан вмешиваться в ту или иную политику, политику борьбы. Мы вполне лояльны, понимая, что власть - слуга Божия, выполняющая планы Божий. Мы всегда воспитывали верующих в полном подчинении правительству во всем, что не противоречит их духовной религиозной жизни.

- Да, я это знаю, - сказал Лева. - Вы разослали послание, что бы верующие вступали в колхозы.

- И не только это, - сказал Иванов-Клышников, задумчиво потирая лоб. - Мы старались делать все, чтобы быть в полном контакте с местными властями и поддерживать все лучшее, прогрессивное. Но, увы, когда началась кампания безбожия в 1928-1929 годах, диспуты, беседы с целью "перевоспитания" верующих, они увидели, что идейно бессильны против нас, и решили прибегнуть к другим методам. Они смешали нас, сектантов, с верхушкой православной церкви, действительно настроенной против советской власти. Ведь ты знаешь, - сказал он, посмотрев на Леву и невольно подумав: "Такой юный брат, еще ни усы, ни борода не растут, знает ли он историю христианства Россия?" и продолжал: - Так вот, тебе, вероятно, известно, что православная церковь блудодействовала с самодержавием, самодержавие же всячески искореняло нас, Советская власть, давшая полную свободу вероисповедания, была встречена нами как освободительница, как ответ на многие молитвы скорбящих, гонимых при царизме, И всегда мы ей симпатизировали. Скажу прямо: когда в Москве один брат вздумал присоединиться к одной реакционной партии, мы немедленно исключили его из общины. Он был духовно мертвый человек. Теперь же нас всячески: клеймят "врагами", и все попытки доказать, что мы - самые полезные и нужные и честные люди, ни к чему не приводят. Я читал ваш доклад на 26-ом съезде, - сказал Лева, где вы высказывались за полное признание военной службы и в то же время подчеркнули, что в братстве есть такие чистые, золотые души, которые не могут участвовать в убийстве. Говорят, что вы этими словам позолотили пилюлю, чтобы ее удобнее было проглотить.

- Я не давал никакого повода так думать, - сказал Иванов-Клышников, - мое искреннее убеждение, что есть такие высоко стоящие духовные люди, правда, их единицы, которые совершенно не могут убивать, даже злейшего врага,

- Какие же по-вашему перспективы духовного развития братства? - спросил Лева, ставя этот вопрос в порядке заполнения анкеты.

- Мои убеждения вытекают из Слова Божия, - ответил брат, смотря на небо. Становилось темно, Первые звезды, яркие, мерцающие. - "Вы - соль земли". Отсюда наше движение должно развиваться так, чтобы проникать во все слои общества, оказывать влияние на общественную, культурную жизнь народа, облагораживающе влиять на характеры людей, законы, литературу, искусство. Конечно, мы - только искра свечи и нас постараются затушить. Несомненно, статья Конституции (речь идет о подписанной Лениным Конституции 1923 года), говорящая о свободе религиозной пропаганды, для них особенно нетерпима, полное идейное бессилие, против веры приведет к еще большим репрессиям. Но Христос сказал, что ничто не одолеет Церковь- Божию и я верю в великое будущее ее в нашей стране.

- Павел, Павел - раздался голос из дома, - Уже совсем темно, идите ужинать. - позвала нас жена Иванова-Клышникова

За столом всей семьей спели:

Родина Книга жизни нам дана,

хоть поношена она,

Дорогая и живая я люблю, люблю тебя.

Ты дороже с каждым днем

и ведешь своим путем,

К чудной Родине, где ждет Господь меня...

Действительно, Библия в их семье занимала первое место. Иванов-Клышников, прекрасно знавший английский язык, никогда не расставался с английской и русской Библией. Он сравнивал различные переводы, чтобы глубже вникнуть в смысл Писания. Он очень любил своих детей и старался просто объяснить им некоторые вопросы из Слова Божия:

- Кушайте, Лева. - говорила Анна Петровна, подкладывая Лева еще порцию жареного картофеля. - Если бы вы были у нас, в Москве, мы вас угощали бы точно так же. Ведь и там, хоть мы и занимали известное положение, мы жили небогато. Братья определяли себе такое жалование, чтобы можно было лишь прокормить семью и угостить приезжих гостей.

- А у вас, их, вероятно, бывало немало? - спросил Лева.

- Каждый день, как говорится, - улыбнулся брат. - Умеренность во всем служителю необходима. А желающие обогащаться впадают в роскошь, в противность Христу.

Лева хотелось еще беседовать с братом, но Павел Васильевич чувствовал себя утомленным, а утром ему предстояло рано идти на работу.

- Спокойной ночи! - сказал он после вечерней молитвы, целуя домашних и Леву.

Он надел на голову черную шапочку и пошел спать в сад, где ему была устроена постель. Леву уложили на террасе.

Глава 29. "Никодим"

"Предай Господу путь твой, и Он совершит".

Пс. 36:5

На другой день с утра набежали тучи, и пошел дождь. Лева торопился в учреждение оформляться на работу. Анна Петровна отдала ему свой плащ, чтобы он не промок под дождем. Из управления "Со-юзплодоовощ" его направили в управление земледелия Казахстана, где был отдел садоводства. Там, среди сотрудников, он познакомился с одним выдающимся тружеником баптистского движения Средней Азии, который, оставив духовную работу, занял большой пост в Наркомате, став крупным специалистом по агротехнике. Он принял Леву приветливо, поблескивая стеклами черных очков, сквозь которые не видно было выражения его глаз.

- Поймите, - сказал он тихо Леве, - я занял положение Никодима..

- Ну, что ж, - сказал Лева, - и такие ученики у Христа приносили пользу.

- Ну, а вы мне скажите, - спросил он, испытующе всматриваясь в Леву, - вы интересуетесь не только духовными вопросами, но и наукой?

- О, да! - воскликнул Лева. - С ранней юности, можно сказать, с детства я так мечтал взбираться на горы науки...

- Так что же? Можно предоставить вам и эту возможность. Здесь, в горах Тянь-Шаня, работает научная экспедиция академика Н.И. Вавилова, директора института растениеводства. Они как раз делали запрос на технику-практикантов по садоводству. Кроме того, у них здесь разворачивается научная работа по улучшению вкусовых качеств Венского апорта. Хотите заниматься наукой? - Пожалуйста!

(Директор Всесоюзного института растениеводства выдающийся ученый академик Н. И. Вавилов погиб в 1943 году, став жертвой "культы". Избежал ли этой участи "Никодим"?)

- С удовольствием! - сказал Лева. - Это для меня сверх всяких ожиданий.

- Только вот что, - сказал "Никодим", - вам придется жить в горах, вне Алма-Аты, и только на выходной вы можете приезжать в город.

- Ну, что же, я согласен, - ответил Лева.

- И хорошо, - наставительно сказал "Никодим". - Сейчас такое время, что вам нужно для ваших успехов держаться несколько в стороне от верующих.

Вскоре Леве вручили приказ, что он направляется в горы, в экспедицию Ленинградской сельскохозяйственной академии, в распоряжение начальника экспедиции в качестве техника-практиканта.

Не бежал, а, казалось, летел Лева из Наркомата. Ведь отказаться от всего ему было трудно, он был выброшен из школы за борт жизни, - и вдруг перед ним - вершины науки. Участие в научной экспедиции. "Как дивно все Бог делает!" - думал он.

Дорогой Лева купил набор открыток И. К. Айвазовского с разными видами моря, затем он написал на них тексты и пожелания детям Иванова-Клышникова. Они уже успели полюбить Леву и были очень рады, когда он вручил каждому из них на память по художественной открытке.

- Когда же вы едете в горы? - спросила Анна Петровна.

- Завтра, к вечеру, - отвечал Лева. - Сегодня я еще хочу сходить в тюрьму, передать продукты заключенным братьям, а завтра с утра попросить свидание и посетить брата, который находится за проволокой около Алма-Аты.

- Как же вы все это успеете? - спросила сестра.

- Да я бегом, быстро!

Схватив шапку и провизию, приобретенную для передачи, к которой Анна Петровна добавила кое-что от себя, он направился к тюремным воротам. Передачу у него приняли, но в свидании ему отказали. В коротких записках, посылаемых с продуктами, он написал слова утешения, ободрения для брата.

К вечеру он снова был в семье Павла Васильевича. Перед сном опять вели тихую беседу. Лева поделился своими откровениями в отношении следования за Христом, подражая Павлу. С большим энтузиазмом рассказывал он брату о том, как будет хорошо, когда, отрешившись от всего, люди, молодежь объединятся в одну семью по примеру первых христиан и пойдут так, как шли ученики Христа, как шел Павел.

Павел Васильевич слушал и улыбался тихой, кроткой улыбкой, в которой было что-то грустное, но не

безнадежное. Когда Лева изложил открывшиеся ему стремления, Павел Васильевич, помолчав, сказал:

- Все это прекрасно, как утренняя звезда; как розовая мечта. Но сейчас темнеет. Ни ты, ни я. никто другой не в силах сделать так, чтобы рассветало. Вот этот сад сейчас погрузился во мрак. Близится ночь. И это, видимо, в планах Всевышнего. Мы сделали много ошибок. Мы старшие братья ссорились между собою. Среди нас появились такие уродливые явления, как Филадельфийский. Ему, да и Лева, было известно последнее стихотворение Ивана Ивановича о руководящих братьях, в котором он полностью раскрыл свою гнилую сущность. И вот Господь отнял у нас дело Божие. Нужно нечто, прежде чем взойдет новая, чистая заря. Тогда твои мысли жить по апостолу Павлу будут нужны, а сейчас они утопия.

- Темнеет, но на небе - все новые и новые звезды, - сказал Лева.

- О да! - подтвердил Павел Васильевич, - "Чем ночь темней, тем ярче звезды". Но все же сейчас их мало. Все ищут своего. И у нас благовестников не хватало, чтобы посылать их по одному, а не то, что по два, как предлагаешь ты, по примеру учеников Христа. В отношении того, чтобы не жениться, скажу тебе прямо: мы неженатым проповедникам не доверяем. Их везде встречают, как женихов. Начинаются всякие недоразумения, искушения, так что, дорогой Лева, если хочешь трудиться на нивах народных, возвещая Христа, придет время - женись,

Этот совет Лева не совсем понравился. Он мечтал по примеру апостола Павла не связывать себя семьей. Но прошли годы, и с мнением Иванова-Клышникова он в основном согласился.

Глава 30. В горах Тянь-Шаня

"Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя".

Пс. 120:1

И в другой день, встав как можно раньше, Лева отправился в окрестности Алма-Аты, где находились лагеря заключенных. Официального свидания ему не дали. Но через добрых людей ему удалось позвать к изгороди брата-узника и, сидя напротив, на каменистом бугре, поговорить с ним.

- Как вы брат, не унываете? - кричал Лева видневшемуся за проволокой человеку средних лет в поношенной, грязной от глины одежде. - Что поделяваете?

- Печи кладу. Всем доволен. "Великое приобретение - быть благочестивым и довольным".

- Пищи хватает?

- Хватает. "Девятьсот" зарабатываю, да еще на кухне подкармливают, когда ремонт делаю.

- Какие надежды?

- Бог усмотрит! - и, указывая рукой на небо, узник сказал, - Все там!..

Показался какой-то начальник, обходящий с вооруженной охраной зону лагеря, и узник, помахав приветливо рукой, отошел в сторонку. Лева слышал о том, что у него осталась большая семья, много детей. Он был пресвитером одной из небольших сельских общин и, несмотря на многократные предупреждения, продолжал смело проповедовать Христа. Его арестовали, приписав, как водится, антисоветскую агитацию с использованием религиозных предрассудков с целью... свержения существующего строя!

- Как это дико! - размышлял Лева, возвращаясь в Алма-Ату. Простой многодетный крестьянин, плотник по отхожему промыслу, по вере человек совершенно безобидный, покорный... О нем рассказывали, что он отличался особой кротостью. И вдруг - свержение существующего строя.

Глубокой скорбью и болью наполнилось сердце Левы за многих и многих братьев и сестер, в поведении которых не было абсолютно ничего антисоветского. Их лишали свободы, заточали в тюрьмы и лагеря только за то, что они ревностно проповедовали Христа.

Одно утешало его - это то, что они идут путем Спасителя, ибо и Его, и Павла, и первых христиан гнали, обвиняли во всяких злодеяниях, которых они никогда не совершали и не мыслили совершать.

Попрощавшись с семьей Иванова -Клышникова и забрав свои скудные пожитки, Лева направился в горы. Дорога шла полем и степью, вблизи берега речки Алматинки. Он шел быстро, километр за километром, и седые от вечно лежащего на них снега горы вырисовывались все яснее и яснее.

У дороги он увидел отдыхающую девушку. Он узнал ее, и та, всмотревшись, узнала Леву.

- А, Таня! Вы куда, на работу? - спросил Лева.

- Да, на работу, в сады. Ходила в город, теперь спешу, да устала немножко.

Это была Таня, что дружила с Ваней. Они пошли вместе. Девушка явно была чем-то расстроена.

- Как поживаете? Как Ваня? - спросил Лева.

- Да ничего, - сказала девушка. Потом, помолчав, доверчиво взглянула на Лева. Видимо ей хотелось поделиться: Нехорошо получается... Меня-то со всеми девчатами назначили собирать яблоки, вон в те сады, - и она указала рукой направо, где виднелись начинающиеся у подножья гор сады. - А Ваня остался с ребятами на фабрике по сколачиванию ящиков. Ну, получили они там хороший задаток и выпили... А по пьянке пошли к бабам. Услыхала я, бросила работу и туда... На фабрику вот ходила.

- Ну и что же? - спросил Лева.

- Ничего. Только со мною он грубо обошелся. Злой какой-то. "Что ты, - говорит, - меня к своей юбке привязать, что ли хочешь?"

- Ну, он вас не оставит, - утешительно сказал Лева. - Вы такая хорошая...

- Уж не знаю, - вздохнула Таня, болит мое сердце, прямо разрывается. Эх, доводит все эта пьянка. А я ему себя отдала...

- Да вы бы лучше дружили с непьющим парнем, - сказал Лева.

- Да где они, непьющие-то? Все они пьют, гуляют...

Уже начало темнеть, когда Лева дошел до экспедиции. Она располагалась в одном из садов, находившихся в предгорье Тянь-Шаня. Экспедиция размещалась в нескольких простых деревянных избушках. Узнав о его назначении, сотрудники отвели его к начальнику. Это был крупный ленинградский ученый, специалист по растениеводству. Когда Лева увидел плотного седого человека, невысокого роста, с морщинистым улыбающимся лицом, он сразу почувствовал к нему самое доброе расположение. Тот принял его с полным радушием и дружески подал Лева руку, потом познакомил его со своей юной дочерью и женой, которые сопровождали его в экспедиции. Он что-то сказал жене не по-русски и она, утвердительно кивнув головой, вышла.

- Мы вас сейчас покормим, - сказал начальник, - а то ведь вы с дороги.

Через несколько минут перед Лева стоял вкусный суп с бараниной. Как ни старался Лева делать вид, что он не голоден и равнодушен к супу, он ел его с большим аппетитом, уплетая, как говорится, за обе щеки. Чтобы не смущать его, начальник экспедиции занялся какими-то бумагами, перекидываясь время от времени с женой отдельными фразами на каком-то непонятном ему иностранном языке.

Когда Лева кончил есть, в комнату вошла стройная девушка в белом. Лицо ее было бледное, волосы очень светлые, и вся она производила впечатление чего-то белого, светлого, прозрачного. Она поклонилась Лева и села у лампы с книгой.

- Беда в том, что наша дочь совершенно не умеет говорить по-русски. Она воспитывалась за границей, - сказал начальник. - Ну, ничего, в будущем вы сумеете объясняется, а пока знаками можете разговаривать.

Лева очень удивило, почему так приветливо, почти как гостя, встретили его здесь. Лишь впоследствии он догадался, что из Наркомата звонили по телефону и дали о нем самую положительную характеристику.

- Работа у нас очень интересная, - сказал начальник, - ведется уже не первый год. Дело в том, что в окрестностях Алма-Аты растет много диких яблонь. Наша задача - глубоко изучить эту дикую яблоню. Мы ее описываем, собираем семена, чтобы потом на выросшие из них саженцы, привить Венский апорт и другие сорта. Тогда бы мы вырастили в этих лесах колоссальные массивы чудесных садов. Кроме того, мы ведем еще ряд отдельных работ и одну из них, как дополнительную нагрузку, будете проводить вы. Вы не будете жить с нами, - начальник улыбнулся. - Я не знаю, понравится вам или нет быть отшельником. Мы вам дадим палатку, и вы поселитесь в одном из самых отдаленных садов. Там будете наблюдать за созреванием Венского апорта. Разрезая ежедневно плоды, будешь смотреть, как созревают яблоки на деревьях, растущих у арыков, и на деревьях, что на возвышенном сухом месте. Как делать записи и оформлять наблюдения, я объясню Вам завтра.

- А основная ваша работа, - продолжал начальник, - будет заключаться в том, чтобы целый день ходить по окрестностям и собирать гербарии, образцы дикой яблони. У вас крепкие ноги?

- О, да, не жалуюсь.

- Иногда вы будете ездить со мной на отдаленные участки, в ущелья. А теперь идите и отдыхайте, постель вам приготовили в комнате художника.

Молодой художник, с которым пришлось познакомиться в этот вечер Лева, целыми днями занимался живописью. Задача его здесь заключалась в зарисовке плодов и листьев дикой яблони. Ложась спать, Лева заметил, что художник почти не переставал есть яблоки.

- У вас прекрасный аппетит! - заметил Лева.

- Да, - сказал художник, - это потому, что я его не порчу, я вегетарианец и никогда не ем мясо.

- Это почему же?

- Мясо вредно, - кратко ответил художник и больше не стал распространяться об этом,

Первую ночь в горах Лева спал крепко, спокойно, как только могут спать люди с чистой совестью, хорошо потрудившиеся.

На другой день ему вручили папку для сбора гербариев, белые мешочки для заготовки плодов дикой яблони и тетради с особыми вопросами по описанию высоты, толщины, расположения деревьев. По данному адресу он добрался до того сада, где он должен основать свое жилище. Он расчистил от травы площадку под яблонями и раскинул палатку.

Это была необыкновенная жизнь. Чудный, чистый горный воздух, насыщенный ароматами зреющего Венского апорта. Не слишком жаркое, но сильное, все оздоравливающее солнце. Кругом яблони с массой прекрасных румяных плодов, а дальше горы, леса и выше - снеговые белые вершины. И день, и ночь ровный, как бы успокаивающий шум Алматинки, несущей свои воды через каменные пороги вниз,

С питанием Лева устроился исключительно хорошо. У местных жителей он брал молоко, в экспедиции - белый хлеб и сахар, яблок кругом было много. Аппетит при ходьбе по горам был отличный. Все казалось таким вкусным, приятным. И на душе было легко и радостно. После больших трудностей Сам Бог дал ему такую работу, чтобы он мог трудиться своими руками (одновременно он как бы отдыхал от предшествующих скитаний, то есть отдыхая, работать и физически поправляться).

Нужно отметить, что эта жизнь в горных садах день и ночь на свежем воздухе имела исключительно оздоравливающее значение для здоровья Левы. Отец Небесный знал, что впереди его ожидают чрезвычайные испытания и трудности, и, любя, Он готовил его к ним.

Глава 31. Удивительное ущелье

"Все соделал Он прекрасным".

Еккл. 3:11

В выходные дни Лева спускался с гор, шел в Алма-Ату. Там он имел отдых для души и общение с родными по вере. Их было немало. Все они приглашали Леву к себе, но он, будучи ограничен во времени, кроме семьи Иванова-Клышникова, смог побывать лишь в семье одного садовника по фамилии Чигалейчик, который недавно поселился там. Этот брат в своей жизни мною путешествовал. Последнее время он был далеко в Заполярье и охотился там на белого медведя. В юности, уверовав в Господа, он готовил себя к миссионерской работе, окончил библейскую школу. Школа эта была интересна тем, что в ней, помимо духовных библейских предметов, преподавалась избираемая курсантом специальность. Там он освоил садоводство.

В тихой беседе за чаем Чигалейчик рассказал Леве, что он вместе с другими садоводами и охотниками бродил в прилегающих к Алма-Ате горах и наткнулся на удивительное ущелье, которое поразило их всех необыкновенными дикими яблонями.

- Эти яблони огромные, старые, и яблоки на них как бы настоящие, культурные. Ущелье очень заинтересовало Леву, и он попросил план дороги. Чигалейчик охотно нарисовал его и подробно указал приметы местности, по которой нужно было идти.

Вернувшись домой после выходного дня, Лева подробно рассказал и начальнику экспедиции об удивительном ущелье и необычных больших яблонях. Он говорил об этом взволнованно, как бы предчувствуя большое открытие. Все заинтересовались рассказом Левы и решили на следующий день выделить ему специального проводника-казаха, который служил при экспедиции, дать транспорт и направить на поиски удивительного ущелья.

Лева был вне себя от радости. Он видел, что Господь благословляет его жизнь и дает ему успех в работе.

Рано утром к экспедиции подъехала легкая тележка, запряженная двумя крепкими казахскими лошадьми. Дочь начальника экспедиции, узнав об удивительном ущелье, уговорила родителей пустить ее в это путешествие на поиски ущелья. Отец и мать, провожая Леву, проводника и дочь, делали десятки наказов об осторожности, убеждали Леву, что он отвечает за все и не рисковал бы лазить по крутым склонам. А главное - вовремя, засветло нужно возвращаться, чтобы о них не беспокоились.

Уселись на тележку, придерживая провизию, папки для гербариев и прочее снаряжение. Проводник Алмабек что-то тихо крикнул лошадям, и они, сытые и бодрые, рванули вперед. Вначале дорога шла вниз, и проводнику то и дело приходилось удерживать лошадей. Потом некоторое время они ехали по равнине.

Самое примечательное в этих путешествиях было то, что они плохо понимали друг друга. Лева говорил только по-русски, Алмабек - только по-казахски, а по-русски знал всего несколько слов; дочь же академика владела лишь каким-то иностранным языком, по всей вероятности, английским. Так что всю дорогу ехали молча.

Лева больше жестикулировал, следя по плану и показывая проводнику, куда ехать. Вот они опять свернули с горы и поехали долиной. Наконец, начались такие заросли, что и маленькая лошадка двигаться дальше не могла.

Тогда распрягли лошадей и поставили тележку на видном месте, а сами на лошадях поехали верхом. Впереди проводник с Левою ехали на одной лошади, а на другой одетая под мальчика ехала дочь академика, которая оказалась прекрасной наездницей. Путь продолжался сквозь заросли. Они уже были на большой высоте, и перед ними местами открывались замечательные картины. Неожиданно показалось зеленое ущелье, на дне которого виднелись пасеки, расположенные около маленьких горных озерков.

Но вот, кажется, они приехали, судя по плану. И действительно, перед ними раскрылось ущелье, озаренное солнцем. В нем росли густой чащей зеленые деревья, а в глубине журчал поток воды, невысокие круглые скалы окружали его. Привязав лошадей, они сделали привал, закусили и немного отдохнули, потом пешком стали углубляться в лес.

Лес состоял в основном из обычной дикой яблони, но вот он поредел, и перед ними раскрылась как бы каменная поляна, и на ней множество огромных, высоких, кряжистых старых яблонь. Они бросились к ним, и действительно, на многих из них красовались крупные, румяные яблоки. Лева попробовал: вкус настоящих, культурных плодов: кислые, ароматные, но это был не Венский апорт и не Анис, а какой-то другой сорт, с которым Лева не был знаком. Это были удивительные яблоки, которых он никогда не видел. Спешно стали собирать гербарии, набирать плоды в большие белые мешки, описывая окружность, расположение деревьев. Девушка деятельно помогала, проводник уселся на большом камне у ручья и без конца курил свою трубку. Но вот он встал, подошел к Леве, хлопнул его по плечу, указывая на солнце, готовое скрыться за скалами, и сказал:

- Темна будет, плоха будет.

Лева сразу сообразил, что они забыли о времени. Поспешно собрав еще с одной яблони гербарий и часть плодов, они пустились в обратный путь. Но как ни спешили, солнце уходило быстрее, и приближалась ночь. Все же, на их счастье, они еще засветло добрались до своей тележки и на ней доехали по малознакомой дороге до степи. Опоздай хотя бы на час с окончанием работы, и им пришлось бы заночевать в лесу. Усталые, крепко проголодавшиеся, но веселые, счастливые от успехов, глухой полночью они подъезжали к экспедиции.

Там местами горели красные фонари - признак того, что в экспедиции случилось несчастье. Сердце у Левы екнуло, видимо, тревожатся о них. И действительно, ведь они обещали вернуться засветло. У ворот белели люди, похоже их ждали. Когда они остановились, к ним бросилась прежде всего, вытирая слезы, мать девушки. Начальник стоял молча, имея весьма суровый вид.

- Следуй за мной в кабинет, - сказал он. Лева собрался было докладывать ему об успехах поездки, но тот и слушать не стал.

- Что это такое? Тревожить столько людей, обещал вернуться засветло и быть столь неаккуратным, нехорошо.

Размахивая кулаками, он сказал проводнику, что тот ему больше не нужен и что он его рассчитает. Лева же обещал вкатить приказом выговор, а дочь... высечь.

На утро был ясный солнечный день, начальник смягчился, и от гнева не осталось и следа, никто не писал никакого приказа. Никто не понес никакого наказания. Все с интересом рассматривали добытые в ущелье яблоки и гербарии.

- Уж не обманываете ли вы меня? - говорил начальник. - Прогуляли в каком-нибудь лесу и набрали яблоки говорите: "Удивительное ущелье", - шутил он.

Высказывались различные догадки: одни предполагали, что это остатки какого-то древнего мира, прошлой, реликтовой растительности. Другие думали, что, возможно, в прошлом там были поселения людей с садами и потом землетрясениями, которые так часто бывают в этих местах, все было уничтожено, сохранились только эти яблони.

Мир прошлого захватил фантазию Левы: "А, несомненно, эти яблони говорят о чем-то древнем. Удивительное ущелье!"

Когда вечером он отдыхал в своей палатке, прислушиваясь к неумолкаемому шуму горной речки, перед

ним рисовался Эдемский сад, начало всех садов, где начинал свою жизнь человек - житель сада. И ему становилось все яснее, что как было бы чудесно, если бы все люди стремились к доброму, хорошему, не было бы змея-искусителя, и вся земля и жизнь на ней превратилась бы в удивительный прекрасный сад...

Утром он читал из Библии книгу "Песни Песней", где так воспеваются любовь и сады, и мечтал, мечтал...
- Боже! Да придет царство Твое! Да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле, - молился он.

Глава 32. Вперед и только вперед

"Ты иди за Мной..."

Иоан. 21:22

Дни стояли тихие, ясные. Лишь иногда поднимался ветер. Он нагонял громады туч, и в горах начиналась гроза. Что это за величественная картина грозы и бури в горах! Нередко она заставляла Леву на высоте какого-нибудь зеленого предгорья, и он оттуда с наслаждением любовался раскрывавшейся пред ним картиной.

Бесконечные дали казахских степей, еще озаренные солнцем, снеговые вершины, уходящие выше туч. И раскаты торжественно-могучего грома, которому вторило эхо десятков огромных ущелий. Молнии блистали, и звуки грозы сливались в какую-то особую небесную кананаду, говорящую о силе и о чем-то бесконечном, великом. Ни гром, ни молнии никогда не наводили на душу Левы страх. Наоборот, в этой горной грозе он ощущал прилив бодрости, подъем новых стремлений вперед.

После грозы небо прояснялось, солнце быстро сушило все, в том числе и до нитки промокшего Леву. И воздух, исключительно свежий, чистый воздух, наполнял, казалось, не только организм, но и всю душу.

Бывая в выходные дни у Иванова-Клышниковца, Лева особенно отметил в нем тихую кротость. Будучи весьма образованным, он никогда не возносился перед простыми братьями, никогда не старался мудрствовать. Особенно запомнился Леве один случай, когда пришли к нему с просьбой объяснить какой-то текст. Он спросил: "Как читаете написанное?" Ему ответили: "Так, как написано".

- А дополнительно к этому в Слове Божиим есть ли что?

- Нет, ничего. Так вот мы и пришли, брат, чтобы вы дополнили, разъяснили.

- Написано, - сказал Павел Васильевич, спокойно, смотря куда-то вдаль, - "не мудрствуйте сверх написанного".

И в самом деле: сколько вреда причиняло братству бесплодная мудрость сверх написанного, к каким ужасным спорам, раздорам приводила всякая схоластика! Ведь ясно написано, что "сокрытое принадлежит Богу, а открытое нам".

Эти мысли о бесплодности мудрствования особенно западали добрым семенем в сердце Левы. И он никогда в будущей своей жизни не старался мудрствовать. Простое, понятное, доброе осуществлять в жизни - вот это дорого. Ему стали близки давно услышанные слова: "Знание надмевает, а любовь назидает".

С начальником экспедиции у Левы установились самые лучшие отношения. Он нередко брал его в дальние поездки, причем в трудных местах проводник ехал на одной лошади впереди, а за ним, на наиболее сильной, - начальник с Левою, который держался за него. Однажды на одном крутом подъеме лошадь с размаху скакнула кверху, и Лева, сорвавшись, кубарем полетел вниз. Но он даже не ушибся, и все отделалось простым испугом.

В беседе у костра начальник расспрашивал Леву о его родителях, о нем самом. И как-то Лева не выдержал и рассказал ему, что он верующий и старается жить по учению Христа.

- Жить по-Божески, во всем честно, стремиться только к добру, к любви, - это и значит жить по Христу, - говорил Лева, сверкая глазами.

Начальник внимательно выслушал его, а потом сказал:

- Я давно наблюдаю за тобой, вижу, что ты большой энтузиаст, юноша с чистой душой. Энтузиасты науке нужны. Много добра ты сделаешь, если пойдешь дорогой науки. Потрудишься, достигнешь ее вершин. Я говорил о тебе с женой, ты ей нравишься, как честный, хороший человек. И мы уже решили между собой сделать доброе дело, - ведь мы тоже хотим добрых дел, как и ты, - сказал он, улыбаясь и поглядывая на Леву, который, опустив глаза, пошевеливал палкой догорающие угли костра.

Вот кончится экспедиция, мы возвращаемся в Ленинград и берем тебя с собою. Квартирой будешь обеспечен, работой тоже. Зимой мы обрабатываем результаты экспедиции и ищем литературные источники. Ты будешь учиться, станешь студентом, а потом - человеком науки. И много пользы сделаешь для людей.

- Благодарю вас, - ответил Лева. - От души благодарю. Это так заманчиво и чудесно, как в сказке. Но я должен скоро ехать в Сибирь.

- В Сибирь? Там никакого еще путного садоводства нет. Даже не думай об этом!

- Я думал в конце месяца уволняться.

-- Даже и в голову себе не бери этого! Я никогда не подпишу увольнительную. Ты нам нужный человек, и я желаю тебе добра, как отец.

Через месяц Лева предпринял попытку уволиться, но все его просьбы оказались бесполезными. Ни в Наркомате, ни в экспедиции ему не давали согласия на увольнение.

- Вот тебе и на! - думал Лева. - Что же это? Искушение? Или, может быть, Бог сжалившись над его юностью, отклоняет его жертву и открывает ему путь в науку, к большому, хорошему. Он молился. Ему представлялись многие десятки ссыльных, сотни заключенных, отверженных, полузабытых, выброшенных из жизни, к которым даже близкие родные зачастую стыдились иметь переписку. "Был в темнице, и вы посетили Меня", - вновь и вновь звучали слова. Вспомнились также любимые стихи Некрасова: "Где трудно дышать, где горе слышится, - будь первым там! Но он никак не находил возможным уехать так, не получив увольнения. Это было как-то некрасиво и не по-христиански. Хотелось расстаться со всеми в дружбе и в хороших отношениях, Казалось, создалось положение безвыходное. Нужно сказать, что несмотря на соблазн лучшей жизни в Ленинграде и жажду получить высшее образование, Лева ни на минуту не задумался о том, что он должен свернуть с того пути, на который встал,

В это время произошло нечто, что дало Лева возможность быстро и легко уволиться.

Глава 33. Увольнение

"Рука Твоя поведет меня..."

Пс. 138:10

Находясь в прошлых своих путешествиях, Лева непрерывно двигался и не имел возможности получать письма от близких, даже от матери с Волги, а от отца, находившегося в Сибири, он месяцами не получал весточки, Писал же он всем аккуратно. Сообщал о бодрости и жизни узников, о положении в общинах, о своих передвижениях. Тяжело было не получать ответных писем. Но и в этом Лева находил некоторое самоотвержение, вызванное необходимостью. В Алма-Ате же, благодаря временной оседлой жизни, он получил много писем. Это были строки горячей любви, это были потоки сердечных молитв о нем. Тут были и письма матери, которая просила не беспокоиться о ней и домашних, ибо Бог посылал ей здоровье и она, работая портнихой на фабрике, кормила семью. "Молитва моя о тебе всегда и до конца, дорогой сын! Да будет воля Господня в твоей жизни", - писала она Лева.

Сколько любви, ласки, приветов было от друзей из Катта-Кургана, Ташкента, Уила. Даже старушка из Темира прислала хорошее большое письмо, где желала ему успеха, повествовала о тайне Христовой. Были письма даже из далеких Соловков, где томилась лучшая молодежь Поволжья. Письма были бодрые, зовущие.

Много писем Лева получил из Сибири, где были дорогие сердцу друзья и среди них его родной отец. Папа писал ему, что надежда встретиться с ним вносит в его душу особую радость и что он просит у Бога этого дня свидания. Он прислал Лева гимн, который разучил в Сибири. Там, между прочим, были такие слова:

ПоетъБоже, видишь Ты страданья на земном моем пути,
Устаю я от скитанья, но хочу с Тобой идти...
Как мне дорого общенье со святыми на земле!
Но и это наслажденье не всегда возможно мне...

И вдруг от отца пришло письмо, что он тяжело болен, лежит в больнице, определяют - тиф. Получив это письмо, Лева тут же бросился к начальнику экспедиции. С большим волнением он протянул ему письмо.

Начальник прочел, сочувственно сказал:

- Ну, что же, дорогой, чем же ты тут поможешь? Время идет, и пока ты приедешь, отцу твоему станет лучше, и он уже поправится. Ехать-то ведь не близко, а если хуже станет, чем поможешь, ты ведь не доктор.

- Нет, нет, прошу отпустить меня, - сказал Лева умоляюще. И подал заявление. На нем начальник наложил резолюцию: "Уволить по причине болезни отца". В Наркомате его также быстро рассчитали. "Никодим", горячо пожав руку Левой, просил передать его отцу самый лучший братский привет.

- Твоего папу я очень уважаю, с ним я познакомился в голодный 21-й год, когда он приезжал в Ташкент

за хлебом.

Все алма-атинские родные провожали Леву в путь с сердечной молитвой. Павел Васильевич сказал, что он его очень полюбил и желает ему лучших встреч после тернистых дорог этих дней. Его ободрение из книги Иова врезалось в сердце Левы: "Теперь не видно яркого света в облаках, но пронесется ветер и рассеет их".

Пожелание Иванова-Клышникова еще не осуществилось. Они не встретились больше на земле. Павел Васильевич уже давно окончил тернистый путь, Лева же все идет по нему. Но пройдет время, и его путь приблизится к концу. Тогда пожелание осуществится - они встретятся. Чигалейчик подарил Лева теплые защитного цвета шаровары.

- Бери, бери, это тебе в Сибири пригодиться, там холодно...

И опять паровозные гудки, мерный стук колес, пассажиры - соседи по дороге.

Впереди - далекая большая Сибирь.

Глава 34. Встреча с отцом и братьями (Красноярск, Мариинск)

"Милость Твоя, Господи, вовек".

Пс. 137:8

Скоро на смену степям показались места, покрытые зеленым лесом. Чем ближе подъезжали к Сибири, тем их становилось все больше и больше. В Северном Казахстане уже не стало тех знойных жарких дней, какие обычны для Туркестана. Да, кстати, и лето кончилось. Были на исходе и дни осени, так богатые всевозможными плодами и фруктами. Проехали ряд станций западной Сибири - Ачинск, Бочкарево и другие. С тревожными мыслями подъезжал Лева к Красноярску. Он думал об отце. Как он? Ведь он уже далеко не молод.

Мысль о том, что отец, может, быть отошел в вечность Лева совсем не впускал в сердце. Бог милостив и не допустит такой печали. Поезд остановился в Красноярске. Большая железнодорожная станция: по одну сторону раскинулся город, по другую - железнодорожный поселок. Лева направился именно в этот поселок. Здесь в основном с давних пор жили люди, работающие на железной дороге.

Наконец, Лева нашел улицу и дом, указанные в адресе отца. Постучал. Открыла маленькая девочка.

- Скажите, здесь Сергей Павлович живет? Девочка ничего не ответила и скрылась в дверях.

- Мама, там какой-то дяденька... - послышался ее голос. В дверях показалась женщина. Увидев Леву, она закричала:

- Сергей Павлович! Сергей Павлович, а сын-то на вас похож!

- Мир вам! - сказал, заходя Лева.

- С миром принимаем!

Из соседней комнаты вышел отец. Он был бледный и несколько осунувшийся.

- Здравствуй, Лева! - сказал отец. - Вот и дождались тебя. Слава Богу, живы, здоровы...

И у сына, и у отца на глазах блестели слезы.

- Поблагодарим Бога! - сказала сестра, хозяйка дома, у которой глаза тоже стали влажные. Они опустили на колени и горячо благодарили Бога, даровавшего радость встречи, и просили Его благословения на дни свидания.

Отец в молитве горячо вспоминал свою любимую семью, жену, детей, с которыми в этот момент незримо сердцем были вместе. Сестра благодарила Бога, что Он удостоил под ее кровом видеть встречу отца и сына. По обычаю гостеприимства она тут же стала хлопотать о чае, усаживая обоих к столу.

- Как же твое здоровье, папа? - спросил прежде всего Лева.

- Слава Богу, все обошлось. Думали брюшник, но оказался паратиф. Организм быстро справился с этим недугом. Вот слабость пройдет, и начну работать опять.

- А ты за эти годы много уже путешествовал по Сибири?

- Да, пришлось немного. И Канск, и Шиткино, и Бугучанский район. Ведь нас, ссыльных, на одном месте долго не держат. Как только хорошо устроимся, так снимают с работы и направляют дальше. Вот сейчас вызывали в Красноярск, живу здесь. А что будет дальше, один Бог знает.

Отец говорил все это бодро, радостно, как будто о самых приятных вещах, и в глазах его бегали отблески веселого, жизнерадостного характера.

Отца Лева знал не только в спокойные дни, но и в дни больших затруднений и печалей, в дни тяжелого 21-го года, когда он день и ночь работал среди больных, страшно уставал, но ни на минуту не терял бодрости.

Дома он пел и часто с пением уходил на работу. Видел он отца и в большом горе, когда при смерти была мама и все прощались с ней. И тогда луч надежды не покидал отца. И теперь Лева видел прежнего отца, которого не сломили ни несправедливые обвинения, ни тюрьмы, ни ссылки. Он держал в руках сборник духовных гимнов и как прежде, запел громко, звучно:

Поэту Дорогие минуты нам Бог даровал,
Мы увидели братьев, сестер.
А Иисус дорогой с нами быть обещал,
Дадим Ему в сердце простор!

После чая отец предложил погулять.

- Погода стоит чудесная, - сказал он. - Люблю воздух, здесь места интересные. Взять хотя бы Столбы на Енисее. Что за горы среди зеленого моря! Чем-то напоминают Жигули.

Гуляя среди деревьев над каким-то оврагом, Лева рассказывал отцу о последних месяцах своего пребывания на Волге. О том, что побудило его поехать в Сибирь и в Среднюю Азию и об обстоятельствах жизни там. Рассказывал о дяде Пете, о Юрии и многих других близких родных.

Оторванному в ссылке от жизни близких отцу все было дорого, приятно, интересно. Он улыбался, расспрашивал обо всем подробно.

- Ну, Слава Богу, все хорошо, все живы, бодры, - говорил он, улыбаясь.

Вечером они пошли в молитвенный дом. Он находился недалеко от квартиры отца. Это был длинный, бревенчатый, старый одноэтажный дом. Внутри все было просто и добротно. Толстые некрашенные большие скамьи, желтые от времени бревна стен, простая деревянная кафедра. Отец познакомил Леву с пресвитером, невысоким юрким человеком, с бородкой клинышком. Он наклонился к Леве и сказал: "После молитвы будешь говорить слово". Лева несколько растерялся, он не был готов к этому. Но молчать, когда предлагали говорить, он не мог. Вообще же нужно отметить, что Лева, где бы он ни бывал, старался быть менее заметным и как можно меньше участвовать в проповеди, так как его служение состояло только в посещении узников. И он понимал: чем меньше он будет выставлять себя напоказ другим, тем будет разумнее.

Большой дом наполнился народом. Это в основном были простые люди, - рабочее и служащие Красноярска. Их влекла сюда любовь Христова. Пресвитер произнес краткую молитву, и собрание началось. Первым гимном спели: "В край родной, в край". И раньше несчетное число раз слышал и пел этот гимн Лева в родной общине. Но теперь, когда он стал странником и пришельцем, гимн этот пелся по-особенному. От сердца лились слова:

Поэту Жесток здесь бой, дни тяжелы,
И страшно мне в борьбе,
Темно среди греховной мглы
В скитальнической борьбе...

Когда звучали слова этого гимна, перед Левою рисовался путь христиан сегодняшнего дня. Гонимые, презираемые, они, казалось, должны быть стерты с лица земли.

После молитвы, в которой участвовали многие, все вместе спели известный гимн:

Поэту Ближе, Господь, к Тебе, ближе к Тебе.
Хотя б крестом пришлось, подняться мне,
Нужно одно лишь мне: ближе Господь к Тебе.

И опять когда пели этот гимн, он показался Леве необыкновенно понятным и близким. И со слезами на глазах он пропел вместе со всеми куплет:

Поэту В пустыне странник я, и ночь темна.
Отдых на камне лишь найдет глава.
Но сердце и во сне: ближе
Господь к Тебе, Ближе к Тебе!

Лева вышел на кафедру. В руку он держал маленькую Библию, ту самую, которую подарили ему родители и которая теперь всегда была в его полевой сумке. Он открыл "Евангелие от Иоанна" и прочел: "Сия есть заповедь моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто душу свою положит за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам".

Сердца Левы трепетно билось. Сотни взоров были обращены к нему. Тут были близкие братья и сестры, но были те, которые пришли сюда в поисках истины. Лева говорил от сердца, объясняя что любовь человека к человеку является заповедью Христа и что, только исполняя эту заповедь, можно иметь в жизни настоящую радость, радость совершенную. Высшее проявление любви - положить душу, жизнь свою за близких.

Лева рассказывал, какую любовь Христос явил, положив жизнь за мир людской, который возлюбил. Исполняя заповедь Христа, можно быть не только спасенным, не только смотреть на себя, как на дитя Божие, но стать другом Христа. Это самое лучшее. Хорошо иметь близких верных друзей, с которыми делишь все. Но часто их с нами нет. И вот Христос обещает быть нашим лучшим другом, идти с нами. Но для этого нужно только одно условие: "Вы друзья мои, если исполняете то, что Я заповедую вам". Только исполняя Его заповеди, мы становимся друзьями Христу, а Он - нашим действительным, верным, задушевым Другом.

- Это не слова, это факт, Я его испытал на себе. Был момент, когда я сомневался во Христе, но когда я покаялся, Он стал моим Спасителем, Учителем. Он был близко ко мне. я молился Ему. Теперь же, когда я пошел дорогой, чтобы больше любить верных Ему, Он стал моим Другом. У меня много братьев и сестер, есть близкие друзья, но я с ними в разлуке. Только Иисус, и только Он, действительно оказался другом.

- Меня часто спрашивают, - продолжал Лева, - почему ты путешествуешь один? Мне же кажется этот вопрос странным. Ведь я никогда не один. Мы идем вдвоем. Идет Иисус, и я с ним. Это большая дружба, это невозможно пересказать словами, ибо это сознается не только умом, но чувствуется всем сердцем.

Делясь опытом своей жизни, Лева раскраснелся, глаза его сверкали. Заканчивая свое слово, он, прижимая к груди Библию, сказал:

- Быть в дружбе со Христом - это самое лучшее. Тогда раем пустыня глядит. Будем исполнять Его заповедь - любить друг друга, и лучший Друг Иисус будет с нам во все дни до окончания века...

После этого все, встав, спели:

РeтpуЯ Друга дивного познал и есть ли в мире равный?

Любил меня, когда не знал Его любви я славной.

Какая сила разорвет союз с Ним мой сердечный,

Иль час невзгод, иль час забот? Нет! Я Его навеки!

На кафедру поднялся Сергей Павлович, отец Левы. Он раскрыл большую Библию, лежащую на кафедре, и прочел из "Послания к Римлянам" 8:32-39: "Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не даруем нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? (Христос) Иисус умер, но и воскрес; Он и одесную Бога, Он ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: "За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание.

Но все сие преодолеваем силою Возлюбившею нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисуса,/Господе нашем".

Он говорил о великой любви Божией, познав которую, человек может исполнить заповедь Христа - любить друг друга. У отца был громкий голос, и когда он говорил, увлекаясь и громогласно возвещал то, во что верил. Слушая, Лева вспомнил, как мама не раз просила его говорить потише, но он, улыбаясь, отвечал ей, что глуховатые очень благодарят его. И теперь Лева радовался, что ни испытания, ни болезнь не снизили энергии отца,! Любовь Божия пребывала в нем, и от избытка сердца говорили уста,

Громко и ясно подчеркивал он, что никто и ничто не может отлучать верующих от любви Божией. Как малое дитя хорошо развивается и здорово на груди матери, ощущая ее любовь, так и дитя Божие живо и здорово только в любви Христа.

В своей речи отец особенно отметил, что препятствия, трудности мы преодолеваем не своей силой, а силой Возлюбившего нас. Пользуясь этой силой, мы останемся верными Господу до конца, хотя не поют уже хоры, хотя прекратятся собрания и не будет молитвенных домов, все лишения духовной жизни преодолеваются силою Возлюбившего нас, и будем верны до конца.

В выражении лица, л жестах проповедника была полная уверенность в том, что поколебать веру в Христа невозможно. Всей своей жизнью он доказывал это и, по полученным много лет спустя сообщениям, в последние предсмертные минуты жизни вел душеспасительные беседы, заботясь не только о себе, но и об окружающих.

После проповеди потоки горячих молитв вознеслись к небу с просьбой к Возлюбившему сохранить до конца веру, надежду, любовь.

По окончанию собрания общим пением спели:

РeтpуНепобедимое дано вам зная,

Среди гонений его вознесем...

Радуюсь, носим бесчестие мира,

Чтобы исповедовать Имя Христа,

Лишь на Него мы глядим с упованием...

Несколько тихих, светлых дней провел Лева к общению с отцом. Но не только с ним. В Красноярске было много ссыльных братьев, например. Носков с Дальнего Востока и другие с разных краев страны. Со всеми Лева имел близкое общение, расспрашивал о настроении и утешал их Словом Божиим.

Все это были, в большинстве случаев, пожилые, семейные люди, просто рабочие и служащие, которые одновременно проповедовали в общинах. Все они очень тосковали о своих детях и женах, терпели лишения, но никто из них не выразил никакого ропота или огорчения против власти. Наоборот, Лева всегда слышал, что они понимали, что их испытания - воля Божия, что Господь очищает и переплавляет их в скорбях.

Никто из них не думал и не сделал отречения от веры. Ведь каждый из них, кто написал бы в газету статью о разочаровании в своей вере во Христа, мог бы значительно облегчить свою участь. Все они были полны решимости страдать до конца, зная, что здесь временное, впереди - вечность. Многие из них почтили, не вернувшись к своим семьям, близким. Они приобщились к великому сонму страдальцев Христа.

Не раз Лева ходил в Красноярскую тюрьму с передачами. Высокая, многоэтажная, каменная, стояла она среди простых домов. Ходила с ним одна из сестер, по профессии прачка, которая особенно ревностно относилась к заботам о заключенных. Свидания Леве не дали.

- Ничего, - утешала его сестра. - Бог даст, еще встретишься с этими братьями и порадуешь их.

Не думали ни она, ни Лева, что придет час, и это огромное мрачное здание проглотит и Леву.

Отец Левы жил довольно скудно, и хотя и он, и Лева были сыты, с одеждой было плохо. Брюки у Левы окончательно разорвались, но он не унывал: он надел теплые шаровары защитного цвета, подаренные ему Чигалейчиком. Они имели вид обычных брюк. Натянув на них носки, Лева имел сравнительно приличный вид. Отец предлагал сыну пожить у него подольше, устроиться на работу, но это оказалось трудно. Лева пытался сделать что-либо через биржу труда, но она в это время закрылась... за ненадобностью. Вступила в действие и широко развернула свою вредоносную деятельность другая "биржа труда", связанная с именем Ежова.

- Пока есть возможность и погода теплая, я, папа, лучше поеду. А зимой буду работать. Потом дальше, дальше...

- Каков же твой приблизительный план? - спросил отец.

- Да вот посетить заключенных в Сибири, а потом - на север России, наконец, Соловки.

- А к маме не думаешь?

- Нет, я отрешился от всего.

- А как дальше будешь жить, после посещения Соловков?

- Не знаю, совершенно не знаю. Это усмотрит Сам Бог. Так или иначе, придется быть готовым ко всему. Да будет воля Его.

Отец подумал было, что не худо бы сказать сыну, чтобы он поберег себя, но тут же вспомнил, что Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного... И ничего не сказал. Посмотрел в окно, вздохнул и тихо произнес:

- Да будет воля Божия над тобой. Я в былые годы много, много хотел сделать для Господа, но была семья. Я всегда помнил о семье.

- И твой труд в семье и для семьи для Господа был, - сказал Лева. - И труд твой не тщетен пред Ним.

- Да, я верю, - сказал отец, - что мои дети будут Его детьми. Я не могу воспитывать их, но я верю, что Господь поможет Нюре сделать это за себя и за меня. С тобой же я расстался, сын мой, когда ты тоже был несовершеннолетним, и не я, а Сам Господь воспитал тебя. Мы только не загородили тебе дорогу к Нему, а указали тебе на Него.

- Папа, верю. - сказал Лева, подходя к отцу и целуя его, - я особенно счастлив, что родился в такой верующей семье, где больше делают, чем говорят. В тебе я видел всегда настоящего христианина. Не помню ни одного случая, когда бы ты нарушал заповедь Христа.

- Помоги и тебе сын мой, - сказал отец, обнимая Леву, - быть всегда только настоящим христианином. И никогда своими поступками нельзя загораживать Христа, а наоборот, являть Его. Пусть Его пронзенные руки благословят тебя в дальнейший путь...

На следующий день после этого разговора Лева уехал. Он купил билет до Мариинска, В этом небольшом городе находился старинный централ знаменитая царская тюрьма. День и ночь огромные эшелоны заключенных прибывали сюда со всех сторон страны. Отсюда формировались этапы для снабжения строек рабочей силой...

В вагоне было душно, тесно. Лева встал совершенно разбитым, утомленным физически. Эту ночь он

почти не спал и, добравшись до дома брата в Мариинске, он жаждал только одного: поскорее посетить всех ссыльных и заключенных здесь и двигаться дальше. Ведь он мечтал добраться до Соловков. А дни летят, и приближается зима - наиболее трудная пора для путешествий.

Ссыльных в Мариинске он увидел быстро. Они пришли к брату, вместе помолились, побеседовали. Трудно было в Мариинском распределителе, где находился в заключении один юноша, учащийся московских библейских курсов, Володя.

Стоя около огромной каменной стены распреда, Лева просил Отца Небесного, чтобы Он устроил ему свидание. Сначала ему в свидании отказали, мотивируя тем, что сейчас их вообще нет. Но Лева упросил, говоря, что он о;1снь соскучился по родному брату и что находится здесь проездом,

Свидание дали. Крепкий, статный юноша в сером бушлате и кожаной фуражке, румяный, со сверкающими глазами, обнял его.

- Очень рад, очень рад! - говорил Володя. Они сели на скамеечку и тихо разговаривали. Лева рассказал о себе, передавал приветы от близких Володе братьев, а также делился невеселыми новостями о положении дела Божьего в стране.

- А ты не унываешь, брат? - спросил Лева, заканчивая рассказ.

- Ну, что ты, брат! Разве можно нам унывать! Написано: "Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах".

- А я не удостоился этой чести! - сказал Лева.

- Твой труд, дорогой брат, очень нужен, - сказал Володя. Но вот, я удивляюсь, на какие средства ты едешь?

- Стараюсь подражать апостолу Павлу. Работал и садовником, и дровосеком, и последнее время техником-практикантом по садоводству. Поработаю здесь и - снова в путь. Для себя я ничего не ищу,

Володя взглянул на заплатанные штаны брата и понял, что это действительно так,

- Вот болею душой, - сказал Лева, - что некоторые не хотят оказывать помощь узникам и говорят, что они поступают так, якобы для того, чтобы сохранять дело Божие. Ну Господь судья всему...

Свидание их было непродолжительным - всего около часа, но этого было достаточно, чтобы они полюбили друг друга и поняли, что путь у них один - путь полной отдачи Господу и желание одно - прославлять Его.

Лева уехал дальше, а Володя опять вернулся за каменные стены, бодрый и радостный. Сверля металлическую деталь, он весело напевал:

РoetryВ тебе забыты козни тьмы.

Печаль в земной борьбе,

Когда настанет час, и мы поселимся в Тебе!

Мы терпеливо крест несем,

Как велено Творцом,

Пока Спаситель у ворот спасенных соберет,

- Ты что веселый, жирную передачу получил? - спросил его товарищ по заключению, слесарь.

- Нет, не то, - ответил Володя и продолжал работать, улыбаясь. На душе его было особенно бодро и радостно после этого свидания. Он не одинок! Многие и многие идут этим путем! "Нужно только одно, - думал он, - иметь веру, надежду, любовь, - до конца". ... Лева проехал Красноярск, и великое пространство Восточной Сибири раскрылось пред ним.

Глава 35. Гонимые (Канск)

"Много теснили Меня..."

Пс. 123:2

Лева поехал по направлению к Иркутску. Первое ближайшее место, где были ссыльные - Канск. Этот сравнительно небольшой городок Сибири, расположенный на железной дороге, основанный еще при царском режиме, как и все подобные города, имел большую каменную тюрьму, а вокруг были глухие места, удобные для ссылок. В первом и сделал Лева остановку. Среди живших здесь сибиряков уже давно возникла братская община, и свет Христова учения распространился не только в городе, но в самых отдаленных таежных уголках.

Трудились не только местные верующие, но и ссыльные.

По адресу Лева легко нашел пресвитера. На приветствие Левы он бросился обнимать его. Это был светловолосый стройный мужчина.

- Всегда, всегда рад приезшему. Проходи, брат, садись. Что, в ссылку попал?

- В ссылку, - улыбнулся Лева, - но не ссыльный.

- А как же так?

- Очень просто. Исполняю только волю Божию.

- Какую же?

- Помните узников, "был в темнице, и вы посетили Меня".

- Ого! Это славно. А то некоторые здесь живут, к ним даже жены не едут.

Вошла румяная, крепкая, молодая женщина.

- Моя спутница. Знакомьтесь. Оля, ставь на стол.

За столом хозяин разговорился, и из его слов Лева узнал, что он в свое время учился на московских библейских курсах. Когда Лева рассказал ему о посещении им Иванова-Клышеникова, в глазах брата засверкали слезы.

- Да, вот это был наш Учитель! Как он учил нас любить Библию, изучать, читать ее...

В несколько минут Лева и хозяин стали близкими друзьями. Через него Лева достал адреса некоторых ссыльных, обещая посетить их в следующий раз.

- Вы знаете Ясырина Сергея Федоровича? - спросил Лева.

- Как же! Он с семьей в ссылку проехал мимо Канска. Сейчас находится где-то в глухих местах Ангары.

- Я собираюсь у него перезимовать, если Господу будет угодно, - сказал Лева.

- Как же вы к нему думаете пробраться? Это очень глухое место. Он мне писал, что можно двумя путями. Один - вниз по Енисею, до Ангары, потом вверх по Ангаре, через деревушки старых ссыльных, которые называются: Покукуй, Потоскуй, Погорюй. Другой путь - через наши места: Шягкино, Ягучаны, на Ангару. Тогда - Господь усмотрит. Здесь у нас, в Канске, находится сейчас ссыльный Карпенко. Очень интересный брат, вам нужно с ним познакомиться.

- Я уже слышал о нем. - сказал Лева, - и непременно постараюсь его посетить.

- У нас сегодня собрание, и он, вероятно, будет.

Когда Лева с братом пришли на собрание, в помещении было полно людей. Лева попросил пресвитера не назначать его к проповеди, так как мое служение не проповедь, - пояснил он. И сел на задней скамейке. В молитве Лева просил, чтобы его пребывание в этом городе было благословенно.

Среди проповедующих говорил и Карпенко. Невысокого роста белорус, бодрый и энергичный, он говорил на тему: "Всегда радуйтесь", и по его словам, и по виду было ясно, что он сам полон радости. Никто не мог бы подумать, что он чем-то обижен и что он является ссыльным. После собрания пресвитер познакомил Леву с ним.

- О, ко мне пойдете брат ночевать, - говорил Карпенко, сияя глазами. - Хотя у меня тесновато, но найдем место, Я, жена и детки будем рады.

Подошел еще один брат, оказывается он знал отца Левы. Он также усиленно приглашал его к себе. Как быть? Леве не хотелось обидеть ни того, ни другого. С другой стороны, он знал, что в доме пресвитера ожидают его на ночлег. Как быть? И тут Леве вспомнились слова Учителя: "В какой дом войдете, в том и оставайтесь, не переходите из дома в дом",

- Вы уж, братья, простите меня, - сказал Лева. - Я пойду в тот дом, где меня приняли с миром первый раз. Это будет по Слову. Все согласились, что так написано, и не стали противоречить.

Сам пресвитер несколько задержался по делам общины, и Лева пошел к ним с его женой. Дорогой она рассказывала Леве, что мужа вызывают и предлагают оставить служение Христу.

- Ну, и как же?

- Знаю, я, - говорила сестра, - что его ждет та же участь, что уже постигла многих тружеников - тюрьма.

- А вы не предлагали мужу уехать, чтобы того не случилось?

- Нет, - ответила она. - Мы не наемники. Это наемник видит проходящего волка и бежит, а волк расхищает стадо.

- А вы не думали, что вам будет очень трудно без мужа?

- Вот об этом не думала. Я с юности уверовала в Господа и знаю: Он никогда не оставит. "Счастливая семья! - подумал Лева. - Они идут в ногу по жизни и сумеют во всем поддержать друг друга".

На следующий день Лева с передачами посетил находившегося в тюрьме, а потом отправился искать семью Карпенко. В небольшой, с одним окном и низким потолком, комнате его приветливо встретила жена

Карпенко.

- Вы, конечно, тот брат, о котором мне говорил муж. Проходите, проходите, садитесь на наш единственный стул. Мы все время путешествуем, так что у нас почти ничего нет.

С кровати прыгнули две девочки, лет семи и девяти. Они, улыбаясь, не спускали с него глаз. Над кроватью кисел текст. "Се Я с вами во все дни, до скончания века". Текст был покошенный, углы стерты, видно было, что он немало был в пути. У окна на гвозде висела скрипка. Лева уже слышал, что брат был большой любитель музыки и не расставался со своим инструментом.

- А где же ваш спутник? - спросил Лева.

- Скоро, скоро придет. Пошел работу взять. Он жестянщик, и работы всегда много.

- Ну, как вы, сестра поживаете? Не унываете в скитаниях? Скучаете, верно, по своей Белоруссии?

- Как же, брат, скучаем. Там и родные ведь, и община родная. Ну ничего, Бог с нами я в Сибири.

- А как же это вы решились ехать в Сибирь, да еще с двумя детками?

- А как же брат? Не годится мужа оставлять одного. Сослали его, пишет: тоскую. Ну я, недолго думая, и поехала.

- И говорят, вы все и здесь продолжаете ездить?

- Да, слава Богу. Муж мой такой беспокойный, везде ревнует о деле Божиим. Ну и получается: Вот направляют нас в село, найдем квартиру, работа у мужа всегда есть. А вечером как начнем петь под скрипку, так вся деревня соберется. Он проповедует. Начальство сердиться, дальше гонит. Однажды вызвали его и говорят; "Мы тебя к медведям сошлем!" "А там люди есть?" спрашивает муж. - Отвечают: "Всего две избушки" - А он говорит: "Ссылайте, я и им должен проповедовать Христа". - "И вы поехали с ним?" - А как же, вместе поехали. Да дело-то было зимой, вот уже жизнь была! И в самом деле мы там медвежатиной питались.

- А вы ели медвежатину? - спросил Лева девочек.

- Ели.

- Вкусная?

- Вкусная.

- Ну, а потом, продолжала сестра, - гоняли нас, гоняли, и в Канск пригнали. Говорят, вроде мы здесь меньше вреда сделаем.

- Вы не ропщите, что у вас жизнь такая получилась? - спросил Лева.

- Нет, нет. Ведь Сам Христос сказал: "Меня гнали, будут гнать и вас".

Вошел Карпенко. Он был в самом веселом настроении. "Таких ссыльных мне и утешать нечего", - подумал Лева. После молитвы брат взял скрипку и стал ее настраивать.

- Сейчас мы тебе, Лева, споем приветственную песню. Он играл и пел. Пели его жена и дети. Лева слышал эту песню впервые, и она надолго запомнилась ему:

PoetryПривет вам, борцы за свободу!

Сердечный вам, братский привет!

С любовью несли вы народу

Евангельской истины свет.

Вас мир неприветливо встретил,

Насмешкой и злобой клеймя.

Мы чтим вашу память и будем

Мы славить Иисуса Христа...

После этого спели еще несколько знакомых гимнов. Особенно красиво переливались со звуками скрипки чистые детские голоса. В дверь кто-то постучал.

- Войдите! - приветливо крикнул брат, прерывая пение. Вошел крепкий, приземистый человек, по лицу которого сразу можно было определить, что он татарин.

- Мир вам! - сказал вошедший.

- А, брат Сабиров! - сказал Карпенко, обнимая его.

- Слыхал, у тебя гость есть, хочу увидеть его, - говорил он, приветствуя Леву. - Слыхал, слыхал о тебе, будешь гостем у меня.

- Да мы еще не беседовали почти, - сказал Лева.

- Сиди, говори, а потом ко мне айда!

Лева провел у Карпенко несколько часов. Рассказывал ему об особенностях пребывания в тюрьмах

различных заключенных, об их радостном настроении, о состоянии дела Божия во многих местах и пожелал ему быть горячим светильником до конца.

- Да, да, - говорил Карпенко, прощаясь. - Быть свидетелем Иисуса - это наше призвание. Нести свет миру - к этому мы призваны.

Больше Лева не встречался с Карпенко. Через несколько лет до него дошли грустные слухи о нем. Власть махнула на него рукой и перестала гнать, и он так ревностно служить Господу тоже не стал, Изменив внутреннему человеку, Карпенко стал более восприимчив к внешней стороне жизни. Его манила радость, красота, внешняя привлекательность. Жена его, оставшись верной Христу, не могла примириться с подобным охлаждением мужа к былым идеалам. Начались ссоры, всякие неприятности, дело дошло чуть ли не до развода. Вывод отсюда один: тот, кто дает обещание Богу и горит, как зажженная свеча, тот счастлив, радостен в самых трудных, ужасных условиях, и наоборот: тот, кто не верен своему служению, устраиваясь и обогащаясь материально, тот становится несчастным во всем.

А тогда Лева пришел к брату-татарину, который прежде всего усадил его за стол и угостил очень вкусным мясным борщом. Он рассказывал, что из всей родни он уверовал один во Христа и что татары на него очень обозлились, даже хотели убить его за то, что он оставил Ислам и веру в Пророка.

- А мне со Христом лучше, - говорил Закир. - Хочу, чтобы все родные были со Христом. Вот за тебя рад: хорошо, что пошел этой дорогой.

Когда гость поел, хозяин сообщил ему, - улыбаясь, что щи были из лошадки, молодого, хорошего, вкусно коня. Лева сердечно поблагодарил хозяина за угощение, находи конину очень вкусной,

И он, и другие братья проводили Леву на станцию. Все они обещали молиться о нем и выражали пожелание, что бы Лева вновь посетил их края когда-нибудь.

Махая проважавшим из окна, Лева думал: "Как дивно роднит людей любовь Христа! Вот и татарин становится близким, родным братом. И как неправы оказались те, кто думал, что верующие везде будут встречать Леву с недоверием и подозрением, соответственно, будут чуждаться его. Все, все братья и сестры относились к нему только с любовью. Чуждаются лишь такие большие, влиятельные люди, как Крыжановский.

Внутренне поблагодарив Бога за все. Лева стал смотреть в окно, где виднелись сибирские леса. Все сосны, ели, пихты - зеленое море лесов.

Глава 36. Тулонские старцы

"Все они свидетельствованные в вере..."

Евр. 11:39

Местечко Тулон и станция того же названия окружена тайгой. Когда-то здесь была большая община, много верующих, не в связи с начавшимися преследованиями они разъехались. По имевшимся у Левы сведениям, жили там всего три семьи.

Лева зашел к одной сестре. Она приветливо, радостно встретила его и рассказала, что ссыльных братьев в самом Тулоне нет, они находятся километрах з пятидесяти от станции, в одной из таежных деревушек. Сестра уговорила Леву переночевать у нее, чтобы с утра пойти в пеший путь тайгой. Она жила одна с двумя детьми, муж ее умер. По бодрому, спокойному лицу ее нельзя было подумать, что она вдова.

- Все у меня есть, - рассказывала она Леве, - утешаюсь Господом. Одно только плохо - собрания у нас теперь нет. Просто душа тоскует. Уж думаю не переехать ли туда, где собрание есть. Вряд ли можно это делать, - сказал Лева, - собрания везде скоро закроют, наступает время домашних церквей. Вот у вас сыночек, дочка да еще недалеко есть верующие семьи, вот и собирайтесь, пойте, молитесь.

- Да, брат, так мы и делаем, а иначе было бы как трудно с детьми. Они у меня уже и поют, и Слово Божие слышат, - говорила она, поглаживая по голове черноволосого мальчугана, который ласкался к матери.

- Да, в семьях сохраняются искры истины, - сказал Лева, - а потом эти искры вспыхнут яркими маяками во тьме, и из домашних церквей будут вновь восстанавливаться общины...

Наутро Лева подкрепился свежим, вкусным хлебом, только что вынутым из печи, и парным молоком. У сестры была корова, и она угощала гостя: "Пейте, брат, у нас молока-то вдоволь, вдоволь". Затем он, поблагодарив Бога и сестру, бодро двинулся в путь.

Что за чудная это была дорога! Красоты девственного леса открылись перед ним во всей их прелести! Он шел километр за километром, и старый лес с высокими, уходящими в небо соснами, стоявший стройной

стенной по бокам дороги, сменялся молодым, нежным ельником.

Местами стояли берцовые рощи, попадалась высокие кедр. Озаренные солнцем, они стояли, словно сторожа, в таинственной беспредельной тайге. Дорога то спускалась, то поднималась по зеленым лесным холмам. Местами она была сырой, болотистой.

Лева вдыхал полной грудью свежий смолистый воздух и не чувствовал усталости. Взор его и сердце полностью наслаждались красотами природы. Как ни чудесно изображал лес И. И. Шишкин и как ни приятно бывает полюбоваться полотнами этого большого художника, тут было во ста крат лучше, краше. Настоящая, живая природа под голубым небом, согретая еще и теплым осенним солнцем, дышала ароматами трав и деревьев, звучала пением птиц, стрекотанием кузнечиков, и не только огромные кедр, но и маленькие, белые голубые цветочки, попадающиеся у дороги, живо свидетельствовали о великом искусстве Художника, Творца вселенной.

Наслаждаясь природой, Лева живо и непосредственно ощущал и Того, Кто создал ее. И душа его была полна хвалы и славы Богу...

И вдруг он вспомнил всех своих знакомых, которые отвергли Бога, и ему стало особенно жаль их. Ведь, не сознавая Творца, они не могут и иметь особенно живой радости, полноты жизни на лоне природы...

Когда заходящее солнце только еще золотило вершины сосен он подошел к таежной деревушке.

- Вы не знаете, должен тут быть старичок Севастьянов? - спросил он проходящего охотника.

- Вот тот переулочек, да через плетень перелезете, там виднеется крыша, это полуземлянка, там он и живет.

По крепким бревенчатым ступеням Лева спустился в землянку. За столом сидели два больших крепких старичка, седые с длинными белыми бородами. Взглянув на них, Лева сразу подумал: "А братья-то раньше, наверно, были молокане?"

Узнав, кто он, его не только обняли, но и расцеловали в обе щеки.

- Вот радость-то нам Бог послал, вот радость! Мы-то думали: забыли нас братья. Но, слава Богу!

Старичок, который был выше ростом, уже поставил на стол третью чашку и, наливая чай из закопченного чайника, говорил: "Как раз к чаю, отведайте чайку, гость дорогой..."

"И гостеприимство-то молоканское!" - подумал про себя Лева.

Когда молились и стали пить чай, - а он оказался очень вкусным: это была заварена таежная сушеная черемуха с молоком - Лева не выдержал и спросил:

- А вы, братья, видать из молоканства?

- А ты откуда узнал? - спросил старичок чуть повыше ростом.

- Да так: смотрю я на вас, какие вы большие да крепкие, как дубы старые; такие старцы только в молоканстве водятся.

- Да, это так, - сказал брат Севастьянов, прихлебывая и расправляя себе усы. - И деды, и прадеды наши были молокане, много гонений терпели от царского режима, они - первые основатели молоканской общины в Благовещенске и Хабаровске на Амуре. Потом, когда свет Евангелия ярче разгорелся, мы стали баптистами.

- А вот теперь, - сказал другой старичок, - Бог сподобил и нас, как и предков наших, пострадать за веру, за Слово Божие.

- Ну, а как вы, братья, не очень тоскуете здесь, в такой глуши? - поинтересовался Лева.

- Да, ничего, - сказал брат Севастьянов. - Мы вдвоем, да Господь. Поем, Библию читаем. А я еще и сапожничая, брат мне помогает - кормимся.

- И что сказать, - заметил другой, дочери и сыновья-то у нас сами уже с хозяйством, малых деток мы не оставили. Одно плохо: нет братства.

- Бог даст, здесь поседем семена, всходы будут...

- Мы так и понимаем, - сказал один из них, - не напрасно Бог нас сюда прислал. Говорим людям, некоторые принимают, интересуются.

Весь вечер Лева рассказывал старичкам о своих путешествиях, о переживаниях ссыльных. Уже поздно ночью брат Севастьянов открыл старую огромную Библию и прочел. Читал он без очков, хотя ему и было лет под восемьдесят: "Да и все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы".

- Вот как оно написано, так оно и было, так оно и есть, так оно и будет. Вот сейчас для верующих настала непогода. Во всем есть воля Божия.

Преклонив колена, ссыльные горячо помолились за свои родные общины, семьи, за весь народ, прося о Его пробуждении. Молились и за власть, прося, чтобы сам Господь через нее совершал Свою волю. Молился с ними и Лева, благодаря Бога, что он помог ему посетить в этом глухом месте братьев-изгнанников, молился

за своих близких родных и особенно о ссыльных и заключенных, и об их семьях.

Лева сразу заснул крепким здоровым сном усталого человека. Он не успел повернуться на другой бок, как уже стало светло, и он увидел брата, хлопотавшего у печки. Ночь пролетела, казалось мгновенно.

Бодрый, жизнерадостный, Лева встал. В ногах усталости как не бывало. После завтрака старички повели его показывать свой огород, где было много картофеля, свеклы и других разных корнеплодов.

- Вот поработали на земле - и для здоровья хорошо, и на зиму сытно, - говорил брат Севастьянов, разглаживая мозолистой рукой большую бороду. Его друг ушел покупать молоко, а брат Севастьянов стал рассказывать о Лева о трудах и жизни на Дальнем Востоке.

- Все было хорошо, - говорил он, - да только пицать мы стали, вот Бог и наказал нас гонениями.

- Как так, пицать? - удивился Лева.

- Вот так. Говорят, жил-был когда-то один богатый генерал. У него в саду была статуя. Он со своими друзьями подошел к ней и говорит им: "Приложите-ка ухо к статуе, пицтит в ней внутри?"

- Что-то пицтит.

Ну вот друзья приходят и говорят: "Пицтит, пицтит". Это потому, что они генерала уважали, там в ней ничего не пицало. Получился один конфуз. Так наподобие этого получилось и с нами. Был у нас на Дальнем Востоке уважаемый брат - Винс Яков Яковлевич.

- Я его знал, - прервал Лева повествование. - Он был до революции пресвитером общины в наших краях. Хороший был брат...

- Да, он хороший был, - подтвердил старичок. - но только стал он совсем другой. Поехал он в Америку, а Америка его испортила. Пустой стал человек: блеск, треск, а духовности нет, Ну а мы, старики, пицим: уважаемый мол, человек.

- Да как же это так? - заинтересовался Лева.

- Да вот так, - грустно сказал Севастьянов и задумчиво покачал головой, всякое степенство он потерял. Красноречив был, а приехав из этой Америки, как начнет слово говорить, да как пример приведет - все хохочут чуть - ли не до упаду, просто скорбь, а не собрание получается. Надо бы нам старикам его обличить, а мы пицим: "Уважаемый, мол, брат".

- Ну а потом?

- Поедем, к примеру всей общиной на природу. Дело неплохое. Везде можно славить Господа, но народу масса, думаем: сейчас споем, будем свидетельствовать о Христе. А он говорит: "Помолитесь, братья и призовите благословение Божие". Ну, я помолился, призвал благословение, а он после этого как крикнет: "За мной!", да вприпрыжку к реке, молодежь, хор за ним, кричат, хохочут, а как нехорошо было! Ну просто измучились мы душой, а он открыл дверь всем и в кино, и в театры. Одним словом, не было в нем никакой духовности. Разложил молодежь да уехал снова за океан, не вернулся. Ну, а нас стали потом за него трясти: "Шпион мол, он шпион!" А мы ничего и не знаем. Рады только, что избавились от этого мирского человека. Одним словом, испортился он там, за океаном, да и нас портить стал. Надо бы нам его остановить, а мы - пицим: "Уважаемый, мол, брат". Ну и, слава Богу, Бог убрал его.

На другой день, сердечно простившись со старичками, как с самыми близкими друзьями, Лева бодро зашагал через ту же тайгу назад. Когда он смотрел на высокие кедры, он как бы видел перед собой этих двух старичков. Крепкие, сильные, степенные...

Самобытна, прекрасна природа нашей огромной великой страны. И так же, как есть в ней деревья и горы, не уступающие по красоте и величию никаким красотам других стран, так есть в ней самобытные, большие, духовно крепкие люди и религиозные общины, которые по своему величию и глубине не только не уступают заморским, но и во многих случаях превосходят их.

Глава 37. Узники с Украины

"Помните узников, как бы и вы с нами были в узах".

Евр. 13:3

И опять поезд мчал Леву все дальше и дальше в глубь Восточной Сибири. Вот и станция Половина. Кругом дремучая тайга, реки таежные, ко которым сплавается сибирская древесина. Вдали от станций и маленьких мест на одной из таких рек был расположен лагерь заключенных. Там были и братья с Украины. Туда спешил и Лева, чтобы проведать своих.

На этой станции он тоже нашел верующих, но они имели самые смутные представления о месте нахождения братьев.

- Так что же, их никогда не посещали? - спросил Лева.

- Нет, не приходилось, - отвечал ему брат - сибиряк высокого роста.

- Ведь трудно там, охрана кругом, штыки, проволока колючая. Это не то, что ссыльные...

- Но все же, - заметил Лева, - в свободное время вы могли бы посетить узников.

- Брат, мы ходим в деревушку, что по ту сторону железной дороги. Там много братьев, радостное собрание. И тебе советуем непременно пойти туда. Поназидаясь с другими и сам порадуешься.

- Нет, - сказал Лева, - это мне не по пути. Я стараюсь быть не в доме пира, а в доме плача.

С раннего утра он двинулся таежными тропами, идущими вдоль реки, в далекий лагерь. И опять перед ним раскрылись, одна краше другой, картины тайги. Осень начинала медленно накладывать свои краски. Местами листва деревьев темнела. Необычайно нарядно выделялись группы высоких стройных рябин с ярко-красными ягодами и разноцветной листвой. Вся красота леса отражалась, как в зеркале, в тихой спокойной реке. Солнце уже грело не жарко, а нежно, тепло, приятно. Приближалась та давняя пора тишины и тепла, которая известна в народе под названием "бабьего лета".

Лева шел километр за километром, но не чувствовал усталости. Солнце начинало склоняться к закату, и он ощутил голод. Достал из вещмешка краюшку хлеба, соленый огурец и быстро съел. Хотелось пить. Вода в реке была чистая прозрачная. Он наклонился и стал пить: приятная, вкусная, холодная, как родниковая.

Пошел дальше. Местами в лесу показались высокие вышки с находящимися на них часовыми. Появились и группы людей, бригады с двумя или тремя охранниками, работавшие в лесу. Лева шел мимо них, никто не останавливал его. Наконец, заметив одну бригаду, в которой он по шапкам и рубашам определил украинцев, подошел к ним. Охранники не обращали на него внимания.

- Скажите, вы не знаете, тут Петренко должен быть?

- Знаем, знаем, - ответило несколько голосов. - Он был в самом лагере. Он инвалид, работает в лагере. Да кто он тебе будет?

- Брат?

- Брат.

- Ого, так ты с Украины, с каких мест? Как Украина? Как жизнь?

Но Лева на Украине никогда не бывал и, естественно, спешил уклониться от всяких расспросов. Он направился к видневшемуся на берегу реки лагерю, который не был полностью огорожен проволокой. Видимо, побегов отсюда не было, и заключенных держали сравнительно свободно.

Вместе с другими бесконвойными заключенными Лева беспрепятственно прошел в лагерь. Он представлял из себя несколько больших бревенчатых бараков и ряд мелких деревянных построек. Без труда нашел он брата Петренко, который работал дневальным в одном из бараков. Заключенный просто просиял, когда узнал, что пришел браг по вере посетить его.

- Какое счастье! Какое счастье! Бог послал! - говорил он, воздевая руки к небу, - Благодарю Тебя, Господи, что Ты послал брата. И торопливо добавил, обращаясь к Лева:

- Я тут не один, есть еще три брата. Сейчас придут с работы. И еще же похвалился: - У нас тут есть молитвенный дом. Вон там, - показал рукой на большое окно, Сквозь деревья виднелась старая постройка,

- Мельница чья-то была. Там наверху мы молиться собираемся. В бараке никого не было, кроме двух-трех спящих больных, и их беседе никто не мешал.

Из слов заключенного Лева узнал о том, как они служили Господу на Украине, о тех больших собраниях, какие были во многих селах. Волна репрессий остановила растущее пробуждение украинского народа. Многие руководящие братья как в больших городах, так и в селах, были арестованы, сосланы, заточены в тюрьмы. Молитвенные дома закрыты, духовная работа пала на плечи сестер.

Петренко доставал письма и читал гостю, как во многих местах простые женщины-сестры поддерживали семьи, оставшиеся без отцов, оказывали помощь заключенным передачами и посылками.

Петренко продолжал читать чудные строки, написанные сестрами узнику, и из каждого лился мир на утомленную душу.

И Лева стало ясно, что к деле заботы об узниках он далеко не один, он только маленькая крупица того великого благословения, которое изливает Господь через искренних своих на гонимый, страдающий народ свой. Один только Господь с высоты, очи Которого обзревают землю, видел тот дивный аромат любви, который изливался в саду Господнем, когда подул ветер с севера и с юга.

Лева вспомнил те потоки заботливой любви, которая проявлялась к заключенным и их семьям на Волге,

и у него стало легко на сердце от сознания того, что он не одинок, что ныне он приобщился к тем многим, многим людям - мирноносцам, которые несут свои ароматы, чтобы помазать оплеванное, истерзанное Его тело.

Пришли братья, и все они пошли в "молитвенный дом". Там, в полуразрушенном помещении мельницы, они пели, преклоняли колена, читали Слово Божие. И было так хорошо и так радостно, что совершенно забывалось, что они в глухой тайге, на чужбине и что кругом стоит вооруженная охрана.

- Да, для Слова Божия нет уз, - сказал вдохновенно Петренко. - Господь и здесь приходит к нам, и мы с Ним так утешаемся, нам так хорошо, как не было даже на больших собраниях.

Душу Левы томил один вопрос: так или иначе, наступает ночь. Где же ночевать? Кругом ни одного домика, только лагерь. Идти назад невозможно, ночевать в тайге опасно: всякие звери водятся;

Он поделился своими опасениями с братом Петренко.

- О, ничего! - воскликнул тот. - Поночуешь у нас в бараке. У нас чисто, вшей нет. Я скажу старосте, он - мужик хороший.

Староста из заключенных, назначаемый начальником лагеря для наблюдения в бараке, оказался добрым мужичком.

- Пусть ночует рядом с тобой. Потеснитесь на нарах. Малый хороший, брата пришел проведать.

И в первый раз в жизни, будучи "вольным", Лева уснул на нарах вместе с заключенными. Нужно отметить, что перед сном братья угостили его из лагерного котла очень вкусной пшеничной кашей с маслом. Лева быстро безмятежно уснул.

Ночью он проснулся от резкого требовательного крика:

- Вставай, поднимайся, стройся на проверку! Стройся!

Заключенные поспешно вскакивали на проверку! Это была ночная проверка заключенных, которая периодически делалась начальством.

Выстроились рядами, и с ними Лева. После переключки, в бараке оказался один лишний. Хотели уже пересчитать второй раз, но староста вышел вперед и сказал:

- Гражданин дежурный, разрешите доложить. Тут к нашему дневальному братишка приехал. Так ночевать-то негде, мы его здесь и пристроили.

- Кто такой? - спросил дежурный, сонно позевывая. Лева вышел вперед. Дежурный махнул рукой:

- Нехай ночует. Если число больше - это нам ничего, а вот не хватит - плохо.

Утром, сердечно простившись с братьями, Лева двинулся обратно в путь. Когда он к вечеру пришел на станцию Половина, то сестра высокого брата, что убеждала его посетить собрание, стала тоже упрашивать его идти в село, где как раз должно было вечером состояться собрание.

Очень не хотелось Леве идти туда. Однако, скрепя сердцем, он уступил просьбам сестры и пошел. Дорогой его все время мучил вопрос: "Зачем я иду туда? Ведь я призван посещать ссыльных и заключенных. Не моя это обязанность - ходить по собраниям".

Когда он уже приближался к деревне, по дороге навстречу ему показалась какая-то женщина. Поравнявшись с ним, она внимательно посмотрела на него и тихо спросила:

- Вы будете брат?

- Да, брат, - ответил Лева, останавливаясь.

- Так не ходите, не ходите туда. Меня Сам Господь послал навстречу вам. Там у нас собрание началось, вдруг начальство нахлынуло и всех арестовало. У меня сердце разболелось, и вот кажется мне, кто-то должен к нам прийти, и словно Сам Господь говорит мне: "Иди навстречу, предупреди!" И я пошла.

- Помолимся, сестра! - сказал Лева и начал молиться. - "Господи! Ты всеведущ, и всемогущ и все в Твоей руке. Ты послал эту сестру, чтобы предупредить меня и спасти от этой сети. Воздай ей за ее послушание Тебе. А меня веди дальше и помоги посетить еще узников. Да будет воля Твоя в жизни нашей".

Он распрощался с этой сестрой и в тот же вечер уехал в Иркутск.

Глава 38. Иркутские родные

"Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь".

Мтф. 7:14

- Здравствуй, брат! - сказал Лева, идя навстречу мужчине, открывавшему дверь. Хотя он первый раз

видел его, но сразу по лицу, по выражению глаз понял, что это верующий.

- Приветствую, - ответил тот, несколько недоуменно смотря на доспехи Левы.

Лева вошел в комнату. Это была кустарная переплетная мастерская. Брат Попов, к которому он попал в Иркутске, мог делать прекрасные переплеты, даже тисненные золотом, и был всегда завален работой. Он приветливо принял Леву и, пока его спутница готовила обед, продолжая работать, беседовал с Левой.

- Да, трудную долю ты избрал себе, брат! - сказал он, услышав о желании Левы посетить в Иркутской тюрьме заключенных, а так же заключенных и ссыльных в области.

- Есть они в лагерях около Байкала, много наших братьев в Александровском централе. Слышал о нем?

- Да, слышал, - сказал Лева, - говорят, очень глухое место старой царской каторги.

- Историческое место, - заметил брат Попов, подогревая клей на печке. - Говорят, там и кандалы старых каторжан сохраняются.

- А я слышал песню об этом централе, - поделился Лева:

Поетру Далеко в стране Иркутской

Между двух огромных скал,

Обнесен стеной высокой,

Александровский централ.

"А скажи-ка мне, голубчик,

Кто за что же здесь сидит?"

- Это, барин, трудно помнить:

Есть и вор здесь, и бандит.

Есть за кражи и убийства,

За подделку векселей,

За кредитные билеты...

Много разных штукарей...

- Так, так, - заметил брат, - а теперь вот попал туда наш иркутский пресвитер.

Брат - огонь. Когда он был грешником, греху служил, известен был всему Иркутску. Первый был и по работе в пожарной охране города. Ну и кутил тоже... А отдался Христу - несет везде служение и Евангельскую весть. Примером святой жизни стал человек. Женился на одной из лучших сестер. Мы его пресвитером избрали. Церковь Божия стала расти. Человек, прямой, справедливый...

- Проходите, проходите кушать, - приглашала спутница брата. За столом брат Попов поделился грустной новостью В Иркутской тюрьме недавно скончался известный руководитель украинского евангельского движения брат Хомяк.

- Долго, говорят, был под следствием, потом эти этапные тюрьмы до Иркутска. Подорвал здоровье и тихо угас. Мы к нему на свидание ходили, передачи носили. Что за брат был! От него веяло словно неземной жизнью. Мало знали его, но сразу полюбили. Какие нам записочки ободрения писал! Чувствовалось, будто брат уже живет не здесь, на земле, а - на небе. В память его я выбил ленту тисненую и послал ее родным и знакомым на Украину.

Смерть брата Хомяка была для Левы неожиданностью. Он много слышал об этом подвижнике и надеялся с ним встретиться.

- Вы брат, что то утомленный вид имеете, - заметила сестра смотря на Леву. - Видно устали с дороги?

- Нет, ничего, - бодро сказал Лева. - Я всегда такой.

- После обеда у нас мертвый час, - сказал переплетчик. Сейчас отдыхать будем. Извольте быть послушным!

И Леву уложили на диван. Однако он так и не уснул. Воображение рисовало перед ним смерть брата в тюрьме. Одиноко, среди разбойников - преступников. Путь один. В душе грустно пелось:

Поетру Они собираются все домой!

Все домой!

Один за одним входят в край родной!

Да, все домой!

Ему было грустно и за себя, что он не - успел и не застал этого брата живым, не сказал ему бодрого, приветливого слова. И Лева еще более захотелось, дорожа временем, спешить посетить тех, кто продолжает путь через Голгофу.

Вечером он пошел с братом на молитвенное собрание. Сердечное, простое пение действовало успокоительно и в то же время влекло к подвигам.

Собранием руководил молодой человек, который, как слышал Лева, недавно прибыл в Иркутск. Проповеди были простые, проникнутые одной мыслью: "Верность Христу до конца".

В заключение говорил проповедник, приехавший из Иркутска. Он вынул свою Библию из портфеля и начал читать громко, по-ораторски. Вся его манера проповедывать и хороший галстук, выделявшийся на белой рубашке, говорили о том, что он хочет показаться весьма культурным человеком. Когда была молитва, Лева просил, чтобы Господь дал ему силы быть верным до конца так, как был верен Стефан, о котором упоминалось в проповеди, и многие другие мученики всех веков ради Христа и Евангелия.

После собрания Леву познакомили с молодым человеком, выполняющим обязанности пресвитера.

- Вы из проповедующих? - спросил он Леву,

- Да, как сказать, - ответил Лева. - Мое назначение не проповедывать, а посещать ссыльных, заключенных.

Услышав о Иванове - Клышникове, этот брат сразу расположился к Леве и рассказал ему свою историю. Уверовав во Христа, он после принятия крещения также ревностно стал служить Господу. И вот, когда он пребывал в молитве, ему была открыто, чтобы он посвятил себя миссионерской работе среди друзей-якутов. Он поехал в Москву, там встретался с председателем союза баптистов Одинцовым, который благословил его в путь в далекую Якутию.

- И вот, - рассказывал он, - я уже достиг Иркутска и намеревался отправляться дальше, в Якутию. И вдруг, вижу: Иркутская церковь обезглавлена, нет пресвитера. Братья мне говорят: оставайся, будешь пресвитером. Я подумал: "Что мне ехать к мертвым в Якутию, когда живые нуждаются во мне?"

- Странно, - не выдержав, спросил Лева. - А как же это объясняется Словом Божиим?

Молодой человек нисколько не смутился и наставительно сказал:

- Жены-мироносицы шли помазать мертвого Христа, а встретили живого. Так и я.

Побеседовав еще с Левою, он вдруг предложил:

- А знаешь что, брат? Будет хорошо, если ты тоже останешься здесь и будешь моим помощником. Труд много, нужно проповедовать, посещать верующих...

- Нет, нет, - поспешил ответить Лева. - Об этом и не думайте. Мой путь ясен, и я не могу сворачивать ни направо, ни налево.

Впоследствии этот брат попал в испытания, но вышел из них благополучно. Женился, зажил обычной обывательской жизнью. Слышно было, что в семье были неурядицы, он проявлял гнев. Искренний, хороший был брат, но, видимо, сделал ошибку, не поехав к якутам, когда Господь звал его туда.

Глава 39. Звезды Сибири (Ангара, Тальцы)

"...Разумные будут сиять, как светила..."

Дан. 12:3

Из Иркутска по направлению к Байкалу шел поезд. Огни его прорезали ночную тьму, нарушая покой спящей тайги. Поезд остановился у маленького разъезда. На перроне, слабо освещенном коптящей керосиновой лампой, был одинокий пассажир, сошедший с поезда. Он огляделся кругом, постоял, что-то припоминая, и, обогнув станцию, стал спускаться по откосу в таинственный мрак ночи. На фоне ночного неба рисовалась зубчатая тайга. Там, ниже, белела какая-то полоса. "Должно быть, Ангара" - соображал юноша и, осторожно ступая по мелким камням, стал спускаться к воде.

Да, это была великая сибирская река Ангара. Стоя на берегу, он внимательно всматривался в темный силуэт ближайших выступов берега, пока его глаза не уловили очертания чего-то похожего на избушку. Он направился туда и скоро стоял перед небольшим деревянным домиком рыбака. Постучал в дверь, ответа не было. Постучал еще, кто-то закашлял, послышался скрип внутренней двери и голос:

- Кто это?

- Ваш брат, странник и пришелец!

- Эй, старуха, вставай скорее! Брат, брат пришел!

Старик открыл дверь и, всмотревшись в стоявшего юношу, спросил:

- Да вы откедова?

Похоже, что внешний вид юноши изменил отношение старика к нему. Действительно, висевшая сбоку

полевая сумка, с другого бока - фляжка, за спиной - вещевой мешок и через плечо, как шинель, скатка пальто, производили впечатление военного.

- Привет вам из Иркутска, от братьев Петрова, Попова, - сказал юноша. Старик разгладил свою большую седую бороду и обнял молодого человека. Целуя его, старик говорил:

- А я уже подумал по твоему виду, не души ли ты моей ищешь?

Старушка приветливо усаживала гостя и хлопотала у печки:

- Вот тут у нас немножечко картошки осталось, угощаем. Я уж уху завтра утром сварю,

С аппетитом ел Лева вареный картофель и рассказывал о своем желании переправиться через Ангару, а потом берегом добраться до стеклянного завода а далеко идти по деревушкам, где находились узники.

- Рад, я за тебя; брат рад, - говорил рыбак. - Не оставит тебя Бог без милости за такое доброе дело. Да вот только смотрю я на тебя - трудно одному. Ведь Христос всех учеников по двое посылал, вдвоем - то полегче.

- Да, вдвоем полегче, - вздохнул юноша, - но не нашел я тех людей, которые бы жертвовали собой ради этого.

- Да, - сказал брат-рыбак, - не слыхал я тоже. Да и Павел в свое время имел верного Тимофея, а об остальных он писал: "Все ищут своего, а не того, что угодно Господу Христу"

Помолившись, крепко уснули. Наутро, чуть взошло солнце, Лева стал уговаривать рыбака переправить его на ту сторону реки, не дожидаясь, когда будет готова уха. Старичок вынужден был уступить уговорам юноши и перевез его на плоскодонке на противоположный лесистый берет Ангары. Прощаясь с ним, он спросил:

- А как твои ноги? Идти-то далеко. Выдержишь ли?

- Бог даст, выдержу, - ответил юноша. - Молитесь обо мне. И он бодро зашагал по берегу Ангары вверх.

Это было чудное осеннее утро. Воздух был свеж, наступали первые осенние заморозки. Тайга, убранная в разноцветную одежду отмирающей листвы, была прекрасна. Он шел километр за километром, не встречая никого. Кругом была девственная природа. Временами поднимались стай диких уток и гусей и летели к югу. Все интересы Левы, его стремления, мысли были направлены на то, чтобы исполнить волю Пославшего его.

До стеклянного завода он дошел, нисколько не устав. Не делая передышки, расспросив о пути к таежной деревушке, он направился туда. Несколько утомленный, подошел к краю небольшой деревеньки, расположенной в глухой тайге.

- Слушай, парнишка, не знаешь, тут у вас должна быть портниха, звать Паша, из города, работает тут...

- Есть, есть, - сказал паренек, который вел лошадь, - вон там. Он указал кнутом на старую потемневшую косую избу.

- Там она.

С сильно бьющимся сердцем направился Лева к избе. Сейчас он увидит Пашу, о которой он столько слышал. Он так хотел знать людей, жертвенно отдавших себя Иисусу, добровольно идущих на лишения ради ближнего, но он еще не встречав их. А они были, как бывают звезды на темном небе во время глухой ночи. И одной из этих чудесных звезд, как говорили, была Паша,

Подойдя к двери избушки, он приоткрыл ее:

- Можно войти?

- Войдите! - раздался приветливый звонкий голос девушки.

- Мир вам! - сказал он, войдя и остановившись среди комнаты.

- С миром принимаем! - сказала Паша, вставая от швейной машины и с недоумением смотря на незнакомца. Его обмундирование вызывало у всех верующих недоумение.

- Кто вы? - спросила она.

Он не ответил, а только сказал: "Давайте помолимся". Они опустили на колени. Он не мог молиться, он плакал, молилась Паша. Потом молился и он, благодаря Бога, что Он помог ему добраться до того места, где есть узники, а также увидеть ту настоящую христианку, которая служит им и заботится о них.

Они встали с колен и начали разговаривать, как добрые друзья. Кровь Иисуса, близость к Нему сразу сделали их родными, понятными друг другу. Лева рассказывал о том, как он оставил родных ради Истины, как он просил Отца Небесного, чтобы Он указал, что ему делать, и как, получив от Него благословение, пошел в тяжелый, далекий путь посещать узников.

Паша слушала, и на лице ее была улыбка. Она радовалась тому, что видела таких же людей, как она, которые посвящают свою жизнь, юность делу служения ближнему. О себе она рассказывала мало. Как ни старался Лева подробнее расспросить Пашу о том, как достигла она такого высокого уровня, она скромно отмалчивалась и старалась говорить не о себе, а о других.

Каждое слово, каждое движение было воплощением величайшей кротости и смирения.

- Ведь я не могла не приехать сюда. Господь побудил мое сердце, это Он, а не я.

- Да, - соглашался Лева, - все доброе, хорошее, что проявляется в нас, это не наше, это Его. Наше - это только грех. И верно, Паша, нам нечем хвалиться, только Христом, Христом одним...

- Дорогой брат, я угощу вас сейчас чаем. Извините, что я сразу не догадалась, вы так увлекли меня своим рассказом. А потом придут узники, ужин уже готов, стоит в печи, и мы будем ужинать с ними.

Она поставила горячий чай, молоко, хлеб, и Лева с аппетитом пил и говорил о том, как дорога для христианина простая пища - хлеб насущный.

- Я вот в своих путешествиях больше питаюсь хлебом и огурцами и чувствую себя сытым и спокойным.

Паша поделилась своим желанием посвятить себя всецело только Господу!

- Да благословит вас Господь! - сказал в ответ Лева. - Лучшего нам и желать нечего. А я вам скажу откровенно, - продолжал он, - думаю никогда не жениться, все отдать Иисусу. Обет я, конечно, не давал, но стремлюсь.

- Много, много силы для этого нужно, - сказала Паша, серьезно смотря на юношу. Эти слова врезались в его душу, и прошло много лет, но он их помнил и, пройдя большой жизненный путь, убедился, что для большой жертвы нужна и большая сила.

Чем больше присматривался Лева к Паше, тем более внутренне восхищался ею. Он как бы не видел ее внешнего облика, не замечал даже, какого цвета ее глаза, вьются или гладкие у нее волосы, полная или хрупкая она. Он только видел ее и ощущал перед собой чудную душу живой христианки, живущей любовью к Богу и ближним.

Он узнал, что Паша трудится не только тем, что посещает узников, питает их, много шьет, работает, чтобы поддержать их материально; он узнал, что она каждую свободную минуту работает над Словом Божиим и ведет большую переписку с различными страдающими, неся им утешение, а также со многими друзьями из молодежи и проповедниками.

Послышались тяжелые шаги. Дверь отворилась, и в комнату вошел огромный седой старик в лаптях. За ним шел высокого роста, статный, бледный молодой человек, тоже в промокших лаптях. Третьим оказался приземистый человек в крепких сапогах.

Несмотря на усталый вид, они улыбались. Лева сразу догадался, что это братья.

- Это брат приехал, чтобы посетить нас, - сказала Паша. Они обнялись, поцеловались, как самые близкие друзья.

- Редко, редко к нам гости попадают, - сказал старик, снимая лапти, - и вот Бог прислал. Вы от какой общины?

- Я не от общины, - сказал Лева, улыбаясь.

- Так значит из Москвы, от союза прислан посетить?

- Нет, не от союза, - отвечал Лева.

- Так от кого же?

- От Самого Господа, Который любит вас, больше, чем все.

- Ну, беседовать будете после, - сказала Паша. Она ставила на стол дымящиеся щи, а Лева помогал братьям умываться. Поблагодарив Бога за пищу и за приезд брата, сели за стол.

- А скажи, брат, - спросил молодой высокий юноша, - ты много посетил заключенных, ссыльных, видал, как они питаются, а были ли где такие вкусные щи, какие мы, узники, а кушаем вот здесь?

- Нет, ничего подобного я не видал. Большие слезы, лишения.

Старик положил ложку, которой хлебал щи, и, кивнув головой на Пашу, сказал:

- С ранней юности она радостью для общины была и теперь все нас утешает, кормит.

- Вы неверно говорите, дорогой брат, - сказала Паша, ставя на стол тарелку с хлебом. - Это не я, это ведь Господь.

- Это верно, верно, - подтвердили все. Паша убрала со стола, и Лева подробно, со слезами на глазах, начал описывать неизвестным узникам события последних дней. Закрывались общины, отбирались молитвенные дома, многие пресвитеры - союзные благовестники оказывались наемниками ми, бросали свои стада и трусливо бежали, оставив дело Божие, чтобы спасти благополучно своя тела. Некоторые писали в газетах, что отказываются от веры, вновь насмеялись и позорили Распятого.

- Вывод один, - говорил Лева, - это как в книге "Есфирь" поднять вопль к Богу. Только Он один может спасти народ Божий от уничтожения.

Преклонив колена, они еще раз в слезах молились Богу, моля о разрушенных, покинутых общинах, о

рассеянные, обездоленных верующих, чтобы не скудела вера ни в ком. Когда поднялись с колен, вытирая свои глаза, то брат старец бодро сказал

- А мы вас брат порадуем. Ну-ка, Паша, давай!

Из соседней комнаты Паша вынесла скрипку, гитару, мандолину. Старичок настроил мандолину, Паша взяла гитару, а юноша, радостно улыбаясь, как будто бы он был самый счастливый человек в мире, - скрипку. Под звуки музыки полилась песнь христиан:

Poetry Радость, радость непрестанно!

Будем радостны всегда.

Луч отрады, Богом данный,

Не погаснет никогда!

"Да, действительно, - думал Лева, глядя на них. - Ни тюрьма, ни разлука с ближними, ни тяжелая работа не гасят радости. Кто они? - Непобедимые! Люди с чистой душой и совестью, Люди, несущие всем мир и любовь!" А они пели дальше:

Poetry По следам пойдем Христовым,

Будем льнуть к рукам Его,

Чтоб под бременем суровым

Не остаться без Него.

Среди мужских голосов отчетливо выделялся чудный дискант Паши. Гармония звуков песни наполняла комнату и, казалось, поднималась к небесам. Склонив голову, Лева думал о. Паше: "Что за чудная христианка!" Она умеет не только шить, писать письма, готовить пищу, но и замечательно поет, играет, Все лучшее в человеке: труд, любовь и искусство - соединилось в этой душе...

- А ты, что брат, на мои сапоги смотришь? Думаешь мои? - сказал приземистый брат. - А братья в лаптях? Нам в лагере на троих одну пару дают. Вот мы по очереди носим.

- Одна пара, - сказал старик, - беря рукавицы. Как ни добро наше начальство, да нужно быть аккуратными. Скоро проверка, а ты, брат, - обратился он к Леве, - если хочешь посмотреть, как мы живем, идем с нами.

- Да, я пойду вместе с вами, - воскликнул Лева.

Поговорив с охраной и сказав, что приехал брат, они получили разрешение провести Леву в барак. Длинное, большое помещение, нары, кучи людей, то играющих в карты, то непрерывно изрыгающих мат, спорящих между собой.

- Тяжело нам среди них, как во рву львином, - сказал брат в сапогах, - но они нас не трогают.

- Нас все уважают, - заметил высокий юноша.

- А вы, брат, приходите к нам на работу, посмотрите, как мы работаем, Паша знает дорогу.

- Непременно, непременно приду, - сказал Лева, прощаясь с братьями.

Вечерело. Тайгу окутал таинственный сумрак. Временами слышался крик: "Кто идет?", и опять все тихо.

Лева мечтал провести вечер в беседе с Пашей, но она категорично заявила, что он с дороги, имеет очень утомленный вид и должен лечь спать. Как ни возражал Лева, ничто не помогало.

- А я ложусь на полу, - заявил он решительно.

- Нет, я здесь хозяйка, не возражайте, я старше вас...

Не с сестринской, а с материнской заботой она приготовила ему постель, и, еще раз поблагодарив Бога, они легли спать. Лева тут же уснул после большого пути, а Паша, засветив маленькую керосиновую лампу, еще долго писала письма. А потом, постелив старенькое пальто, она легла на полу и тихо, безмятежно уснула спокойным сном. Спала тайга. Была темная ночь. А на небе ярко горели чудные сибирские звезды. Своими лучами они были готовы указать верное направление каждому ищущему путь. Они светят и теперь.

Наутро, шагая по бездорожью, они с Пашей пришли на место работы братьев. В глухой тайге рубили деревья, корчевали пни, готовили ледяную дорогу, чтобы по ней возить зимой древесину. Сырая земля, камни, ветвистые пни.

- Вот тут-то мы и работаем, - весело сказал старик, приветствуя Леву.

- А ну-ка, дайте я с вами поработаю, - сказал Лева и взял кирку. Он хотел долбить грунт и отбрасывать лопатой, но вскоре запыхался и вспотел.

- Ого, работенка, - сказал он, вытирая пот со лба...

- Втянуться, надо - заметил высокий юноша. - Вот так.

Он взял совковую лопату и богатырскими движениями стал выкидывать землю.

- Норму перевыполняем, начальство довольно. Премиируют. Вечером они прощались.

Лева подарил Паше на память почтовую открытку, на которой он нарисовал терновый венок, центр которого занимал крест, стоящий на холме. На кресте была распята буква "Я". На полях - по бокам возле креста - было написано: "Ради Христа и Евангелия", с левой стороны и с правой: "Кто Мне служит, Мне да последует". Каждый выражал свои пожелания. Среди всех этих пожеланий на всю жизнь врезалось в сердце пожелание Паши, которое она прочла из своей Библии: "Очи Господа обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему".

...Двадцать семь лет прошло с тех пор, как было высказано это пожелание, много воды утекло, многое изменилось в жизни людей, а этот чудный текст все так же сияет для. Левы и для всех тех, кто любит Господа. И вот теперь, когда пишутся эти строки, на столе лежит старая Библия. Это та самая Библия, из которой Паша взяла тот дивный текст. Сверху, на коричневом переплете, который от времени стал черным, оттеснено: "Библия" и рядом фамилия Паши. Эта книга имеет свою историю. Она принадлежала брату Паши, который пошел на страдания ради Господа. Он подарил ее своей сестре. Открываю книгу: надпись: "Дорогой сестренке Паше. В память пребывания с заключенными Тальцы. Пусть это Слово Бога Будет светочем твоим. Счастливый путь тебе, дорогая, Сострадальцем будь всегда моим. Твой меньший братишка Гоша. Тальцы. 20.10.30 г." Долгие годы, жертвенные годы любви, эта книга сопровождала Пашу. И теперь не только книга, которую жила Паша, но живое воплощение любви и лучшего находится здесь и радует многих.

Высокий юноша пользовался таким доверием начальства, что ему разрешили проводить приехавшего брата.

Он взял лодку и перевез его на другую сторону Ангары. Прощаясь, они обнялись:

- До свидания, брат! - сказал Лева. - Далек твой путь, далек и мой. Встреча, видимо, будет у Господа. Раньше едва ли встретимся.

- На все воля Божия, - ответил, прощаясь, узник и поплыл туда, где его ждали дни разлуки и терпения.

Глава 40. Отверженные

"Вы и моим узам сострадали".

Евр. 10:34

Иркутск проснулся. Восходящее солнце освещало сибирский многолюдный город. На улицах - большое движение. Среди пешеходов торопливо пробирались Лева с сестрой, неся узелки с провизией. Народу много, но каждый спешит, трудится и двигается, чтобы устроить свою жизнь. Он же направился к тому месту, от которого все старались быть подальше. Пожилая сестра, которая шла вместе с ним, вздохнула и сказала: "Ох, тюрьма у нас, в Иркутске, огромная! Недаром народ про нее и песню сложил:

ПоetryТюрьма иркутская большая,
Народу в ней не перечесть.
Ограда каменная высока,
Через нее не перелезть...

И вот они - у стен этой знаменитой тюрьмы. Огромные железные ворота. Вот и двери с железными решетками в каменных стенах. Дежурные пускали людей для свиданий и передач. Свидания с узниками, всегда краткие, из-за двойных, мелких решеток напоминали Лева зверинец. Об этом уже многие писали и раньше. Заключенный находился за одной сетчатой решеткой, пришедшие на свидание - за другой. В проходе между решетками стояли часовые. Все, стоя напротив своих близких, кричали им. Те, старались перекричать своих соседей, чтобы их услышали родственники. Шум стоял невообразимый. За решетками Лева толком не рассмотрел брата, пришедшего на свидание с ним, да и мало что понял из его слов. Одно было ясно, что брат не унывает и чувствует себя куда бодрее, нежели его соседи.

В тюрьме находилось несколько братьев, и каждому передавали по маленькой передаче. В ожидании ответа Лева сидел с сестрой на лавочке в этом угрюмом помещении для свиданий, ощущая своеобразный тяжелый запах тюрьмы. "Как все-таки им тяжело здесь!" - подумал он. А сестра рассказывала, ему, сколько в этом месяце ей пришлось посетить вновь поступивших сюда братьев-заключенных, и никто из них не жаловался на свою судьбу.

- Были такие даже, - говорила она, - кто, видно, был доволен своей судьбой, тем, что удостоился пострадать за Христа.

Лева вспомнилось стихотворение, которое пела волжская христианская молодежь в конце 20-х годов, когда начались гонения: Не смущайся железной решетки, Ни тяжелых засовов дверей, Христиане считали

находкой пострадать за Христа от людей.

Вынесли их же записочки. В них заключенные писали карандашом: "Передачу получили сполна, принесите простого хлеба". Больше писать не разрешалось.

С чувством глубокой скорби о братьях, лишенных свободы, вышли они из ворот тюрьмы. Сестра проводила его к жене бывшего пресвитера, которая, как было слышно, собиралась ехать к мужу в Александровский централ.

- Так вы тоже собираетесь туда? - приветливо спросила молодая женщина, качая грудного ребенка. - Садитесь, брат.

- Да, я завтра собираюсь ехать, - сказал Лева, опускаясь на стул.

- О, как это хорошо! - воскликнула сестра. - А я-то молила Бога: "Господи, пошли попутчика!" Ведь там столько приходится идти пешком, тайгой. Я и думала, как понесу малыша и корзинку. Вот мне Господь и послал Вас.

- А мне вас Господь послал! - радостно сказал Лева. Я все путешествую один, только с Господом и очень рад, что пойдем вместе.

Она положила ребенка в кроватку и приоткрыла простынку.

- Посмотрите, брат, какой он хороший, а папа его еще не видел. Лева с интересом посмотрел на малютку, который, приоткрыв глаза, видимо, собирался плакать. И действительно, лицо его вдруг горестно сморщилось, он громко расплакался.

- Да, ему кушать пора уже, сейчас я его покормлю. С какой любовью смотрела она на своего первенца! Лева с восхищением наблюдал за матерью, которая должна была теперь заменить малютке и отца. Они договорились встретиться на вокзале на следующее утро.

- До него меня сестры проводят, а там уж вы будете помогать.

- Непременно, непременно, я очень - очень рад, - говорил Лева, прощаясь.

Глава 41. Жена изгнанника

*"Сотворим ему помощника,
соответственного ему".*

Быт. 2:18

На следующий день они сидели в поезде, идущем из Иркутска на запад, и тихо беседовали. Она рассказывала ему о своей жизни, работе для Господа.

- Вот тогда было весело. Мы много пели. Это была весна духовной жизни.

- И как же вы решились замуж выйти? - спросил Лева. - Ведь написано, что замужняя заботится не о Господнем, а о том, чтобы угодить мужу.

- Да, я, брат, это знала. Мы, сестры молодые, тогда беседовали об этом. И безусловно, когда верующая выходит замуж за неверующего, то ее заботы о Господнем кончаются: ведь муж-то не Господень. А вот, если верующая выходит за верующего, и муж - настоящий христианин, то она, заботясь о нем, заботится о Господнем, потому что муж живет Господом, Правильно, брат?

- Да, пожалуй, правильно, - согласился Лева.

- Тем более, войдите в мое положение. Разве я не понимала, что выходя замуж за него, ревностного труженика, не буду носить тот же терновый венец, что и он? Понимала и согласилась на это, зная, что буду идти узким путем.

- И вы не раскаиваетесь теперь в этом? - спросил Лева.

- Нисколько! - сказала она, смотря на него спокойными, кроткими глазами. И, покачивая малютку, нагнувшись над ним, произнесла:

- Нам дано не только веровать, но и страдать за Него.

Лева с восхищением смотрел на нее. Да, эти страдания и разлуки - проверка веры, и не только тех, кто сидит за решеткой, но и их жен, матерей, детей. И в огне испытания они становятся драгоценнее золота. Вот она, эта простая женщина, сидит с ним рядом, качает, кормит младенца, едет к изгнаннику-мужу, и ни слова возмущения, горечи, ропота. Полное спокойствие веры, крепкая надежда, что все в руках Божиих. Горячая любовь к Богу, к ближним... Да, эта простая женщина - героиня веры,

Сойдя на станции, они направились в местечко Усолье.

- Что вы хотите нести, брат, корзинку или ребенка?

- Да, что потяжелее, - ответил Лева.
- Они пожалуй, одинакового веса, - сказала женщина, приподнимая брови, как бы сравнивая тяжести.
- Тогда давайте ребенка - сказал Лева,
- А вы умеете? Приходилось?
- Не умею, не приходилось, - сказал, признаваясь, Лева. - А вы научите.

Мать бережно подала ему ребенка, показывая, как удобнее держать. Без привычки нести ребенка Лева стоило большого напряжения. Он все думала, может быть, он не так удобно держит его, и боялся, как бы не споткнуться, не упасть. В то же время это доставляло ему необыкновенное удовольствие. "Несу сына заключенного, который его еще не видел, - думал он. - Помогать матери - как это хорошо!"

Усолье, живописно расположенное на берегу реки, славилось соляными шахтами. Среди рабочих были и верующие, у которых они остановились переночевать, с тем чтобы на следующее утро, перебравшись через реку, углубиться в тайгу.

Леву особенно радовало, что верующие с большой любовью и заботой приняли жену заключенного брата. Каждая сестра хотела по нянчить ребенка, все любовались им.

Вечером ребенок спокойно уснул. Перед сном много горячих молитв вознеслось за заключенных, за их семьи. Любовь, любовь во всем видел Лева. И, засыпая, он особенно чувствовал боль за тех людей, которые не понимают этой любви, клеймят верующих и всячески стараются расправиться с ними.

Когда утром он проснулся, то, независимо от его воли, в сердце звучал гимн:

РoetryГорько плакал Великий, Могучий Христос.

Слезы горя на землю ронял...

Сильной воин любви, не стыдился Он слез...

Нет, Я плачу о вас;

Я лью Свои слезы и кровь,

Но Я вижу, что вам непонятна любовь,

За нее Вы распнете Меня...

Когда Лева умывался, мелькали мысли: им непонятна любовь, они не хотят знать Христа, они распинают Его. Но можно ли сердиться на них за это? Отче, прости им, ибо не знают, что делают, ссылая лучших братьев, лишая жен мужей, детей - отцов.

День выдался чудесный, какие нередко бывают осенью, прежде чем погода окончательно испортится и начнутся дожди. Солнце приятно грело, воздух был как-то особенно легкий, свободно дышалось. Ветерок не качал даже вершины высоких слей. Переправиться через реку на пароме и идти тайгой - было одно удовольствие. Тем более, что он дорогой мог беседовать с сестрой. Они двигались не торопясь, часто отдыхали. Мать пеленала и кормила сына. Холмы, покрытые лесом, были кругом. Дорога вилась между ними, уходя все дальше и дальше. Часто Лева, привыкший ходить быстро, удалялся от сестры и потом, покачивая младенца, дожидался ее. Лева был плохой певец, сестра же прекрасно пела, поэтому дорогой он несколько раз просил ее спеть, сам же только слушал.

- Ну, спойте, сестра, - говорил он. - С песней легче идти.

- О чем же вам спеть?

- О том, что у вас на душе.

Она запела:

Рoetry- Мы бодрей на жизненном пути пойдем,

Если будем доверять Иисусу.

Просветлеет путь тогда, радость будет навсегда,

Не смутит враг никогда,

Если будем доверять Иисусу.

Уже темнело, и тайга погружалась во мрак. Лишь вырисовывались на фоне неба зубчатые вершины гор, когда, наконец, дорога стала спускаться куда-то вниз, и перед ними в тайге открылась маленькая Александровка. Как говорили, эту деревушку основали в прошлом оставшиеся на поселение каторжане, возможно, декабристы. И в этой небольшой далекой деревне уже тлела искра доброго света и огня. Обратилась ко Христу одна женщина, которую и стали искать Лева с сестрой.

- Вы не знаете, тут должна быть одна верующая женщина? - обратилась она к старушке.

- Да мы все - верующие, - отвечала она.

- Да, такая, что по Евангелию живет.

- А, это зобатая баптистка! Вот идите в ту избу,- махнула рукой старушка.

Сестра оказалась дома и радостно приняла их.

- Проходите, проходите, гости дорогие! Вот Господь послал! Прозвище "зобатая" дано было ей не напрасно. У нее на шее был зоб, величиной с детскую головку.

Узнав, что прибывшая с малюткой, есть жена брата К., она особенно обрадовалась.

- А ведь он бесконвойный, часто у меня бывает. Такой бодрый, все про вас рассказывает. "Жди. - говорит, - жену с ребенком".

Хозяйка угостила прибывших парным молоком и свежим, душистым хлебом своего изготовления. И Лева, и сестра с аппетитом поели с дороги.

- Чудно Господь делает! - заметал Лева. - Вот сколько я ни путешествую, везде есть родные, так что у чужих останавливаться почти не приходится.

- Да, брат, - сказала хозяйка, - это мое служение. Вот бывало, когда братьев не сажали, я так тосковала, думала, - ну зачем я живу в такой глуши? Нет от меня пользы. А вот теперь и братья заключенные ко мне ходят, и приезжающие на свидание у меня останавливаются, и поем, и беседуем, и молимся. Благодать одна. Оказалось, и я нужна Господу!..

Глава 42. Узники централа (Александровский централ)

"Верою побеждали..."

Евр. 11:33

Рано утром сестра пошла и сообщила через дежурную охрану, что к К. приехала жена. Он тотчас же прибежал и бросился обнимать жену и подбрасывать маленького сына. Увидев же Леву, он еще более развеселился, обнял его и поцеловал.

- Вот это чудесно! И как вы вовремя прибыли! И, наклонившись к уху Левы, он шепнул:

- Этой ночью у нас будет здесь вечеря Господня.

- А ведь работа у меня здесь интересная, - сказал он громко. Ведь я - специалист по пожарной охране и теперь фактически руковожу в центре всем этим делом. Пожарка - то у нас как раз напротив централа, и я целый день хожу по воле...

Рассказывая, он почти не оставался на одном месте, постоянно жестикулировал. Это был весьма энергичный, подвижный человек, южного темперамента. Сестра усадила всех за стол, и, хотя брат-пожарник и уверял, что он уже позавтракал, она накормила его тоже.

- А мне все-таки нужно на работу, - сказал он. - А, ты, брат, - обратился он к Леве, - пойдем со мной. Посмотришь, как мы работаем. К тому же у тебя такой вид, что ты похож на заключенного. Так что, внимания не обратят.

Он показал ему пожарный сарай, машины. Все пожарники были на своих местах, во всем чувствовался порядок и дисциплина.

- У меня, брат, дело идет слаженно, - рассказывал он Леве. - И вот мой принцип. Он указал на плакатик, написанный от руки, висевший над столом: "Один за всех, и все за одного". Безусловно, его здесь любили и уважали.

Он рассказывал Леве, как по тревоге они вскакивают и готовы ехать немедленно. Брюки заправлены в сапоги, так что пожарник сразу попадает одновременно и в брюки, и в сапоги, застегивается - и готов.

Обойдя все, что положено, он сел с Левой на ближайшем холме, и пошла искренняя беседа. Лева рассказал о своем призвании, посещениях, стремлениях быть там, "где трудно дышится, где горе слышится". Брат К., оказалось, любил Некрасова. Он писал стихи и, подражая Некрасову, написал одноименную поэму: "Кому на Руси жить хорошо", но только с духовным уклоном. Благодаря своей работе, он был в курсе жизни заключенных всего Александровского централа и знал, где находятся какие братья и сестры, всячески старался облегчить их участь. Александровский централ не вмещал всех заключенных, поэтому вблизи были построены для них особые бараки, обнесенные колючей проволокой.

Поговорив с братом, Лева направился в самый централ. Это было огромное здание, обнесенное высокой, каменной, побеленной стеной. На огромных воротах на красном фоне была издалека видна надпись: "Александровский распределитель".

Лева стал хлопотать о свидании. Проверили документы, дали разрешение. Потом провели через

огромные железные ворота и еще через такие же и решетчатую дверь высокого здания. Он оказался в совершенно пустой комнате с мрачными решетками на окнах.

На свидание он пришел не один, было еще несколько женщин, на лицах которых он читал глубокую скорбь и тревогу за своих близких. Открылись темные железные ворота в противоположной стене и надзиратели вывели заключенных на свидание. Лева не знал, к кому идти.

- Что же ты не идешь? - спросил надзиратель. - Или не узнаешь, что он так изменился.

- Да, действительно изменился, - сказа Лева, обнимая седоватого обросшего старичка. Это был брат с Украины, которого он в первый раз видел, но которого полюбил так, как будто они всю жизнь прожили вместе. Они обменялись несколькими словами и убедились, что они навеки родные. Их сердца горели любовью Божиею.

Старичок сидел в камере, мало дышал свежим воздухом, лицо его было бледно, несколько отечно. Когда Лева поприветствовал его и рассказал, как стойко, с большой надеждой на лучшее братья переносят страдания, глаза старичка наполнились слезами.

- Ох, брат, - сказал он. - Тот же Господь и со мною, точно так же, как вы рассказываете о других. Он утешает и укрепляет меня. Ведь если я умру и не вернусь к родным - это не беда, ведь я пойду к Господу, там встречу с родными, там лучше...

Когда кончилось свидание, старичок особенно благодарил Леву за посещение.

- Не меня, брат, благодарите, - отвечал Лева. - Я - ничто, я только послушался Господа, Его и благодарите.

В те дни, когда Лева посещал заключенных, он нес им радость, но какую - он сам тогда не сознавал. Лишь спустя несколько лет, когда он сам многое испытал, он понял, что значит для заключенного - встретить близкого по духу человека.

В тот день Леве удалось познакомиться и побеседовать еще с несколькими бесконвойными братьями. Для них встреча с Левой была большой радостью.

Наступила ночь, темная, беззвездная, осенняя ночь. И тайга, и Александровский централ, и все вокруг погрузилось во мрак. И один за другим к избушке, где жила сестра в Александровке, потянулись братья. Они шли на вечерю Господню, вспоминать страдания Христа. Некоторых из них отпустили свободно, так как начальство, зная, что они баптисты, вполне доверяло им. Другие с риском вышли из-за проволоки, чтобы только приобщиться к Телу Христа, к Его пролитой за грешников Крови.

Эту вечерю Господню Лева никогда не забудет, как первую вечерю среди заключенных. Он был один "свободный" брат среди них. Тускло горела керосиновая лампа. На простых табуретках сидели они, страдальцы за Христа. Строго, с глубокой сердечностью и мыслью звучало негромкое пение:

ПоетруВзойдем на Голгофу, мой брат.

Там посланный Богом Мессия распят.

О правде святой проповедывал он,

Больных исцелял, а теперь Он казнен,

Падем перед Ним.

К глухим мужским голосам красиво и стройно присоединялись два женских голоса,

Хлебопреломление совершал брат К. Он говорил, что соблюдение этой великой заповеди Христа никогда не прекратиться до Его пришествия. Он рассказывал, как в условиях Иркутской тюрьмы, они с большим трудом доставали вино и аккуратно в камере совершали вечерю Господню. Он делился тем дивным благословением, которое они имели тогда.

Теперь, открыв "Евангелие от Матфея" 26 главу он прочитал с 21-го стиха: "И когда они ели, сказал: истине говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: "Не я ли, Господи?"

Брат обратил внимание на состояние сердца Иисуса в момент последней встречи с учениками. Он скорбел о том, что один из близких учеников, который видел всю любовь Его, окажется предателем. Он говорит им: "Один из вас предаст Меня". Эти слова наполняют скорбью души Его последователей: "Не я ли, Господи?"

Брат говорил о том, что и теперь самые видные служители Божий зачастую предают дело Божие. Своим поведением, своею неверностью, отступничеством они вновь предают Христа на распятие.

- Да, испытывает себя сам человек, "Что ты делаешь?" Если ты предаешь брата, не предаешь ли ты тем самым Христа?

Как многие были искушены до такой степени, что предавали друг друга? Брат предложил всем

представить себя пред Господом и сказать Ему то, что говорили ученики: "Не я ли, Господи?"

И, склонившись на колени, в молитве со слезами, заключенные обращались к Нему с вопросом: Не я ли, Господи? Молили Его дать силы не оказываться предателями дела Божия. Это была особая молитва. Это было особое положение душ, исповедание их, гонимых, лишенных всего за Истину.

Дальше совершалась вечеря Господня. Стояли со склоненными головами, тихо воспевая, рассуждая о Теле и Крови Христовой, они вкушали хлеб и вино, черпая силу для дальнейших подвигов в верности. С ними был и Лева, он тоже спрашивал: "Не я ли, Господи?" и умолял Спасителя вести его так, чтобы не предавать никого. Спели гимн: "Да будет Отцу Всеблагому хвала, Господня любовь нас от смерти спасла..."

Приветствовали друг друга целованием и тихо, мирно разошлись...

Глава 43. Среди заключенных

"В темнице были и вы пришли ко Мне".

Мтф. 25:36

Два дня пытался Лева получить свидание с теми заключенными, которые находились за проволокой, но безуспешно. Он молил Господа научить его, как правильно поступить. И вот однажды, когда заключенные тянули телефонную линию в лагерь я ставили столбы, он присоединился к ним. Когда они, вскочив на телеги, поехали на обед в лагерь, поехал с ними и Лева. Благополучно проникнув в зону, он свободно ходил по баракам, знакомясь с братьями и сестрами, приветствуя их верой, надеждой, любовью. Он смотрел как они живут, трудятся, полные огня и веры.

Особенно понравился ему брат-кузнец. Энергичный, сильный, он работал на хоздворе, ковал в кузнице железные детали. Его веселость, бодрость особенно понравились Лева.

Глубокое, неизгладимое впечатление произвела на него встреча со слепым братом - скрипачом. Ему предлагали здесь играть в агитбригаде плясовые вещи, но он категорически отказался, считая, что этим он не славят Господа. Тогда его заставили работать, пилить дрова. И он пилил их с одним зрячим заключенным двуручной пилой. Там, сидя на бревнах, делился он с Левой.

- Дивное Господь делает! - говорил он. - Мы не видим, не замечаем, а к небу несется гармония служения Богу, Это как в хоре. Звучат одни голоса, потом они умолкают. Поют другие, более слабые, нежные. Потом опять все вместе. Так и тут" в деле служения. Мы служили Господу, много делали передовые братья. Но вот Господь - регент душ человеческих - заставил замолчать. Нас арестовали. Теперь ноют более слабые, нежные, но их служение также драгоценно пред Богом и дивной музыкой льется к небесам,

- Да, велики планы Божий, - сказал Лева. На прощанье слепой сказал:

- Не печальтесь обо мне, брат. И без зрения, с Господом хорошо везде, и тут хорошо. Благодарю Бога.

Так же благополучно, как въехал, выехал Лева на подводах вместе с отдохнувшими и пообедавшими заключенными.

К вечеру до него дошли слухи, что за ним начинают следить.

На другое утро, с большой любовью простившись с братом К., его спутницей и сестрой-хозяйкой, жительницей Александровки, Лева двинулся пешком в обратный путь.

Погода все еще была по-осеннему прекрасная, но уже местами по небу ходили невеселые тучи, обещая дождь. Лева шел легкими быстрыми шагами по таежной дороге и снова восхищался разноцветным убранством леса. Здесь было больше хвойных пород, и основные массивы тайги стояли вечнозеленые, свежие.

Благополучно переправившись через речку и побывав в Усолье, он передал там братьям и сестрам привет от заключенных и двинулся по направлению к железной дороге.

На станции было много народу, все больше крестьяне. Они перемещались в разных направлениях. Билет удалось получить, без затруднений.

Лежа на полке и посматривая на мелькавшие мимо леса, поселки и деревни, Лева прислушивался к разговорам пассажиров. О чем только ни говорили люди: об одежде, о пище, о своих семейных обстоятельствах и о переменах в жизни...

Но никто из них не говорил о Боге... Было ясно, что никто из них не знает истин евангельских, что они - бедные язычники, живущие во тьме и уходящие во мрак могилы, "Какая разница, - думал Лева, - они и те, кого он посещает? Их жизнь озарена светом правды, у них совсем другое содержание жизни, другие нравы..."

Поезд двигался все дальше и дальше, приближаясь к Красноярску. И Лева мысленно перенесся в этот

город. В его воображении рисовалась встреча с отцом, их сердечные беседы, воспоминания о Волге, о близких, хотя бы короткий отдых. Но он ошибся. Когда в знакомом железнодорожном поселке приблизился к дому, где жил его отец, дверь открыла та же гостеприимная сестра. Она радушно приняла его, но с печалью в голосе сказала:

- Папы твоего у нас уже нет. Его отправили дальше - вниз по Енисею.

Сестра угостила его чаем, и пока Лева пил, рассказала, как бодро и радостно его отец собирался в путь, говоря, что он нужен там...

Глава 44. По узкому пути (Красноярск и вверх по Енисею)

"Кто хочет идти за Мною, отвергни себя..."

Мтф. 16:24

Лева решил на несколько дней остановиться в Красноярске и привести в порядок свои записи - анкеты. Он даже изобрел шрифт, хотел переписать всех тех, кого посетил, но подумал, что это ни к чему, и оставил эту затею. Много времени занимали письма. Журнал "Вестник изгнанника" он думал оформить в зимних условиях, живя у слышных, в глухих местах Ангары. Теперь же он писал своим близким, находящимся на воле и в заключении, о своих путешествиях, встречах, о тех великих надеждах, которыми живет народ Божки,

На красноярский адрес ему пришли письма из разных мест, где он был и где не был. Из этих писем он узнал, что заключенные не забыты, и это особенно радовало его. Были вести из Соловков, от дорогой, близкой сердцу, молодежи Поволжья, которая находилась в изгнании в лагере особого назначения. Большую радость доставили ему письма матери, которая не ограничиваясь этим, исполненная материнской любви и заботы, прислала посылку с зимним пальто, шапкой и старыми подшитыми валенками. Это было как раз кстати. Надвигались суровые сибирские холода, и без теплых вещей двигаться было невозможно.

В это время о пище, и об одежде Лева совершенно не задумывался. В нижнем белье было много новых дыр, их Лева старательно стягивал нитками, совершенно не задумываясь, что будет дальше. Все его внимание поглощали письма, анкеты и записи. Поразмыслив, он решил оставить их у одной сестры, которая жила вблизи молитвенного дома.

- Я прошу вас сохранить эти пакеты, - сказал он низенькой краснощекой сестре, у которой бывал уже не раз. Муж ее был на работе. Их маленькая дочка лет восьми, подружилась с Левой и сегодня, как всегда, радовалась его приходу.

- А вы, дядя, уезжаете? - спросила она. - Уезжаю, далеко, далеко, на Ангару.

- О, там медведи! - сказала она.

- И не только медведи, есть и люди, - сказал Лева. - Я еду к людям, братьям,

- А медведей не боитесь?

- Нет, не боюсь. Я ведь не один еду.

Он попрощался с ними и пошел на квартиру, где жил его отец, собираясь в дорогу. Был ветреный, холодный день. Енисей волновался. Волны, покрытые беляками, всюду ходили по нему. На пристани не многолюдно. Леву провожали сестры. Среди них была и та прачка, которая носила с ним передачи в тюрьму.

- Я здесь недавно и вашего отца провожала, - говорила она. - Вы к нему заедет" ;?;

- Видимо, не придется, - сказал Лева. - Его направили в Енисейск, это ниже. Я же еду до устья Ангары, чтобы по этой реке потом подняться вверх,

Последние слова прощания.

- С Богом! Обещаем молиться...

Третий гудок, зашумели машины, пароход вздрогнул и двинулся вниз по течению. Скоро провожающие стали маленькими, незаметными фигурками и исчезли из вида вместе с городом и пристанью.

Чудные картины дикой природы енисейских берегов раскрылись перед глазами Левы. Огромная многоводная сибирская река. Сколько мощи и силы в ней! А берега! Какие скалы, какие угрюмые, мрачные горы! Ч то-то суровое, дикое было в них, И Лева вспомнил родные Жигули, Родную Волгу Каким миром, особой красотой повеяло на чего из воспоминаний о тихой русской реке, о Жигулях. Но и эта дикая, девственная природа была по-своему хороша. И Лева, не отрываясь, смотрел на скалы, нависшие над водой, а на горы с соснами, я на их вершины. А пароход все шел и шел. Местами он замедлял ход и осторожно пробирался между порогами, подводными камнями. Вода бурлила, пенилась, шумела над ними.

Приближалась ночь. Становилось все холоднее. Пароход не отапливался, и пронзительный ветер проникал всюду. Лева старательно укутался в свое пальто и вместе с другими пассажирами усаживался поудобнее, чтобы меньше мерзнуть.

Так как сейчас он ехал в сущности с намерением перезимовать в глуши Ангары, то захватил с собой и постель - плотную подстилку и небольшую подушечку, Попросив у Бога благословения на сон грядущий, Лева развернул свою подстилку и не раздеваясь, прикрывшись пальто, под шум машин парохода быстро уснул. Ему снилась река, быстрая, бесконечная. И он плывет, плывет, и так холодно в воде, и так мрачно кругом, и берега не видно. Вдруг он увидел лес, полянку и большие деревянные бараки. Проснулся, уже светало. Холод пронизывал. Чтобы согреться, он стал быстро ходить из угла в угол, потом увидел пьющих чай пассажиров, вошел к ним, наполнил кружку кипятком и с наслаждением нанялся горячего чая с хлебом.

- А если дальше будет так холодно, надо что-нибудь придумывать, - рассуждал он про себя. И решил, что в случае резкого похолодания прорежет дырку в тюфячке, наденет его поверх пальто и будет чувствовать себя прекрасно. Но до этого не дошло. Ветер утих, выглянуло солнце, и стало теплее.

В одном месте пароход остановился посередине реки. Путь был прегражден. Между порогами застряла большая баржа, груженная хлебом, и мешки с зерном перетаскивали на другую баржу, чтобы та, несколько приподнявшись над водой, могла свободно пройти.

Наконец, пароход остановился у пристани, которая называлась "Стрелка". Это было устье Ангары. Прозрачные, чистые воды красавицы-реки, вытекающей из Байкала, вливались в мутные воды Енисея и, некоторое время не смешиваясь с ними, сохраняли свою чистоту. Сойдя на берег, Лева оглянулся на реку. Да, это была ширь водная. Здесь берега словно расступались, приветствуя слияние двух рек. У пристани расположилась небольшая деревушка с одноименным названием. Лева пошел туда, чтобы узнать, как можно плыть вверх по Ангаре, Однако все старожилы деревни, с кем бы он ни говорил, качали головой и утверждали, что уже поздно.

- Скоро, парень, лед пойдет, - наставительно говорил старый сибиряк-чалдон. - И никакие катера вверх по Ангаре не пойдут.

- Да как же быть? - спрашивал Лева. - Мне нужно добраться вверх до деревень Погорюй, Потоскуй, Покукуй. И еще дальше. Нельзя ли тогда берегом реки?

- Ничего не выйдет, - говорил старый чалдон, махнув рукой. - Нужно ждать, когда санные дороги установятся. Да и вообще, тут на Ангаре дороги трудные.

Ночевать Лева попросился в одну крестьянскую избу. Хозяин подтвердил, что пробраться теперь вверх по Ангаре невозможно:

- Придется тебе зимовать у нас на Стрелке, никуда не денешься, раз заехал.

Перспектива зимовать в глухой сибирской деревушке, где нет родных и близких, очень беспокоила Леву. Как быть?

Он открыл любимую книгу и прочел: "Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас". Эти слова сразу успокоили. Он печется, Он устроит все, - думал Лева. У хозяев он купил замечательный сибирский хлеб. Это очень вкусный пшеничный крендель-витушка. У них же оказались своего засола огурцы. Чай, огурцы и хлеб были самой любимой Левиной пищей.

Наутро ударил мороз, вода в лужицах замерзла. Что делать? Лева поспешил на берег. Енисей нахмурился. Маленькую пристань подбрасывало на волнах. От обслуживающего ее человека Лева узнал, что пароходы к берегу уже не пристают, а торопливо идут вверх, вниз, спешат, чтобы не замерзнуть в пути. Что делать, что делать? - думал Лева.

Свирепый ветер, казалось, готов был сорвать с него пальто. Глухо, заунывно, по-осеннему шумела еловая тайга.

У Левы созрел план: вернуться назад в Красноярск, потом ехать в Канск, и оттуда санным путем пробираться к ссыльным на Ангару. Ни холодный ветер, ни надвигающиеся морозы сибирской зимы не останавливали его. Но как выбраться с этой Стрелки? "Господи, помоги!" - молился он.

Он решил весь день не уходить с берега и ждать. Может быть, какой-нибудь пароход пристанет. Но они не приставали. Вверх прошел один большой пассажирский пароход, но даже не приблизился к пристани, прошел другой - и тоже мимо. Но Лева не терял надежды. Он все стоял на берегу и всматривался в волнующуюся реку, воды которой уходили на север. Он ждал, ждал.

И вот показался небольшой буксирный пароходик, тянувший баржу. У него, видимо, было что-то не в порядке, и он пристал к берегу.

Лева бросился к капитану.

- Вы плывете в Красноярск?
- Да, к Красноярску, - отвечал тот озабоченно. - Да не знаю, как сойдем, того и гляди лед ляжет.
- Захватите меня, пожалуйста, я заплачу.
- Пассажиров не берем, - резко ответил капитан. - Нам не до них. Вот матросов нам нужно.
- Так, пожалуйста, я матросом буду. Я с Волги. Буду работать матросом.
- Ну, тогда садись! - сказал капитан и спустился в машинное отделение.

Схватив под мышки свою постель, Лева тотчас оказался на палубе. Пароход отплыл и потянул за собой баржу. Лева приступил к матросской работе.

Глава 45. В непогоду (По Енисею)

"Око Мое над тобою".

Пс.31:7

В обязанности Левы входило подносить смазочные масла и горючее в машинное отделение, а также под руководством механика делать уборку. Свои вещи он сложил в матросской каюте, спустившись по лестнице в трюм. Матросы сидели за столом, пили чай и не обратили на него никакого внимания. Всех их занимал только один вопрос: доплывут ли они до Красноярска, или придется причалить в каком-нибудь затоне, или, что всего хуже, замерзнут где-нибудь на пути.

Все внимание уделялось работе машины, подаче горючего; плыть приходилось против течения, с большим трудом. Лева тоже волновался. Ведь застрять дорогой - совсем не входило в его планы.

Глухой ночью, стоя на палубе, Лева заметил, что впереди появляется все больше и больше огней. Из разговора капитана он понял, что они приближаются к пристани, у которой стоит большой пассажирский пароход, идущий вверх. Капитан решил пристать к берегу, чтобы механик устранил некоторые неполадки в работе машины.

Как быть, Господи! Подскажи мне - внутренне молился Лева. У него зрела мысль, что ему нужно покинуть ненадежный буксирный пароход и пересесть на пассажирский. Он так и сделал. Как только пароход причалил к берегу, он схватил свои вещи, прыгнул на подмости и исчез во тьме берега.

Войдя на пассажирский пароход, он тут же купил билет 4-го класса и, промелькнув мимо спящих людей, забрался на свободную верхнюю полку и тут же уснул. Сквозь сон он слышал, как пароход тронулся и, равномерно покачиваясь, двинулся вперед, вверх.

Он проснулся от страшного крика. Пароход стоял. В проходах сновали люди в черных полушубках и, нещадно матерясь, поднимали всех спящих, заставляя выгружать пшеницу. Слышался жалобный голос:

- Я больной, не тронь.

- Вставай, иди к врачу, он осмотрит, освободит, если больной. Озираясь кругом, Лева понял, что он попал в лагерь заключенных, которых эвакуировали в 4-ом классе вверх по Енисею.

- Ну, а ты, что лежишь? - обратился к нему какой-то военный.

- Я не ваш!

- Как так не наш? Документы?

Лева достал паспорт, военный посмотрел и оставил его в покое.

Заключенные возвращались потные, разгоряченные после тяжелой работы - выгрузки мешков с пшеницей с парохода. Несли в чайниках кипяток и закусывали ржаным хлебом и воблой, которая была у них в изобилии.

- Эй, паренек! - крикнул Лева седоватый старичок, очищая воблу. - Не брезгуй нами, слезай чай пить.

Лева слез, достал из своего мешка несколько витушечек и, угощая заключенных, присоединился к ним.

- А ты нашего хлеба попробуй, хороший хлеб, чисто ржаной, и рыбка хороша, жирная, кушай!

Лева с наслаждением ел хлеб с вкусной воблой, запивая кипятком. Заключенные рассказывали, что их везут в Красноярский лагерь. Он быстро сдружился с ними.

Наутро положение стало тревожным. По широкой глади Енисея пошел лед. Пароход вздрагивал, напрягал свои силы, торопился вверх. Но льда становилось все больше и больше. Мороз крепчал.

Наконец, на левом берегу Енисея, что полого подходил к воде, показалось какое-то селение. Пароход остановился, и было объявлено, что все пассажиры должны сойти на берег. Пароход в Красноярск не пойдет, направляется в ближайший затон.

Сначала сходили заключенные, их считали, окружали вооруженной стражей и вели в ближайшие избы.

Потом выходили пассажиры, которые спешили расположиться в оставшихся свободных избах. Лева попал в дом, в котором уже была одна пассажирка с двумя маленькими детьми. Она оказалась женой заключенного и следовала за ним. Ее муж, видимо, пользовался уважением у начальства и скоро явился к жене, досадуя, что из-за мороза она переживала большие трудности в пути.

Лева вышел, чтобы узнать что-нибудь о подводе. Но увы, часть подвод мобилизовал для своих нужд лагерь. Оставшихся лошадей наняли за большие деньги более состоятельные пассажиры и уже отъезжали к Красноярску. До города, как они говорили, оставалось 72 километра. Дорога шла берегом Енисея по неровным скалистым местам. Как быть? - думал Лева. "Господи! Помоги мне!"

Ведь если бы не вещевой мешок да не постель, можно было бы смело идти пешком. Но добираться в зимнем пальто, в валенках, да еще по гололедице с вещами было невозможно.

Он вошел в избу, где остановился. Там заключенный рассказывал жене, что завтра их вещи сложат на подводу и они строем двинутся в путь. Он уже договорился с начальством, чтобы подвезли на подводах и его жену с детьми.

- Послушайте, обратился к нему Лева. - Тут у меня немного вещей. Я оставляю их вам, а вы дайте мне адрес вашего лагеря, и я, когда буду в Красноярске, возьму их у вас:

- Пожалуйста! - сказал заключенный. - Вы не боитесь, что мы украдем?

- Нисколько, - ответил Лева. - Я знаю, что и среди заключенных есть вполне честные люди. Я уже познакомился с вашей женой и вполне доверяю вам. Бог даст, ничего не пропадет.

На следующее утро, оставив у них вещи, Лева раньше всех отправился в путь. Падала мелкий снежок. Зима вступила в свои права. Километр за километром бодро шагал Лева. Но скоро он убедился, что идти пешком зимой и идти пешком летом - большая разница. Зимняя одежда - лишний груз, быстрее устаешь, валенки трут ноги. Первый день Лева прошел сравнительно легко, но на ногах уже были натерты мозоли.

Когда стало темнеть, он остановился на ночлег в небольшом селе, расположенном у дороги. Его пустили ночевать пожилые крестьяне, муж с женой. В избе было тепло, чисто. Перекусив, он достал Библию и стал читать.

- Что читаешь? - заинтересовался крестьянин.

- Библию?

- О! Говорят, святая книга?

- Да, святая, - ответил Лева и прочитал несколько строчек.

Крестьянин и его жена слушали внимательно, вздыхали.

- Вот попы нам правду не говорили, - сказала старушка. - Пьянствуют они больно много. Мы уже последнее время с мужиком и в церковь не ходили. А про настоящую веру Христову так и не слышали.

- А здесь у вас нет ли баптистов или евангельских христиан? - спросил Лева.

- Нет, не слышали, - сказал крестьянин. - Темные мы люди... Перекрестившись на угол, где виднелась закопченная икона, он полез на печку спать. Лег на лавку и Лева. Перед сном он молился: "Господи! Ты видишь, сколько еще деревень, сел находится в полной тьме. Пошли свет Евангелия, Твое спасение многим".

Сердце Левы ожидало тепла и света не только для себя, но и для других, для народа, среди которого он жил и путешествовал.

Старушка потушила лампу. Где-то заунывно трещал сверчок. В трубе зловеще выл ветер. Надвигалась зима - морозная, снежная. Страшная, беспросветная ночь. Неужели эти молитвы о пробуждении русского народа, о свете Евангелия, мира и любви, останутся не услышанными? Неужели и впереди будет бесконечная, беспросветная ночь?

- Нет, - твердо решил Лева. - За ночью следует день. Молитвы будут услышаны. Прекрасное, солнечное - впереди.

Глава 46. Темнеет (Красноярск)

"Ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину..."

Евр. 19:5

Еще было темно, когда хозяйка встала и начала хлопотать у печи. Проснулся и Лева и сразу стал собираться в дорогу.

- Ну, покушай сынок, - сказала старушка, ставя перед ним кружку молока.

Перед едой и после нее Лева открыто молился. С удивлением смотрели на него крестьяне. Такой молитвы они в жизни не слышали. Заплатив за ночлег и молоко, Лева распрощался с хозяевами и вышел.

Моментально почувствовал он мороз.

В Сибири морозы наступают как-то сразу сурово. Уже рассветало. Небо было серым от туч. Местами ветер надул сугробы. Лева шел и шел, размышляя, вспоминая, иногда внутренне возносился душой и сердцем к небу. Хотелось бы скорее добраться до своих, немного отдохнуть и двигаться дальше, чтобы потом где-то перезимовать. Путешествуя уже много месяцев, Лева чувствовал не только физическую усталость, но и какое-то внутреннее утомление. Ведь так часто его путь требовал напряжения, риска, и только силы Неба укрепляли его бесстрашно двигаться вперед.

Несмотря на эту усталость, у него и мысли не было вернуться на Волгу, к матери, жить так, как живут все.

Дорога шла то в гору, то под гору, то приближалась почти к берегу реки, идя через тайгу, то уходила в сторону через покрытые снегом поля. Он останавливался, иногда присаживался на ствол упавшего дерева, закусывал и потом опять шел и шел. К вечеру стали страшно болеть утомленные, растертые ноги. Мороз крепчал, не было никаких признаков того, что город близко. Но он все, более напрягал силы, надеясь хоть к ночи добраться до Красноярска.

И вот, наконец, на горизонте показался холм с видневшейся на нем башней. Лева знал, что эта башня стоит вблизи Красноярска, и ободрился. Потом послышались паровозные гудки, и вдаль он увидел очертания окраины Красноярска. Совсем уже смеркалось, когда он, с трудом передвигая усталые ноги, напрягая волю, вошел в железнодорожный поселок.

По дороге встретилась знакомая сестра, та самая, у которой останавливался отец. Но что это? Она с каким-то испугом смотрит на него и делает вид, как будто не замечает. Поспешно идет в сторону. От страшного, непонятного предчувствия защемило сердце. По дороге ближе всего был молитвенный дом, и, хотя собрания не было, он решил зайти туда. Тяжело переступая через порог, Лева вошел в сторожку.

- Мир вам! - сказал Лева и опустился на табуретку.

- Ах, Боже мой! Ах, Боже мой! - воскликнула находившаяся там сестра, бледнея при виде его.

Он с недоумением посмотрел на нее.

- Лева, вы знаете, в доме той сестры, где вы оставили бумаги, был обыск. Взяли все, Вас ищут. Допрашивали всех: "Что за человек?" Катали на автомобиле маленькую девочку, угощали конфетами, все расспрашивали, какой это у них дяденька был.

- Пойду, скажу брату, что вы пришли. Она поспешно оделась и выбежала. Лева опустил голову на руки. Он страшно устал, был голоден, болели ноги.

Вошел брат.

- Дорогой брат, - сказал с дрожью в голосе сильный пожилой мужчина. - Я обещал, что как только увижу вас, пойду сообщу им.

- Хорошо, - сказал Лева. - Но давайте прежде помолимся. Этот брат, опустившись вместе с Левой на колени, плакал. Душа его страшно терзалась, и ему было бесконечно жаль Леву, который, он знал, идет ради Христа. И в то же время данное обещание...

- Господи! Господи! Будь милостив ко мне! - стонал он.

- Господи Боже! - молился Лева. - Я так устал, так устал, у меня нет больше сил. Да будет воля Господня, Твоя святая воля во всем. Будь милостив к нам.

Когда они встали с колен и поприветствовались, то Лева спокойно сказал:

- Дорогой брат. Вы должны быть честным, я нисколько не осуждаю и не упрекаю вас. Люблю по-прежнему. Идите и скажите, как вы обещали.

Брат вышел. Была ночь. Лева встал и тоже пошел. Шел шатающейся походкой измученного человека. Шел во мрак ночи. Куда? Он сам еще не знал.

- Господи, укажи, где и как я могу иметь хотя бы маленькое пристанище и хоть немного отдохнуть?

И вдруг пред ним как бы предстал образ той сестры-прачки, которая так старалась помочь все бедствующим, особенно заключенным. Великою радостью засветились ее глаза, и она приняла его, зная обо всем, что произошло.

- Сестра, вы не боитесь принять меня? - спросил Лева,

- Нет, нисколько, дорогой брат, нисколько! Я счастлива, что мне выпало на долю послужить вам. Видимо, вы больны?

- Нет, - сказал Лева. - Просто устал.

- Так вымойте ноги и ложитесь на мою постель.

- Нет, - возразил Лева, - я вот лучше здесь на сундучке.

- Даже не думайте! Я здесь хозяйка. Мне послужить для вас - это как послужить для Господа!

Она помогла ему вымыть ноги, на ступнях которых было много кровавых мозолей, и накормила.

Преклонив колена, Лева горячо благодарил Бога, что Он послал ему отдых. А сестра благодарила Бога за то, что Он послал ей брата.

Квартира была с отдельным входом. Это Леву вполне устраивало.

- Никто, брат, не должен знать, что вы у меня, - говорила сестра, - пока заживут ноги, ни о чем не думайте. Дальнейшее усмотрит Господь!

Она ушла на работу, а Лева целый день лежал в чистой, мягкой постели. - Как чудесно сделал Господь! - думал он. - Казалось, впереди полное отчаяние, пропасть, и вдруг - покой.

Он открыл книгу псалмов и стал читать. Бессчетное количество раз читал он псалмы, знал наизусть, но теперь эта книга воспринималась по-новому. Псалмы не только читались - переживались. Скорби, трудности, вздохи автора псалмов были трудностями и вздохами Левы.

Некоторые места из псалмов были такие, что он свободно мог использовать их для молитвы:

"К Тебе, Господи, возношу душу мою. Боже мой! на Тебя уповаю, да не постыжусь... Призри на меня, и помилуй меня, ибо я одинок и угнетен. Скорби сердца моего умножились, - выведи меня из бед моих... Сохрани душу мою и избавь меня, да не постыжусь, что я на Тебя уповаю." (Пс. 24)

"Приклони ко мне ухо Твое, поспеши избавить меня. Будь мне каменной твердынею, домом прибежища, чтобы спасти меня. Ибо Ты каменная гора моя и ограда моя; ради имени Твоего води меня и управляй мною. Выведи меня из сети, которую тайно поставили мне, ибо Ты - крепость моя." (Пс. 30)

Вечером пришла сестра с работы, принесла из больницы мази и бинтов, перевязала ноги Леве. Несколько дней пролежал он у нее. Ноги зажили, силы вернулись к нему. Он сходил в лагерь и принес вещи, которые оказались в полной сохранности.

Как теперь действовать дальше? Выехать в Россию, покинуть Сибирь? Или направиться в Архангельскую область? Или по направлению к Соловецким островам? Или же твердо продолжать намеченный путь и пробираться в глушь Ангары?

Лева долго не думал. Там, на Ангаре, его ждали. Особенно он обещал брату Ясырину прибыть к нему на зиму. И Лева решил не уклоняться ни вправо, ни влево, а твердо придерживаться намеченного курса.

С сестрой они договорились, что она заранее пойдет на станцию с вещами и купит билет. Лева же на вокзале не покажется до последнего. Будет на перроне между вагонами и в момент отхода поезда подойдет к ней, возьмет билет, вещи и уедет.

Была ночь. Хлопьями падал снег. Чтобы не замерзнуть, Лева быстро ходил поблизости перрона. Когда подошел поезд и началась посадка, он только в самый последний момент вышел из-за вагонов, взял у сестры билет, пожал ей руку и исчез в тамбуре.

Он ехал в Канск. Теперь ему нужно было вести себя осторожно, еще незаметнее. И в Канске он пошел только к пресвитеру, решив больше никого не видеть.

Пресвитер очень обрадовался, увидев его, и передал с ним письма и деньги для ссыльных.

Теперь Лева ехал на подводах среди убеленной снегом тайги. В одном из сел он встретил брата, который собирался также ехать в глухие места Ангары, чтобы продать там некоторые вещи. У него была еще своя лошадка, и вдвоем на саних они продолжали путь.

Глава 47. Особенный день (Евсеев мыс)

"И свет во тьме светит и тьма не объяла его".

Иван. 7:5

Приближалась середина ноября. Истекло восемнадцатилетие существования Левы на земле. И он дорогой, в часы, когда ехали с братом молча, невольно просматривал пройденный жизненный путь. Он сделал все, что мог. Чудный подарок, который он получил от Господа в день совершеннолетия, осуществился. Он отдал этот год жизни тем скорбящим изгнанникам, к которым звал его Господь.

За эти дни, он, казалось, прожил и увидел больше, чем можно прожить и увидеть за десять лет.

Он окончательно увидел и оценил свет Евангелия в людях и в то же время понял всю тьму и пустоту

жизни без Бога. Не в тепличных условиях, а среди ненастья и непогоды росла и крепла его юная вера.

Они подъехали к местечку, которое называлось Евсеев мыс. Оно было превосходно. Несколько избышек стояли на поляне, расположенной среди высокого, стройного леса тайги. Здесь и жили братья. У одного из них, который валял валенки, они остановились. Верующие жили в глуши. Невозможно передать радость, которую, подарил им приезд двух братьев. Эти твердые, крепкие сибиряки, жители тайги, особенно любили петь. Вечером, собравшись в избе со своими семьями, они громко славили Господа, пели гимны.

Их печалило одно, что ни Лева, ни приезжий брат не обладали певческими дарованиями и не могли научить их новым гимнам.

- В таком случае почитай нам, брат, Слово Божие, - сказал брат, весело улыбаясь.

Лева открыл свою неизменную спутницу - Библию и сказал:

- Братья и сестры. У меня сегодня особенный день, день рождения, или как его иначе называют именины. Я знаю, что у вас не принято праздновать дни рождения, но считать дни, чтобы приобрести сердце мудрое, мы должны, как написано. Я сегодня хочу поделиться сердцем своим с вами. Когда-то этот день я проводил в кругу семьи, с отцом, матерью, братьями и сестрами. Теперь я счастлив, что отмечаю его тоже в кругу семьи, ибо Христос сказал: "Кто исполняет волю Отца Моего Небесного, тот мне и брат и сестра и мать".

- Сейчас, - он взглянул на всех, - я прочту вам места из Слова, дорого оно мне.

Он обвел глазами всех слушающих. Взоры всех собравшихся с любовью и вниманием были устремлены на него.

- В Евангелии от Марка в 8-й главе написано с 34-го стиха: "И подзвав народ с учениками своими, сказал им: Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее".

- Вот я прожил восемнадцать лет. В них особенно стал близок ко Христу и хотел идти за Ним, и раньше шел, но это было не то. Я не отвергал себя. Теперь же, идя за Ним, я взял крест мой - служение заключенным, я действительно последовал за Ним. Много радостного принес крест мой. Но он не был из цветов. Один Бог знает все. Идти, терять душу, жизнь, ради Христа и Евангелия. Возможно, что этот год жизни принесет новые потери и страдания ради Христа и Евангелия, но нет ничего лучшего, чем этот путь.

- Хочу сказать вам, - продолжил Лева. - Все вы очень радовались, услышав от меня рассказы о моих путешествиях. Вы благодарили Бога за меня, но ведь я тоже простой верующий, как и все вы. У меня есть только то, что я не на словах, а на деле пошел за Христом, отвергну!? себя.

- Ушел восемнадцатый год жизни. Что я сделал за это время? Только одно: исполнил волю Бога - "Был в темнице и вы посетили Меня". А сколько необыкновенных благословений и переживаний я имел! Как чудно видел спасающую, руководящую, заботливую руку Господа! Ведь видя Его любовь и водительство, странно смотреть на людей, которые вообще Его отвергают. Ведь если бы не Он, никогда не были бы пройдены эти восемнадцать лет. И если бы могли вновь вернуться эти годы, я прожил бы их так же - в следовании за Христом.

- Братья и сестры! - Лева с особым вниманием посмотрел на сидящих вокруг него пожилых и молодых верующих. - Я верю, я глубоко верю, что каждый из нас, если отдаст себя целиком в распоряжение Господа, отвергнет себя, будет терять душу свою ради Христа и Евангелия и исполнит в течение года хоть один Текст повеления Иисуса, будет иметь великие благословения, радости как для ближних, так и для себя.

- А теперь я хочу молиться. Я хочу благодарить Бога за эти дивные восемнадцать лет моей жизни, просить благословения на грядущее.

Все преклонили колени, горячо молились Богу.

Лева от сердца благодарил Христа за спасение, за Его Голгофскую жертву. Благодарил, что в течение этих лет Он помог ему идти за Ним, видеть, ощущать Его, познавать красоту любви Его.

- Господи! Я не знаю, что меня ждет. Иду за Тобою. Этими словами Лева закончил молитву.

Леву горячо поздравляли с новым, девятнадцатым годом его жизни. И, слушая их приветствия, признания в любви, которые звучали в словах каждого, Лева воистину чувствовал себя в одной семье. Он оставил отца, мать, брата, сестер ради Христа и Евангелия и ныне, среди гонений, обрел во сто крат больше отцов, матерей, братьев и сестер.

Глава 48. Начало страдальческого пути (Село Черчет)

*"Приходит ночь, когда никто не может
делать".*

Иоан. 9:4

После этого они ехали еще около трех дней. Оказались на местности среди екал, где было беспокойно. Волновались крестьяне в связи с новыми преобразованиями. Всюду разъезжали конные военные. Лева и брат поздно ночью доехали до деревни Черчет и остановились на ночлег.

Только они уснули, укрывшись на полу тулупом, как в дверь раздались удары прикладом.

Хозяин вскочил, отпер. В комнату ворвались люди в черных полушубках.

- Кто здесь? Вставай! Руки вверх! Обыскивай их!

Несмотря на то, что документы у обоих были в порядке и в вещах не было ничего предосудительного, их задержали.

- Началось! - подумал Лева.

Брат вынул из кармана Евангелие и открыв место, прочитал Леве: "Итак воины, по данному им приказанию, взявши Павла, повели ночью..." (Деян. 23:31).

Эти слова сразу успокоили Леву. Он знал, что это дано по указанию свыше, вовремя и к лучшему...

Издательство "Благовестник", Москва, 1994 г.